НОВАЯ ПОЛЬША

№2 (171) 2015

ПОСЛЕ СМЕРТИ ТАДЕУША КОНВИЦКОГО

КШИЖОВА: МЕСТО ПРИМИРЕНИЯ

ПОЛЯК НА ЗАПАДЕ

Ежи Едлицкий о национализме

Горькие раздумья Кароля Модзелевского

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Z. Wróblewskiego 6
31-148 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2 (171)
2015
февраль

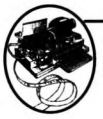
ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Эльжбета Савицкая 3
ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ БАРОМЕТР
НАШИХ ИСТЕРИК И НАДЕЖД
Тадеуш Конвицкий (22 июня 1926 – 7 января 2015)

Ксения Старосельская 6
ВСПОМИНАЯ КОНВИЦКОГО

Виктор Кулерский 8
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Войцех Мазярский 18
ДЕРЕВЯННЫЙ КОНЬ ДЛЯ ЗВЯГИНЦЕВА

Вальдемар Чахур, Казимеж Вуйцицкий 19
КШИЖОВА — МЕСТО И СИМВОЛ

Ежи Едлицкий 25
ИСКУШЕНИЕ ОБЩЕЙ СИЛЫ

Константы А. Еленский 32
АПОКАЛИПСИС И ПЕРСПЕКТИВА

Эва Седлецкая 36
ЖЕЛЕЗНЫЙ МУЖИК

Эдвин Бендык 43
СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ БЕДНОСТИ
Беседа с Петром Морделем и Адамом Гусовским

Рафал Кошани 47
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИКИНГОВ

УСПЕХ ПОЛЬСКОГО НЕУДАЧНИКА 49
С Петром Морделем и Адамом Гусовским из Клуба польских неудачников в Берлине беседует Виолетта Шостак

Адам Загаевский 59
ПИСАТЬ ПО-ПОЛЬСКИ

Лешек Шаруга 63
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Петр Шевц 66
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 71
КОЛОДЕЦ ПАМЯТИ

Эугениуш Соболь 73
РОССИЯ — СТРАНА ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНТРАСТОВ

Ивона Шпала 75
ЧТО ДАЛЬШЕ СО «СПЯЩЕЙ ЧЕТВЕРКОЙ»?

Эльжбета Савицкая 76
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

МЯГКОЕ ПОДБРЮШЬЕ НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШИ 80
Беседа с Каролем Модзелевским

Переводчики: А. Базилевский, И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко, Е. Шиманская
© Фото: Agencja Gazeta (стр. 36,), E. Lempp (стр. 71), K. Dubiel (стр. 3, 80), W. Wasyluk (стр. 6), Darek Gontarski Art&Actors Photography (стр. 49)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер
(зам. гл. редактора)
Евангелина Скалинская
(секретариат)

Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

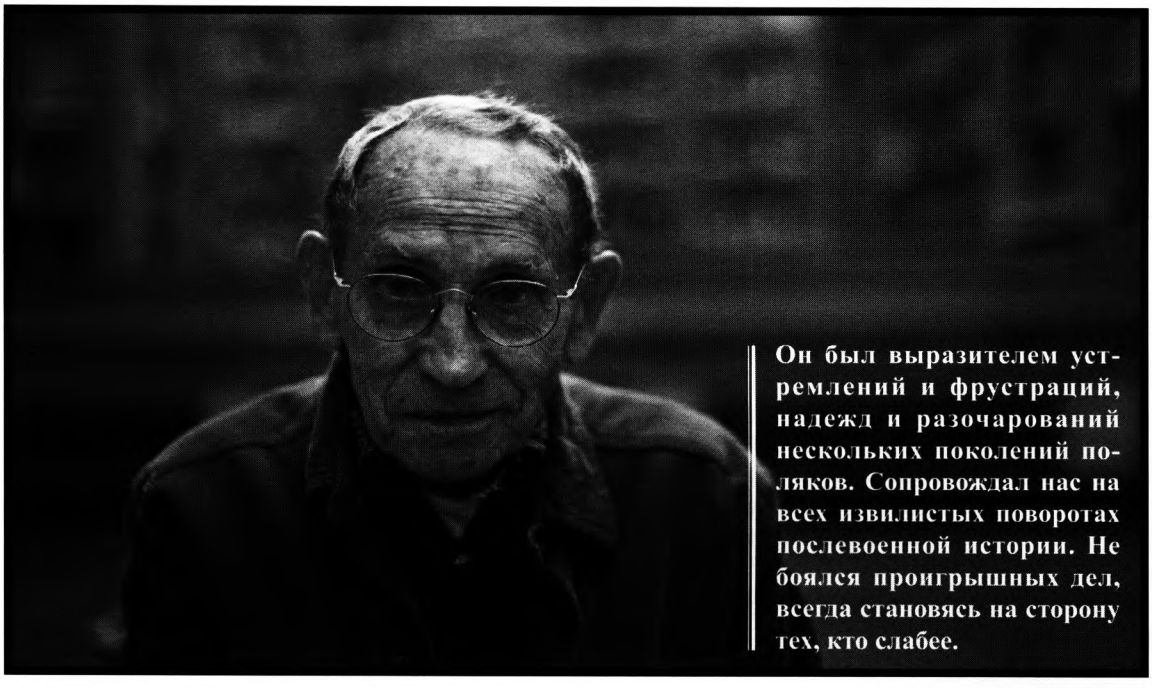
Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
тел: (22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl
Информация о журнале
для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru
Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, ul. Z. Wróblewskiego 6, 31-148 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Эльжбета Савицкая

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ БАРОМЕТР НАШИХ ИСТЕРИК И НАДЕЖД

Тадеуш Конвицкий (22 июня 1926 – 7 января 2015)

Он был выразителем устремлений и фрустраций, надежд и разочарований нескольких поколений поляков. Сопровождал нас на всех извилистых поворотах послевоенной истории. Не боялся проигрышных дел, всегда становясь на сторону тех, кто слабее.

Само его присутствие многое значило. Тот факт, что он есть. Что ежедневно быстрым шагом проскальзывает по улице Новый Свят. Временами он задерживался на минутку, чтобы с задранной вверх головой понаблюдать за тучами или луной. Потом бежал дальше. Всегда в спешке.

Ирония и нежность

Нет научных исследований на тему, какое влияние на наш мозг, на формирование впечатлительности, воображения, вкуса, чувства достоинства и чувства юмора оказало творчество Тадеуша Конвицкого. Ибо в том, что оказало, у меня нет ни малейших сомнений. Впрочем, разве только творчество? Да сам его образ жизни, стиль. Сдержанность, аскетизм и ирония, сочетающиеся с тактично скрываемой нежностью к роду человеческому. Неприязнь к пафосу. Мудрый патриотизм, начисто лишенный национализма и понимаемый, прежде всего, как лояльность по отношению к обществу, в котором живешь. Но вместе с тем и критический взгляд на всякие нездоровые явления в нем.

На эту исключительность Конвицкого указал в своем прощальном тексте «Самый необыкновенный «Зверочеловекоморок»» Адам Михник: «Его восприимчивость и мудрость сердца, его ирония и сарказм, а вместе с тем мужество и решительность — все это создавало неповторимое целое, которое стало составной частью национальной культуры».

Анджей Титков, автор двух документальных фильмов о Конвицком, добавляет: «Он был умный и справедливый, добрый и благородный. Нежный, сотканный из недосказанности, ностальгического

тумана, неуверенности, из понимания и прощения».

Есть еще одна черта, которую невозможно обойти. О ней говорила Мария Конвицкая, дочь писателя: «Мы оба — мистики. Это означает: если что-либо лишено доступа в другое измерение, то нас это мало интересует». Адам Михник тоже замечал это: «Да, он был *homo religiosus*, человек религиозный. Но при этом с гордостью подчеркивал свою независимость от иерархии католической Церкви — он не доверял институциональным иерархам Церкви нашего времени».

Пришлый в Варшаве

Сформировала его Виленщина. В творчестве Конвицкого постоянно появляется сюжет об утраченной родине, миф Долины над рекой. Но и Варшава, в которой он поселился после войны, проникла в его прозу. Вместе с возвышающимся над городом Дворцом культуры. Незаметно Конвицкий стал одним из самых варшавских писателей. Его столик в кафе при издательстве «Чительник» на улице Вейской, а потом в кондитерской Бликле на Новом Святе, стал частью городского мифа.

«Больше половины жизни я провел в этом увечном городе, — писал Конвицкий в «Малом апокалипсисе». — Городе, который калечили издревле, который насиловали оккупанты, четвертовали захватчики, давили и душили на аркане азиатских орд. Когда-то я вполз в его труп. Город с трудом реанимировался, и я впервые в жизни исподволь возвращался к жизни. Мы — ровесники. Нас связал случай. И оказалось — на смерть и на жизнь».

Им написаны великолепные страницы польской прозы. Незабываемые. Он снял новаторские фильмы, опережавшие свою эпоху и получавшие награды на зарубежных фестивалях.

Для одних Конвицкий является прежде всего автором превосходных книг, в первую очередь таких, как «Современный сонник», «Вознесение на небо», «Хроника любовных происшествий», «Календарь и клепсидра», «Польский комплекс», «Малый апокалипсис» и «Бохинь». Для других это человек кино, создатель таких выдающихся фильмов, как «Последний день лета», «День поминовения усопших», «Сальто», «Как далеко отсюда, как близко», «Долина Иссы» и «Лава».

Тот факт, что в жизни он занимался и литературой, и кино, Конвицкий связывал со своим неспокойным знаком зодиака. «Гороскопы явственно подчеркивают, что Рак раз за разом берет старт заново, и в моей биографии это подтверждается, — сказал он мне когда-то в разговоре. — Я постоянно должен был что-нибудь начинать с исходной точки, заходить с другого угла, действовать на иной манер. Я начинал как рисовальщик, писал, а ведь и за кино тоже брался. Вдобавок не только в качестве режиссера, но и как автор сценариев».

Как сценариста его интересовали первым делом переработки литературных произведений, притом высокого полета: «Мать Иоанна от ангелов» Ивашкевича, «Фараон» Пруса, «Аустерия» Стрыйковского, наконец, «Долина Иссы» Чеслава Милоша и мицкевичские «Дзяды».

Тайна молчания

Уже двадцать лет, с 1995 г., когда вышел «Памфлет на себя», Тадеуш Конвицкий не опубликовал ни одной новой книги. К огорчению читателей, он окончательно отложил перо. Это не значит, что полностью замолчал. За истекшее время он дал много интервью, для газет и журналов, радио и телевидения, о нем сняли несколько фильмов, а Пшемыславу Канецкому удалось уговорить его создать книгу разговоров «В спешке». Как метко заметил Тадеуш Соболевский: «Хотя он много лет не пишет, но, когда его слушаешь, то словно бы читаешь написанную им книгу. Конвицкий как бы сам был такой живой книгой».

Мы знали, что он думает о новых временах. Слышали его хрипловатый голос, порою скептический, порою раздраженный или слегка презрительный, а порою полный неожиданной мягкости, симпатии к нам, к «муравьям с берегов Вислы».

Когда у Конвицкого спрашивали (иной раз назойливо), почему он перестал писать, тот отвечал в своем стиле, что ему не позволяет чувство собственного достоинства, так как теперь пишут все. Нашлись и другие объяснения. Включая цитату из Библии: «Есть время сеять, и есть время жать». Он пришел к выводу, что свой долг перед временем, в котором ему довелось жить, выполнил, стремление

же импонировать младшим поколениям считал не совсем отвечающим требованиям хорошего вкуса. Конвицкий чувствовал себя связанным со своим поколением.

— У меня нет амбиций, — говорил он в книге Катажины Беляс и Яцека Щербы «Помню, что было жарко», — внезапно измениться прямо сейчас и, как некоторые наши старички из художественных кругов, выскочить в качестве эдакого юнца, авангардиста, выряжающегося развязно и посовременному. Живя, я нацарапал свою монограмму на нашей стене плача. Иными словами, записал наше ментальное состояние, способ смотреть на мир, наши пристрастия, эстетические каноны. И ко всему этому я привязан.

Анджею Титкову в фильме «Довольно крупный апокалипсис» он сказал это еще более внятно: «Я вышел из игры. Возможно, своей эпохе я был как-то нужен, но новые времена должно описывать грядущее поколение. Я оказался вне игры, обустроился тут, и мне удобно. Не хочу себя заставлять, насиловать. Не хочу любой ценой бороться за свою общественное положение в этом малом мирке вокруг Нового Свята».

В другом месте Тадеуш Конвицкий в качестве причины, по которой он отложил перо, называл смерть жены: «В моем подсознании Данка была чем-то вроде психологического стимула, заставлявшего что-то делать. Может быть, не случайно, что, когда Данка умерла, мне расхотелось писать».

Однако Данута Конвицкая умерла в 1999 г., так что хронология событий здесь не совсем сходится. В этом отказе Конвицкого от писательства есть какая-то тайна, которую нескоро удастся расшифровать. Быть может, никогда.

В коконе собственной автономности

Последний фильм о Тадеуше Конвицком (он носил название «Что я тут делаю») снял Януш Андерман в 2009 г. В обращенных к камере рассказах писателя возвращаются хорошо известные мотивы. Литва, романтическая традиция, блуждающий по виленским переулкам Мицкевич, поколение, воспитанное в культе смерти за Родину, война, Холокост, партизанское движение, послевоенный катастрофический крах ценностей, попытки приспособиться к новой социалистической действительности.

Адаму Михнику Конвицкий терпеливо объясняет в некогда роскошном хрустально-плюшевом Зале конгрессов варшавского Дворца культуры и науки, почему он чувствует себя ответственным за ПНР. На Станислава Береся и Тадеуша Любельского, выпытывающих его о смертных приговорах у партизан, покрикивает: «Где я — на допросе в Институте национальной памяти? Или это беседа с профессорами?»

Много говорит он о своем одиночестве. Однако без сетований, а уж тем более без попыток пожалеть себя. Этого ему бы никогда не позволили виленские законы чести и обычаи. Конвицкий держал фасон. «Я ободиночился» или «Живу в коконе собственной автономности», — сдержанно говорил он. И все.

Мне он когда-то сказал в беседе: «Никогда не предполагал, что доживу до восьми десятков. Полностью исключал такую возможность. Когда я еще жил на Виленщине, то вообще не знал никого столь старого... Люди так долго не жили. Ну, прямо-таки стыдно! Мои товарищи, у которых было побольше чести, уже давно умерли».

Конвицкий непрестанно подчеркивал свой статус аутсайдера, эмигранта. Видимо, поэтому Андерман показал его исключительно в опустевших интерьерах, а если на улице, то не как прохожего, не как кого-то затерявшегося в спешащей толпе, а как человека, проскальзывающего в полном одиночестве по улице Новы Свят под утро, когда там — ни живой души. В какой-то космической пустоте. *The day after*.

Мы уже не встретим его на улице Новый Свят. Но помнить будем всегда.

Ксения Старосельская

ВСПОМИНАЯ КОНВИЦКОГО

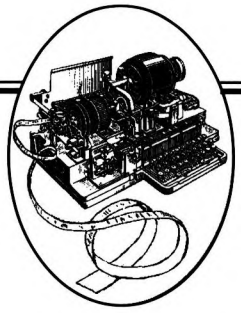
В декабре прошлого года я была в Варшаве. Недолго, по делу, всего три дня. Перед отъездом из Москвы позвонила Конвицкому. Как всегда, то есть как все последние годы, потому что — не слишком часто, но, не пропустив, кажется, ни одного приезда, — навещала его дома (улица Гурского, дом 1, квартира 68, со двора, войти лучше с Нового Свята — как записано у меня в очень старой, моей первой варшавской телефонной книжке). Из Москвы я звонила обычно еще и на Рождество, но в этот раз поездка предстояла ровно за неделю до Рождества. Зная, что время будет заполнено до отказа, я спланировала все встречи так, чтобы два дня из трех между четырьмя и шестью часами быть совершенно свободной — пан Тадеуш неизменно приглашал меня зайти часа в четыре. «Позвоните снизу (несмотря на долгое знакомство, мы были на «вы»), около четырех я начну прислушиваться» — последнее время он плохо слышал. И я приду ровно в четыре, с традиционным «русским» гостинцем, и сяду на «свое» место в кресле за низким столом, хозяин напротив или рядом, и мы с ним выпьем по рюмочке (и не по одной) чего-то крепкого и вкусного, и поговорим — обо всем, перескакивая с одного на другое, часто о смешном, я специально старалась о смешном, и пан Тадеуш, со своим редкостным, особенным чувством юмора, подхватывал, хотя в опустевшей после смерти жены квартире я обычно заставала его грустным. Если не ошибаюсь, умерла пани Данута в конце лета, а в начале осени того же года

я сидела в этом самом кресле, и он рассказывал мне о ее последних днях и о том, как ни с того ни с сего в пустой соседней комнате упал со стены его портрет, написанный ее рукой. А я в ответ: как годом раньше, после похорон моей мамы, когда мы собрались за поминальным столом, со стены над полочкой, где стояла ее фотография и прикрытая кусочком черного хлеба рюмка водки, ни с того ни с сего упала картина и сшибла фотографию, но стеклянная рамка не разбилась.

Из Москвы я пану Тадеушу не дозвонилась. В Варшаве начала звонить сразу же по прилете — то же самое: в трубке длинные гудки и затем неприятный звук, как будто включается факс. Никто из знакомых не мог мне ничего объяснить, разве что кто-то «на днях» видел Конвицкого в окрестностях Нового Свята. А меня ноги за эти три дня ненароком приносили то на Хмельную, откуда — я уже знала — был проход прямо к его подъезду, то на Гурского, под балкон его комнаты — тот самый, с которого виден Дворец культуры, персонаж не одной его книги. Нажать кнопку домофона я не рискнула; так и уехала. А восьмого января пришел мейл от Каси Осинской (она еще полгода назад передавала мне от пана Тадеуша привет): накануне вечером его не стало.

Пусто и больно. Ушел мой автор. Мой — потому что восхищал меня, был мне нужен, потому что я слышала его и, как мне казалось, могла помочь услышать другим. Так получилось, что впервые я прочитала его по-русски. В 1966 году в московском издательстве вышел «Современный сонник», который перевела Юлия Мирская, одна из лучших наших переводчиков польской литературы, родная сестра моей мамы и моя наставница. Тогда же я посмотрела несколько фильмов замечательного режиссера Тадеуша Конвицкого — в СССР их не показывали на широком экране, но можно было увидеть на «закрытых» просмотрах или в полуподпольных киноклубах. Ну а позже читала его самиздатские публикации. И вот эти тексты и эти фильмы накрепко во мне застряли, пустили корни где-то в особом месте, где хранится самое важное… А в 1987 году я прочитала «Бохинь» (до сих пор, пожалуй, самую мной любимую), после чего деваться уже было некуда: никаких сомнений, что автор — мой, не осталось. С началом перестройки появилась возможность публиковать переводы книг тех польских писателей, которые много лет находились в «черных списках», где, разумеется, числился и Конвицкий. В марте 1992 года «Бохинь» опубликовали в журнале «Дружба народов», в 1996-м впервые вышли на русском языке «Чтиво» и «Зверочеловекоморок», потом «Польский комплекс» (2002); в разные годы для разных изданий я переводила фрагменты автобиографических книг Конвицкого, книг-бесед, интервью, сама о нем писала. И, приезжая в Варшаву, звонила пану Тадеушу, присаживалась за его столик в кафе «Чительника» на Вейской, навещала дома. А сегодня смотрю в интернете фотографии с похорон…

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» Президент Польши Бронислав Коморовский (фрагменты выступления на «Warsaw Security Forum-2014» 20 декабря): «Время, когда мирное сосуществование приносило взаимные дивиденды, к сожалению, закончилось. Можно и даже необходимо заявить о том, что та фаза международных отношений, которая последовала за «холодной войной», подошла к своему завершению. В этот период, о котором я говорю, Запад неустанно предлагал России сотрудничество в самых разных сферах. (...) По моему убеждению, Россия эти предложения однозначно отвергла. (...) В этом возвращении к логике сфер влияния, логике права сильного, а также безусловного империалистического доминирования над более слабыми соседями, которым в лучшем случае отводится роль послушных стран-сателлитов, для нас нет ничего нового. (...) Нам всем хотелось бы видеть Россию модернизирующейся, открытой к сотрудничеству, выстраивающей добрые отношения с соседями, эффективно развивающей бизнес и внешнеэкономические связи, интересной страной с интересной культурой. Этого хотелось бы всем, а полякам, возможно, в первую очередь. Но в то же время мы знаем, что происходящие в России процессы направлены совершенно в иную сторону, нежели в других странах, расположенных в нашей части Европы. (...) Возникает вопрос — почему Россия не пошла по этому пути? (...) Мне кажется, что вместо глубокой модернизации России, на которую все рассчитывали, появился другой сценарий достижения национального величия, о котором мечтает любой народ. Свои потребности в национальном величии Россия реализует теперь не с помощью модернизации и повышения уровня жизни своих граждан, а посредством навязывания своей воли другим. И это очень опасно. (...) В течение восьми лет Россия постоянно повышала военные расходы. За последние четыре года они выросли на 100% (*что составляет сейчас 4,2% ВВП — В.К.*). В это же самое время во многих странах НАТО снижало расходы на вооруженные силы (*в настоящее время в европейских странах они составляют 1,5% ВВП — В.К.*). И это вряд ли можно назвать адекватным ответом на угрозу, которую легко было предвидеть». *(«Жечпосполита», 22 дек.)*

» **На международной конференции «Warsaw Security Forum-2014» обсуждались отношения между ЕС, НАТО и Россией. Темой дискуссий также стала военная, экономическая и энергетическая безопасность Европы. На эти два дня в Варшаву прибыли бывшие министры иностранных дел и национальной обороны, советники по вопросам безопасности, аналитики и эксперты. (...) Сама конференция состояла из двух частей — публичные дебаты и беседы за закрытыми дверями в президентском дворце. (...) Проведенный в этом году форум должен дать начало постоянным консультациям по ключевым вопросам безопасности в Европе. Уже запланированы две очередные встречи». *(Малгожата Шварцгрубер, «Польска збройна», янв. 2015)***

» «Были насильно изменены границы в Европе, а в настоящее время продолжается открытое военное вторжение на территорию суверенного государства. Вот как мы оцениваем ситуацию», — министр национальной обороны Томаш Семоняк. *(«Жечпосполита», 22 дек.)*

» **«Это был, наверное, самый мощный эпизод получасового выступления президента Петра Порошенко перед Сеймом и Сенатом, состоявшегося в минувшую среду. «Законодательно закрепленный в 2010 году нейтральный статус Украины не обеспечивает ни безопасности, ни возможностей для интеграции страны. Поэтому сегодня, в этом зале, мной принято решение о возвращении к политике интеграции с североатлантическим блоком». (...) Польские парламентарии встретили это заявление продолжительными аплодисментами. (...) Украинский президент, у которого на лацкане был значок «Солидарности», на польском языке поблагодарил нашу страну за оказываемую Украине поддержку. (...) В своем выступлении он также коснулся темы Волынской резни, жертвами которой в 1943-44 гг. стали тысячи поляков,**

и процитировал заявление, направленное в 1965 г. епископами Польши в адрес немецких епископов «о взаимном прощении». (...) Порошенко признал, что его страна «потратила впустую значительную часть» двадцатилетия независимости, тогда как Польша за это же время «совершила необычайно сильный рывок вперед, став символом европейского успеха». Но сегодня, заверил он, украинцы полны решимости по ряду показателей догнать нашу страну. (...) За несколько часов до варшавской встречи с президентом Бронславом Коморовским Порошенко провел телефонные консультации о мирном урегулировании ситуации на Донбассе в так называемом «нормандском формате» — с руководителями Германии, Франции и России, но без участия Польши. (...) Это довольно досадное для Польши обстоятельство, поскольку политика Германии и Франции в отношении России снова начинает существенно расходиться с тем, чего добивается Варшава». *(Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 18 дек.)*

» «Президент Украины Петр Порошенко прибыл в Польшу по приглашению президента Бронислава Коморовского, который вчера в присутствии украинского гостя ратифицировал договор об ассоциации Украины с ЕС. (...) По случаю визита Порошенко операторы газотранспортных систем Польши и Украины — «Газ-систем» и «Украингаз» — подписали договор о сотрудничестве и расширении трансграничной системы газопроводов». *(Мачей Орловский, «Газета выборча», 18 дек.)*

» **«Польша может помочь нам в проведении реформ. Ключевым элементом конституционной реформы, которую я предлагаю, выступает децентрализация власти в стране. Я первый украинский президент, который по собственной инициативе передал часть своих полномочий местным властям. При этом я ориентировался на польскую государственную модель. Польша вообще служит для нас примером. (...) Мы очень внимательно знакомимся с опытом созданного в 2006 г. в Польше Центрального антикоррупционного бюро», — президент Петр Порошенко. *(«Газета выборча», 17 дек.)***

» «Президент Бронислав Коморовский подписал в понедельник закон о ратификации договора об ассоциации Молдавии с Евросоюзом. (...) Главной проблемой Молдавии является Приднестровье, сепаратистский регион с преобладанием русскоязычного населения, на территории которого находится полторы тысячи российских военных». *(«Жечпосполита», 30 дек.)*

» **«Идет война цивилизаций за будущее Европы. И это не просто высокопарная фраза, но урок, который Польша получила в 1939 году. На Украине идет обычная война. Суррогатная война, каковые уже имели место после 1945 года. И Польша не должна относиться к этому легкомысленно». *(Чеслав Белецкий, «Жечпосполита», 3-4 янв.)***

» «В четверг подписан польско-американский договор о поставках супер-ракет AGM-158 JASSM и бортовой электроники для самолетов F-16 на сумму 250 млн долларов. (...) Продажа Польше маневрирующих снарядов AGM-158 JASSM требует согласия Конгресса США, и мы получили его практически сразу. У Финляндии на это, к примеру, ушло восемь лет». *(Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 12 дек.)*

» **«JASSM — это снаряд сравнительно дальнего действия, способный уничтожать стратегические стационарные и иные зафиксированные цели. (...) Для него характерна способность проникать даже через продвинутую противовоздушную систему врага. (...) Наличие программ, способных менять направление полета, позволяет атаковать цель одновременно с разных сторон и с разными траекториями удара. Вероятность уничтожения цели повышается в связи с идентификацией последней при помощи боеголовки, оснащенной системой тепловидения. (...) Появление снарядов JASSM в арсенале польских ВВС увеличивает их устрашающий потенциал, столь важный в связи с последними событиями за нашей восточной границей. (...) В перспективе планируется укомплектовать соединения военно-морского флота Польши снарядами NSM, а сухопутные войска — баллистическими снарядами ATACMS». *(Петр Абрашек совместно с Анджеем Кинским, «Нова техника войскова», дек. 2014)***

» «Одиннадцать лет назад Агентство внутренней безопасности (АВБ) предотвратило четыре серьезных теракта в соборах четырех разных городов Польши. Покушения были запланированы на время рождественских богослужений. (...) В 2003 году исламисты планировали скоординированный теракт в нашей стране. (...) Эту информацию подтвердил генерал Павел Прушинский, бывший замдиректора АВБ. (...) Злоумышленниками были иностранцы. Они были задержаны после того, как

наши спецслужбы сообщили об их деятельности правоохранительным органам сотрудничающих с нами стран». *(Войцех Чухновский, «Газета выборча», 17 дек.)*

» **«Вчера был обнародован почти пятисотстраничный отчет, содержащий результаты скрупулезного расследования, проведенного американскими сенаторами по делу о «нетрадиционных» методах, используемых ЦРУ в борьбе с терроризмом. В отчете содержатся данные о пытках, практикующихся в тайных тюрьмах, расположенных на территориях дружественных США стран, в том числе в Польше. (...) В июле Страсбургский суд признал нашу страну соучастником пыток в отношении двух заключенных в Старе-Кейкутах — Абу Зубайды и Абд ар-Рахима ан-Нашири. По решению суда Польша была вынуждена выплатить им компенсацию в размере 300 тыс. долларов». *(Мариуш Завадский, «Газета выборча», 10 дек.)***

» «Вопросы, касающиеся участия поляков в вооруженных конфликтах в Сирии и Ираке, на прошлой неделе рассматривались на последнем заседании парламентской Комиссии по делам спецслужб. (...) Депутаты получили подтверждение присутствия в упомянутых регионах наших граждан. (...) Портал NaTemat.pl процитировал сирийского оппозиционера Асада Каньо, который рассказал, что он встретил «трех польских боевиков, входящих в группировку «Исламское государство Ирака и Леванта», являющуюся региональным ответвлением Аль-Каиды». *(Изабелла Каймак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 23 дек.)*

» **«Вчера, в день третьей годовщины гибели в Афганистане пяти польских военных, премьер-министр Эва Копач открыла Центр ветерана боевых действий за пределами отечества. (...) Директором Центра стал полковник Лешек Стемпень, раненный в Афганистане в 2002 году. (...) Возле Центра был открыт памятник военнослужащим, погибшим в ходе заграничных миссий и боевых операций. (...) За памятником расположена «Стена памяти» с фамилиями всех погибших военных». *(«Газета выборча», 22 дек.)***

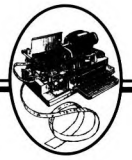
» «Вместе с последними польскими военнослужащими Афганистан покинули польские дипломаты. Польское консульство в Кабуле упразднено». *(Михал Болтрык, «Пшеглёнд православный», янв. 2015)*

» **«По-прежнему неизвестно, когда начнется эвакуация лиц польского происхождения с охваченного войной Донбасса. (...) Количество желающих эвакуироваться оказалось значительно выше, чем этого ожидало правительство. Когда в начале января премьер Эва Копач публично пообещала помочь живущим на Донбассе полякам, речь шла приблизительно о сотне человек. (...) При этом уехать готовы уже около двухсот, утверждает Валентина Старушко, председатель Общества польской культуры Донбасса». *(Мартин Пениковский, Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 30 дек.)***

» «За последние четверть века из Казахстана больше поляков уехало в Россию и Германию, нежели в Польшу. В смысле успехов по репатриации наших соотечественников мы плетемся в самом хвосте. Со всей Восточной Европы, от России до Румынии, уже вернулись немцы, почти не осталось на востоке чехов (последних как раз забирают с Восточной Украины). Венгры гарантируют каждому соотечественнику, вернувшемуся в страну, двойное гражданство, дающее право на постоянное проживание в Венгрии. (...) Достаточно посмотреть, как приветствовали несколько сотен еврейских репатриантов, переправленных из Луганска в Израиль 22 декабря». *(Ярослав Гизинский, «Жечпосполита», 30 дек.)*

» **«По просьбе польского МИДа в воскресенье после богослужения до сведения поляков, проживающих на занятых сепаратистами территориях Восточной Украины, было доведено специальное сообщение. (...) Наши соотечественники были проинформированы, что с ближайшего понедельника начинает свою работу круглосуточная инфолиния для лиц, желающих эвакуироваться. (...) В пятницу пресс-секретарь МВД сообщила, что министерство начало межведомственные консультации...». *(Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 5-6 янв.)***

» «Военные самолеты доставили в страну 178 поляков с занятых пророссийскими сепаратистами территорий Восточной Украины. (...) Последние несколько дней они провели на территории польского консульства в Харькове. В Польше их направляют в правительственный центр в Ланске и в центр «Каритас», где в течение полугода репатрианты пройдут программу адаптации, в основном связанную с изучением языка. В бюджете на эти расходы предусмотрено 4 млн злотых. После этого беженцы начнут самостоятельную жизнь.

Правительство рассчитывает, что к этой работе подключатся и органы местного самоуправления». *(Бартош Марчук, «Жечпосполита», 14 янв.)*

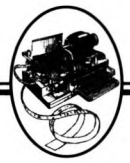
» **«Репатриация поляков, чьим жизням угрожала война на востоке Украины, была организована довольно оперативно, спустя пять месяцев после их просьбы о помощи. Но что значит этот срок, если люди почти четверть века ждали, когда же у нас наконец заработает настоящая репатриационная политика. (...) Репатриационную политику нельзя воспринимать в отрыве от всей иммиграционной политики. Польше нужны иммигранты. (...) Поляки, лица польского происхождения, отождествляющие себя с польской культурой. (...) Их шанс на то, чтобы остаться жить в Польше, должен быть как минимум таким же, как у белорусов, украинцев и россиян». *(Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 14 янв.)***

» «В Польше сегодня действует свыше 10 тыс. нормативно-правовых актов: от конституции, кодексов и законов до постановлений, решений и указов (трех последних разновидностей, впрочем, в этом перечне быть не должно, поскольку основной закон не признает их обязательными источниками права). Как член Евросоюза, наша страна обязана следовать общим правилам, регулярно обращаясь к 135 тыс. директив ЕС, находящихся в официальной базе данных «EUR-Lex». Любопытно, есть ли хоть один человек, который во всем этом хорошо ориентируется? (...) Машина по принятию новых директив и внесению изменений в старые работает неустанно, и всё для общего блага! А чем на деле это оборачивается? Правовая система начинает напоминать постоянно густеющий туман, связывающий руки всем, в том числе органам правосудия. (...) Бывший уполномоченный по правам человека, проф. Анджей Цолль еще в 2004 году говорил: «Право, в связи с большим количеством обязательных правил, их несогласованностью, многозначностью и непостоянством, перестало мотивировать своих субъектов вести себя в рамках, предусмотренных юридическими нормами. Адресат нормы права не в состоянии понять ее содержание, то есть не может без помощи профессионалов определить объем своих прав и обязанностей, вытекающих из обязательных для всех норм». *(Ядвига Штабинская, «Дзенник газета правна», 23-28 дек.)*

» **«Я по-прежнему чувствую себя униженной польскими властями. После выхода из лагеря для беженцев в Лешноволе, я пожаловалась на условия содержания в лагере и отношение к нам со стороны охранников. Недавно пограничная служба отклонила мою жалобу, передо мной даже никто не извинился. Другая моя жалоба уже в суде — в ней я доказываю, что в лагерь меня поместили незаконно. Я не приезжала в Польшу нелегально, меня депортировали сюда из другой страны ЕС, у меня была польская виза. Я жила в Тегеране (...), работала в нефтяном бизнесе. (...) За участие в кампании «Один миллион подписей», направленной против дискриминации женщин, меня приговорили к 90 ударам плетьми. (...) В варшавском аэропорту один из охранников наорал на меня (...), после чего хлопнул дверью и закрыл ее на ключ. Я вновь испугалась, что меня депортируют в Иран. Решетки, железные двери, грязь. (...) Мне приходилось долго стучать кулаком в дверь, прежде чем кто-нибудь мог меня услышать. (...) Целые сутки я просидела без еды и питья. У меня кружилась голова, я упала, не было сил даже крикнуть. Мне сделали укол. (...) Переводчик сказал: «Поедешь в уютный центр в лесу». (...) На самом же деле это был новый кошмар. Грязь, ужасная пища, злобные охранники, постоянно демонстрирующие свою силу и подчеркивающие, что их следует бояться. (...) Поляки никого не замечают, кроме себя. Не все, разумеется, но большинство. (...) Когда я говорю с ними по-английски, они с агрессией отвечают: «Говори по-польски, ты в Польше». Когда я пытаюсь говорить по-польски, они гораздо отзывчивей. (...) Недавно я навестила друзей, живущих в Голландии. Живя здесь, я и забыла, какими добрыми и приветливыми могут быть люди. Там мне все улыбались, относились ко мне с уважением, предлагали помощь», — Ширин Начими. *(«Газета выборча», 3 янв.)***

» «В первом полугодии 2014 г. полиция зафиксировала почти 40 тыс. случаев домашнего насилия — это на 42% больше, чем за аналогичный период предыдущего года». *(«Тыгодник повшехный», 4 янв.)*

» **«Полицейская статистика за последнюю декаду показывает снижение количества правонарушений всех типов. Количество убийств уменьшилось в два раза — с 1057 до 574. (...) Похоже выглядит ситуация с потасовками и побоями, ежедневное количество которых уменьшилось на 14 эпизодов, а также с кража-**

ми. (...) В три с половиной раза уменьшилось количество автомобильных краж, с 54,3 тыс. до 15,5 тыс. (...) По данным Евростата в 2003-2012 гг. количество зарегистрированных преступлений в нашей стране уменьшилось на 24%. Лучшими результатами за последние десять лет может похвастаться только Эстония (здесь снижение уровня преступности составило 75%)». ***(«Дзенник газета правна», 16 дек.)***

» «Полиция экономит на всем. (...) С декабря 2012 г. по декабрь 2014 г. количество полицейских участков в сельских гминах сократилось с 535 до 415 — а это значит, что 120 гмин лишилось «своих» полицейских. (...) В 2013 г. количество уголовных правонарушений по всей стране снизилось почти на 9%. В то же время раскрываемость преступлений уменьшилась почти на 1%, составив чуть больше 67% от общего количества совершенных преступлений. Четверть виновников краж, в том числе со взломом, изнасилований и грабежей остаются не выявленными. (...) Полиция не афиширует, что снижение преступности в значительной мере связано с открытостью границ. Преступники переносят свою деятельность в другие страны ЕС, прежде всего туда, где у них много соотечественников». *(Петр Пытляковский, «Политика», 7-13 янв.)*

» **«Количество тех, кто считает насилие, преступность, вандализм проблемой, у нас на 8% меньше, чем в среднем по Евросоюзу. (...) «Данные Евростата подтверждают содержащиеся в «Общественном диагнозе» выводы о том, что в 2009-2013 гг. произошел существенный рост чувства защищенности и безопасности в местах проживания респондентов», — объясняет проф. Януш Чапинский. (...) Он также добавляет, что на фоне других европейских столиц Варшава принадлежит к одним из самых безопасных мест в ЕС».** ***(Януш Ковальский, Кшиштоф Капишевский, «Дзенник газета правна», 16 дек.)***

» «Особенно мне нравится ходить в магазины и на рынок. Меня часто спрашивают: «Откуда вы?». Я отвечаю: «Украина, Киев и Донецк». Приятно видеть, как теплеют взгляды многих людей. (...) Уже в первый день в Кракове меня удивило огромное количество украинцев на улицах. Польша для нас — самая дешевая страна в Европе, к тому же здесь можно получить международный диплом о высшем образовании. (...) Очень многие уезжают в связи с войной и ухудшающейся экономической ситуацией на Украине. (...) Если хотя бы один член семьи живет в стране, входящей в НАТО, то остальные его родственники спокойны — в случае чего, есть куда бежать. Мои сокурсники говорят, что хотели бы остаться здесь, чтобы учиться, затем получить вид на жительство, а потом попытаться получить и гражданство. (...) Через интернет я познакомилась в Кракове не только с украинцами, но и с поляками, которые оказались даже большими украинскими патриотами, чем некоторые украинцы. Для меня это самое ценное открытие в Польше», — Олена Кадырова. *(«Польска», 19-21 дек.)*

» **«Проф. Петр Хофманский, судья коллегии по уголовным делам Верховного суда был избран на должность судьи Международного уголовного трибунала в Гааге. Срок его полномочий составит десять лет».** ***(«Дзенник газета правна», 11 дек.)***

» «Почти четыре часа президент Бронислав Коморовский давал в четверг свидетельские показания на процессе по делу журналиста Войцеха Сумлинского и бывшего офицера Военной информационной службы (ВИС), полковника Александра Л., обвиняемых в оказании возмездной протекции в ходе переаттестации военнослужащего ВИС. Заседание проходило в президентском дворце». *(«Метро», 19-21 дек.)*

» **«Депутаты Адам Хофман, Адам Рогацкий и Мариуш А. Каминский направили в Канцелярию Сейма официальные бумаги, в которых декларируют возврат денег, взятых на зарубежные поездки в 2012-14 годах. Хофман возвращает 16 795 злотых за семь поездок в Париж и Лондон, Рогацкий — 34 960 злотых за тринадцать поездок (Лондон, Париж, Брюссель, Рим), а Каминский — 24 420 злотых за десять поездок в Париж и Лондон. (...) Депутаты были исключены из партии «Право и Справедливость». (...) Этим делом займется прокуратура. Вернуть потраченные бюджетные средства придется и некоторым другим парламентариям. После того, как в Сейме была проведена аудиторская проверка всех заграничных поездок членов парламента, объяснения были затребованы у девяти депутатов».** ***(Агата Кондзинская, «Газета выборча», 19 дек.)***

» «На расчетный счет Канцелярии Сейма уже поступили деньги от трех депутатов, исключенных из «Права и Справедливости». (...) Другие должники — это Марек Коласинский, депутат от «Избирательной Акции Солидарности» в 1997-

2001, задолжавший бюджету 270 тыс. злотых, что с учетом процентов составляет 772 тыс. злотых. Долги депутатов фракции «Самооборона Республики Польша» Станислава Лыжвинского и Лешека Сулека, занимавших кресла в парламенте в 2005-2007 гг., составляют 274 тыс. злотых (с процентами 504 тыс.) и 145 тыс. злотых (с процентами 267 тыс.) соответственно. Томаш Марковский, который в рамках той же каденции был депутатом от «Права и Справедливости», должен государству 114 тыс. злотых (213 тыс. с учетом процентов)». *(«Жечпосполита», 9 янв.)*

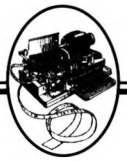
» **«Сотрудники Канцелярии Сейма не имеют права контролировать парламентариев. Депутаты должны нести такие же обязанности, что и предприниматели, следовало бы выделить отдельное финансовое управление для расчетов с народными избранниками и контроля над их расходами», — Владислав Фрасынюк, бывший деятель движения «Солидарность», экс-депутат.** ***(«Пшеглёнд», 15-28 дек.)***

» «У каждого парламентария есть специальный депутатский фонд, чтобы заниматься государственными делами и не отвлекаться на поиски денег на дорогу, если нужно куда-то ехать. Но это не должно быть поводом для мелких махинаций. (...) Не нужны усилия судов и прокуратуры, а также специальные толкования норм права, чтобы понять такую простую вещь. Вполне достаточно чувства собственного достоинства и здравого рассудка. Не думаю, чтобы министру иностранных дел, а ныне маршалу Сейма Радославу Сикорскому вдруг не хватило 80 тыс. злотых на хлеб с маслом для собственных детей, и ему, чтобы дотянуть до министерской зарплаты, приходится затыкать дыры в семейном бюджете при помощи государства, возмещающего расходы на служебные поездки за рулем собственного автомобиля. (...) Депутат, который даже чисто символически не заботится о собственной репутации, развращает общество. Это даже не «хомо советикус», а «хомо полоникус», тем более, что еще в XVI веке о. Петр Скарга писал о корыстолюбии как о нашей национальной черте», — Чеслав Белецкий, бывший депутат Сейма. *(«Жечпосполита», 3-4 янв.)*

» **«Представители политической элиты времен Геремека были людьми идейными, много претерпевшими на своем веку. У них не было возможности сколотить себе большие состояния, да это их и не интересовало. Они постоянно находились на линии фронта. Нынешняя же элита явилась на всё готовое и думает лишь о том, как бы половчее повесить лапшу на уши избирателям. (...) Я знаю политиков, переживших нервный срыв после того, как их перестали приглашать на радио и телевидение и брать интервью. Мне приходилось потом лечить их от депрессии. (...) Марши «Права и Справедливости» — это более серьезная тема. Они напоминают мне ситуацию, когда в результате нагнетаемой политической агрессии погиб президент Габриэль Нарутович, и я думаю, что от этой ситуации мы в двух шагах — достаточно только поджечь фитиль. (...) У этих людей угрюмые лица, а в глазах — ненависть. Таким много не надо. Хорошо, что в Польше не так легко достать оружие, как в США», — проф. Збигнев Лев-Старович.** ***(«Впрост», 4 янв.)***

» Поддержка партий: «Гражданская платформа» — 35%, «Право и Справедливость» — 30%, крестьянская партия ПСЛ — 7%, Союз демократических левых сил — 6%, «Конгресс новых правых» — 6%. Не определились с симпатиями — 10%. Опрос института «Homo Homini», 2-3 янв. *(«Жечпосполита», 8 янв.)*

» **«Сталкиваются противоположные тенденции. (...) Хотя значительная часть правых сил, а также церковных кругов пропагандирует гомофобию, та постепенно вытесняется из общественной жизни, а не так давно Роберт Бедронь выиграл выборы мэра Слупска. Людям не мешало то, что человек, за которого они голосуют, является активистом гей-движения. И хотя тот же самый консервативно-католический лагерь борется против равенства полов, идеи феминизма находят всё больший отклик и практическое применение. Вместе с тем, такая откровенно авторитарная партия, как «Право и Справедливость», имеет довольно солидную поддержку и вполне может выиграть выборы. А в большинстве политических организаций и вовсе доминирует крайний консерватизм. (...) Только что «Национально-радикальный лагерь» публично почтил память Эугениуша Невядомского, убийцы президента Габриэля Нарутовича. Не дремлют и совершенно маргинальные группы неонацистского толка. Всем этим организациям более всего близка фашистская идеология, но это фашизм второй свежести, не способный вдохновить ни массы, ни элиты, как это было в случае с настоящим фашизмом. Не их нужно бояться, а тех, кто**

осторожно перенимает породившие фашизм образцы, причем так, что фашистами их признать невозможно. Я имею в виду «Право и Справедливость» Ярослава Качинского, «Фидес» Орбана, французский Народный фронт Марин Ле Пен, британскую Партию независимости Соединенного королевства Найджела Фаража. Всех их объединяет откровенный националистический дискурс, навязчивый поиск внутренних и внешних врагов, пренебрежение правами отдельных личностей и меньшинств, а также идея сплочения народа вокруг политического лидера. Объединяет их и то, что у них есть реальные шансы прийти к власти самостоятельно либо в коалиции, поскольку они рядятся в одежды демократов. А в связи с тем, что они весьма похожи друг на друга, успех одних оказывается весьма на руку их единомышленникам в других странах. Но даже когда эти группировки и не оказываются у руля, они все равно основательно отравляют политический климат в Европе», — Марек Бейлин. ***(«Газета выборча», 27-28 дек.)***

» «Господин президент с самого начала призывает к объединению «Права и справедливости» с «Гражданской платформой». (...) Между ними нет и не может быть никакого единства, как не могли Армия Крайова или «Свобода и независимость» объединяться с Польской объединенной рабочей партией, поскольку это была бы самая настоящая измена. Тут возможен только один вариант — кто-то должен оставить власть. (…) С 1989 года в Польше не было такой мрачной и фальшивой атмосферы, как сейчас, когда страной правят «Гражданская платформа» и ПСЛ. (...) Какая-то горстка атеистов, можно сказать, воинствующих, управляет всем нашим католическим народом. (...) Полное затмение нашло не только на «леваков» и атеистов, но и на подавляющее большинство правящей партии. (...) Неудивительно, что она в итоге стала выразителем самых безумных идей и политики растления, осуществляемой Евросоюзом. (...) Нас погубит слабость нашего общества и злая воля большинства правительственных кругов, политиков и интеллигенции», — о. проф. Чеслав С. Бартник. *(«Наш дзенник», 24-26 дек.)*

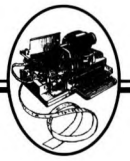
» **««Право и справедливость» уведомило мэрию, что в марше примет участие 30 тыс. человек. «Было значительно больше, думаю, что около 50 тысяч», — уверяет Мацей Вонсик, один из организаторов марша. (...) В конце трехчасового марша Ярослав Качинский, выступая у памятника Пилсудскому, заявил, что местные выборы были сфальсифицированы. (...) «Польша — свободная страна. Каждый может встать напротив Бельведерского дворца и публично лгать. И у него даже волос с головы не упадет», — прокомментировал итоги марша советник президента Томаш Наленч в интервью телеканалу TVN-24».** ***(Агата Кондзинская, «Газета выборча», 15 дек.)***

» ««Ярослав Качинский с презрением отзывается о судебной власти. Так не поступает ни один европейский политик», — говорится в совместном заявлении председателей Верховного суда, Конституционного трибунала и Высшего административного суда. В своем открытом письме они ссылаются на выступление Качинского во время марша в минувшую субботу. Ярослав Качинский, в частности, заявил, что на польских судей, рассматривающих дела о фальсификации результатов выборов, оказывается мощное давление, в том числе и со стороны председателей судов». *(«Жечпосполита», 16 дек.)*

» **«Архиепископ Вацлав Депо вышел из почетного комитета Марша в защиту демократии и свободы слова, который 13 декабря проводит «Право и справедливость». (...) Критическую позицию по поводу нахождения епископов в составе почетного комитета марша занял апостольский нунций в Польше, архиепископ Селестино Мильоре».** ***(«Газета выборча», 12 дек.)***

» «Папский нунций, а также председатель Конференции епископата, архиепископ Станислав Гондецкий призвали к порядку тех епископов, которые согласились войти в состав почетного комитета марша, организованного «Правом и справедливостью». Четверо иерархов *(епископы Игнаций Дец, Антоний Пацифик Дидич, Эдвард Франковский, Веслав Меринг — В.К.)* были вынуждены прекратить поддерживать партийное мероприятие». *(Петр Мухарский, «Тыгодник повшехный», 21-28 дек.)*

» **«16 млн злотых из государственного бюджета постановил выделить Сейм на создание музея Иоанна Павла II при храме Провидения Божия в Варшаве. Это предложение было внесено депутатскими фракциями «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ. Министерство культуры с 2008 г. уже перечислило на эти цели в общей сложности 44 млн злотых.**

Выделение музею государственной дотации было обжаловано в прокуратуру Союзом демократических левых сил, однако прокурорские работники не усмотрели в этом состава преступления и закрыли дело». *(по материалам «Газеты выборчей» от 18 дек.)*

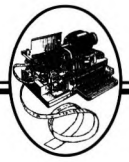
» «Вчера скончался Юзеф Олексы (1947-2015), бывший премьер-министр и маршал Сейма. (...) В декабре 1995 г. министр внутренних дел Анджей Мильчановский с парламентской трибуны обвинил Олексы в шпионаже в пользу России. Олексы, который был тогда премьер-министром от «Союза демократических левых сил», был вынужден подать в отставку. На пост премьера он так и не вернулся, хотя прокуратура закрыла дело, не исключив провокацию со стороны российских спецслужб. Специальная парламентская комиссия сняла с Олексы все обвинения, а следственные материалы Управления охраны государства были преданы гласности. Оказалось, что сотрудники Управления дали себя обмануть российскому агенту, которого они якобы завербовали. (...) В январе 2005 г. Олексы был вынужден покинуть пост маршала Сейма в связи с решением люстрационного суда, который установил, что Олексы утаил факт прохождения обучения в спецслужбах ПНР. Оправдал его только Верховный суд, который в 2007 г. определил, что Олексы сообщил недостоверные сведения неумышленно. (...) Вчера о нем очень тепло отозвался даже Ярослав Качинский. «Юзеф Олексы сыграл важную роль в истории демократической Польши», — написала Эва Копач. (...) «Его личность и его взгляды никого не оставляли равнодушным», — заявил Александр Квасневский». *(Войцех Чухновский, Агата Новаковская, «Газета выборча», 10-11 янв.)*

» **«Более половины поляков (56%) считают, что знакомства очень сильно влияют на возможность достижения высокого общественного положения, а 37% полагают, что их влияние достаточно велико (в общей сложности 93% ответили утвердительно). Таким образом, знакомства, по мнению подавляющего большинства поляков, являются ключевым условием для устройства на приличную работу. (...) 19 лет назад очень сильное влияние фактора личных связей на карьеру отмечало 46% поляков. (...) В 1995 году образование к важнейшим условиям карьерного роста отнесли 36% респондентов — сегодня же только 23%. (...) «К сожалению, молодежь мыслит в правильном направлении. Личные контакты, то есть, проще говоря, знакомства, выступают сегодня в Польше главным критерием при приеме на работу. Квалификация, конечно, тоже не повредит, хотя иногда бывает весьма и весьма важна», — подтверждает Яцек Василевский, социолог». *(Мартин Хадай, «Дзенник газета правна», 19-21 дек.)***

» «За год в органах местного самоуправления появилось 6,3 тыс. новых сотрудников. (...) «Несмотря на компьютеризацию и распространение интернета, у нас в два раза больше чиновников, чем во времена ПНР», — говорит Мацей Кшан из фонда «CASE». (...) В бюджетной сфере сегодня работает около 2 млн чиновников». *(Эльжбета Глапяк, «Жечпосполита», 23 дек.)*

» **«Для молодых поляков капитализм — это такой строй, при котором у одних, говоря по-марксистски, есть средства производства, а у других — нет. И если у тебя нет средств производства, тебе придется вкалывать на тех условиях, которые тебе предложат. Такова жизнь. (...) Они считают, что налоги — это зло, и что государство крадет деньги у граждан. (...) К таким выводам я прихожу, беседуя со своими студентами. Но есть и вполне официальные данные о том, что молодые люди думают, к примеру, о едином подоходном налоге. И они в большей степени являются его сторонниками, чем старшее поколение. (...) Сегодня студенты не могут целиком посвятить себя учебе, поскольку постоянно работают. Им приходится зарабатывать и на жизнь, и на учебу. (...) Популистские мессиджи до них, однако, доносятся. (...) Над всей нашей политикой при этом явственно витает дух импоссибилизма, и ничего с этим не поделать», — проф. Миколай Чесник. *(«Газета выборча», 7 янв.)***

» «В Германии зарегистрировано почти 180 тыс. индивидуальных предприятий с участием польских граждан, в том числе 50% производственных фирм. (...) Инвестиции крупных фирм весьма велики. (...) По оценкам польских дипломатических служб, польские предприниматели инвестировали в немецкую экономику свыше 1,3 млрд евро. (...) Из всех стран, входящих в «зону евро», более всего польских иммигрантов проживает в Германии. По данным Главного управления статистики, в 2012 г. их количество достигло полумиллиона. (...) В первом полугодии 2014 г. как количество, так и объем денежных перечислений в евро из Германии в Польшу составил 42% от общего количества всех

международных финансовых операций, сообщает Национальная расчетная палата». *(Ярослав Олеховский, «Ньюсуик Польска», 15-21 дек.)*

» **«В 2014 г. наши заработки с учетом инфляции, то есть реально, выросли на 3,5%. (...) Это лучший результат за последние шесть лет». *(Бартош Марчук, «Жечпосполита», 8 янв.)***

» «По данным Национального банка Польши, такой благоприятной ситуации с погашением потребительских кредитов не было с начала 2010 года. Как считают экономисты, клиентам банков благоприятствует ситуация на рынке труда: проблем с трудоустройством всё меньше, зарплаты выросли. И сама процедура кредитования упростилась, в том числе благодаря снижению процентных ставок». *(«Дзенник газета правна», 18 дек.)*

» **«Кто покупает квартиры в Польше: немцы — 27,0%, украинцы — 17,3%, британцы — 13,4%, французы — 10,1%, итальянцы — 8,9%, русские — 7,0%, белорусы — 6,2%. (...) 40% всех купленных иностранцами квартир находятся в Варшаве. (...) Источник: Министерство внутренних дел, данные за 2013 год». *(«Жечпосполита», 23 дек.)***

» «Польская экономика способна устоять перед российским кризисом. (...) Значение испытываемых Москвой трудностей для нас существенно уменьшилось, поскольку наш экспорт в Россию снизился в этом году на 20%. (...) Вчера польское правительство одобрило законопроект о внесении изменений в закон, предусматривающий увеличение помощи польским фирмам, которые понесли убытки в результате действующего с августа эмбарго на польские продовольственные товары. Речь идет о дополнительных 500 млн злотых в 2015-16 годах. Поддержка будет оказана тем предприятиям, которые в течение любых трех месяцев, начиная с 6 августа, зафиксировали спад производственных оборотов в размере 15% годовых. (...) Теперь этот законопроект поступит в Сейм. Если все пойдет, как запланировано, новые правила вступят в силу с 1 февраля 2015 года». *(Анджей Кублик, Патриция Мациевич, Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 17 дек.)*

» **«Престижный журнал «The Banker» присвоил министру финансов Матеушу Щуреку титул «Министр финансов 2014». (...) В октябре прошлого года польский министр финансов получил престижную награду «Министр финансов 2014 развивающихся рынков Центральной и Восточной Европы» по версии журнала «Emerging Markets»». *(«Газета выборча», 7 янв.)***

» «В опубликованном в понедельник отчете Высшей контрольной палаты (ВКП) подчеркивается, что несоблюдение стандартов качества воздуха, предусмотренных законодательством ЕС, в так называемой «директиве CAFE», может обойтись Польше аж в 4 млрд злотых штрафа. (...) «Целых шесть польских городов оказалось в первой десятке европейских населенных пунктов с самым большим количеством дней в году, когда концентрация пыли PM_{10} превышала допустимую суточную норму. Другие четыре города находятся в Болгарии», — говорится в отчете ВКП». *(«Жечпосполита», 30 дек.)*

» **«Опубликован ежегодный рейтинг самых дорогих названий стран (в английском варианте). Рейтинг составляет компания Brand Finance, специализирующаяся на оценке брендов и разработке корпоративных стратегий. Названия стран оценивались по методике, обычно применяемой к коммерческим торговым маркам. (...) Название Poland (602 млд долл.) занимает 20-е место. Польша получила коэффициент «A», то есть «высокий» («AA+» значит «очень высокий»). Таким образом, стоимость бренда Poland выше, чем у большинства стран ЕС: опережают Польшу лишь Германия, Великобритания и Франция, находящиеся в десятке самых дорогих брендов, а также Италия (12-е место), Голландия (13-е место), Швеция (17-е место) и Испания (18-е место). В нашем же регионе название «Poland» в рейтинге уступает лишь названию «Russian Federation» (12-е место, 1,17 блн долл.)». *(Ивона Трусевич, «Жечпосполита», 11 дек.)***

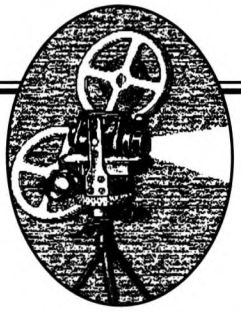
» «Сегодня, после 25 лет преобразований, проведенные в Польше реформы неразрывно связаны с именем их отца-основателя. (...) И хотя Тадеуш Мазовецкий доверил их осуществление Лешеку Бальцеровичу, речь все-таки не шла о проведении авторского эксперимента — на повестке дня было спасение страны. (...) Уже в 1988 году премьер-министр Мечислав Раковский решил поддержать так называемый «закон Вильчека», открывающий широкие возможности частной экономической деятельности. Все понимали насущную необходимость кардинальных преобразований. (...) План Бальцеровича был в этих условиях совершенно необходим, и появился довольно быстро. При этом он не был так жесток и радикален, как об этом

принято говорить сегодня. Да, для некоторых людей его последствия оказались крайне тяжелыми, но могло ли быть иначе? Бальцеровичу удалось остановить инфляцию и стабилизировать курс злотого. Все предприятия, независимо от форм собственности, получили равные возможности для развития. Должникам пришлось погашать кредиты. (...) Конечно, поначалу было очень нелегко. Спад производства. Постоянные банкротства. (...) Безработица. Почти двукратный регресс. Уменьшение зарплат почти в два раза. Всеобщая нищета. (...) Но тут эта сермяжная и чуть ли не отсталая Польша вдруг начала оживать буквально на глазах. Люди всё чащи стали перебираться из захолустья в города. Работа снова обрела смысл. Мы вступали в эру свободы. (...) И сегодня, несмотря на все наши ошибки и слабости, необходимо ценить ту Польшу, которая воскресла из коммунистического небытия благодаря Мазовецкому и Бальцеровичу», — Богуслав Хработа. *(«Жечпосполита», 17 дек.)*

» **«Достоверные исследования, а также сравнение с другими странами нашего региона, показывают, что на фоне последних Польше удалось развить свою экономику наиболее эффективным образом. После 1989 г. нам удалось достичь наивысшего прироста ВВП, превысившего 100%. А вот, к примеру, Венгрии удалось достичь только 20% прироста, в Чехии он превысил лишь 40%, в Эстонии — 80%. (...) Самой большой ошибкой первого года реформ были изменения в социальном законодательстве. Эти предложения исходили от Министерства труда, возглавляемого Яцеком Куронем. (...) Мы — немногочисленная команда экономистов, борющаяся на всех фронтах — не смогли, к глубокому сожалению, остановить резкого повышения затрат на выплату пенсий. (...) Кроме того, выросло количество пенсионеров. (...) Они-то и подорвали бюджет 1991 года. Или взять, к примеру, закон, предоставивший выпускникам школ право на пособие по безработице. (...) Это вызвало целую лавину статистической безработицы», — Лешек Бальцерович, фрагменты интервью. *(«Жечпосполита», 17 дек.)***

» «Средняя продолжительность жизни поляков все увеличивается, достигнув 73 лет у мужчин и 81 года у женщин. Это примерно на 6 лет дольше, чем 20 лет назад, и почти на 20 лет дольше, чем в середине прошлого века». *(«Газета выборча», 10-11 янв.)*

» **«В прошлом году прозвенел тревожный звонок: количество самоубийств выросло на 50%. Всё было так хорошо, 25 лет свободы, а тут вдруг вместо 4 тыс. самоубийств в год их стало 6 тысяч. (...) Если мы обратимся к статистике 2012 года, то увидим, что Польша уже тогда была в «элитарной» группе из шести стран, в которых количество самоубийств растет быстрее всего — это Южная Корея, Япония, Чили. Наше общество сейчас больше всего похоже на южнокорейское. Мы стали массой страдающих людей, ведь страдание всегда подлинно, при этом среди нас практически нет ни романтиков, ни прагматиков, одни трудоголики. Во всех упомянутых странах действует, пусть и с различными модификациями, один и тот же эксплуататорский стандарт работы, что и приводит к росту цивилизационных психических расстройств. (...) Работник, неуверенный в завтрашнем дне, лишен индивидуальности. (...) Он не приходит на работу «к себе». Это не его место в жизни, не его малая родина, не его вторая семья. (...) Он всего лишь элемент безвольной массы, работающей, как в Корее. (...) На наших глазах умирает еще один миф о польском капитализме, появившийся во время реформ. Мир варшавских пригородов, ставший символом успеха малого предпринимательства, небольших магазинчиков и скромных мастерских. Все это сейчас рухнет вместе с идентичностью их работников, поскольку вот-вот место здесь останется лишь для крупных торговых сетей и больших корпораций. (...) 6 тысяч самоубийств стоят на верхушке статистической пирамиды, в основании которой — 100 тысяч попыток самоубийства», — проф. Бартош Лоза, психиатр. *(«Ньюсуик Польска», 22 дек. 2014 — 4 янв. 2015)***

Войцех Мазярский

ДЕРЕВЯННЫЙ КОНЬ ДЛЯ ЗВЯГИНЦЕВА

Боюсь я данайцев, даже дары приносящих. Эти их деревянные кони созданы нам на погибель. Все эти «Золотые глобусы», «Пальмы» и «Оскары». Они специально так делают и злонамеренно их присуждают, чтобы навредить народу Трои.

Ведь компетентные и осведомленные круги давно уже вынесли однозначное суждение, что «Левиафан» Андрея Звягинцева — фильм не слишком удачный и не заслуживающий особенно активного продвижения. Можно даже сказать, что следовало бы уберечь зрителей от общения с этой картиной, в которой на каждом шагу звучат нехорошие слова. Культурному человеку нет необходимости слушать и смотреть такие вещи.

А видели вы, как там пьют водку? Это чистой воды оскорбление народа и его многовековых традиций.

И что же? Конечно, в Америке «Левиафану» дали «Золотой глобус», а до этого в Каннах приз за лучший сценарий. Остались еще «Оскары» — интересно, станем ли мы и здесь свидетелями такого же коварства и злобы.

Их последствия уже сейчас можно наблюдать на практике: иностранная публика валом валит на «Левиафана». Например, в прошлую субботу варшавский кинотеатр, где показывают фильм Звягинцева, был забит до отказа. Яблоку негде было упасть. Несчастная, оглупленная толпа зрителей впитывала болезненные видения режиссера-декадента, слушала нехорошие слова и вырабатывала в себе ошибочное представление на тему традиционной русской школы пития водки.

А ведь кто-кто, а поляки могли бы быть особенно чуткими к подобным манипуляциям и фальшивым дарам, так как сами с этим столкнулись. Случилось это уже довольно-таки давно, но память народа должна сохранять воспоминания о таких событиях в качестве предостережения для будущих поколений.

Когда в 1981 г. польские агенты заграницы, объединенные в профсоюзе «Солидарность», организовали волну забастовок и беспорядков, нацеленных против власти и государственного строя, режиссер Анджей Вайда снял столь же декадентский и вредный фильм под названием «Человек из железа». И были там сцены абсолютно недопустимые и возмутительные.

Водку пили совершенно не по-польски. Вообразите себе: выливает человек алкоголь на пол, а потом хватает тряпку, вытирает, выжимает и пьет то, что из нее выдавил. Неужели вы думаете, что так выглядит польская традиция потребления водки? И это представление о культуре и обычаях польского народа?

Казалось, заботливой власти удастся уберечь зрителей от пагубного влияния этой картины, но тут появились греки со своим деревянным конем. Дали Вайде сначала «Оскара», а потом «Золотую пальмовую ветвь», так что «Человека из железа» уже не получилось положить на полку. Его пришлось показывать во всем мире и в Польше, вызывая настоящее опустошение в сознании зрителей. Потому что тогда, конечно, люди тоже валом валили в кинотеатры, впитывая болезненные видения режиссера-декадента, слушая нехорошие слова и вырабатывая в себе ошибочное представление на тему традиционной польской школы пития водки.

А творилось все это в доинтернетную эпоху наземного аналогового телевидения, так что никак невозможно было ввести миру противоядие и опровергнуть фальшивку, подброшенную Вайдой. Бедные поляки.

К счастью, русские сегодня в лучшей ситуации — у них есть свое чудо-оружие. В их распоряжении Маргарита Симоновна Симоньян, которая посредством сети спутников выправит искаженный Звягинцевым образ России.

Вальдемар Чахур
Казимеж Вуйцицкий

КШИЖОВА — МЕСТО И СИМВОЛ

Месса примирения, 25 лет спустя

В Кшижовой пересекается и соединяется польский и немецкий опыт XX века. Такие слова, как мир, демократия и примирение становятся здесь — спустя 25 лет после перелома 1989 года — чем-то весьма наглядным и ощутимым для новых поколений.

Третий за три дня телефонный разговор премьера Тадеуша Мазовецкого с канцлером Гельмутом Колем и переговоры их представителей, Мечислава Пшона и Хорста Тельчика, успешно закончились в пятницу. «Канцлер примет участие не в немецкоязычной мессе на горе св. Анны, а в менее заметной польско-немецкой мессе в Кшижовой, в Нижней Силезии, вместе с премьером Мазовецким», — сообщала 6 ноября 1989 г. «Газета выборча».

Участвовать в мессе для немецкого меньшинства, проводимой на немецком языке на горе св. Анны, канцлера Коля пригласил опольский архиепископ Альфонс Носсоль. Германский канцлер хотел таким образом послать немецкому меньшинству сигнал о том, что правительство Западной Германии помнит о нем, несмотря на то, что польские коммунистические власти отказывали ему в основных правах. Первый польский некоммунистический премьер-министр хотел это изменить, но знал, что к польско-немецкой литургии на горе св. Анны, где поляки и немцы сражались друг с другом после Первой мировой войны, польское общество не готово.

Так что в последний момент Мазовецкий предложил Колю в качестве места для польско-немецкой мессы Кшижову. Организационные вопросы были возложены на священника Болеслава Калужу из близлежащего Гродзища, а также на вроцлавский Клуб католической интеллигенции* и персонально на Михала Чаплинского из этого же клуба.

Сначала стена, потом туман...

Несмотря на эти договоренности, дорога до Кшижовой была совсем не простой.

Гельмут Коль, правда, начал 9 ноября 1989 г. свой первый визит в Польшу, однако уже в тот же день — сразу после произнесения торжественных речей во время официального ужина, данного премьером Мазовецким в честь иностранного гостя – канцлер узнал, что в Берлине открыли стену. Он колебался, как поступить. Коль хорошо помнил, что народ не скоро простил Аденауэру отсутствие в стране, когда в 1961 г. стену возводили. Он не мог позволить себе таких обвинений. Канцлер знал, что его внутриполитическое положение слишком слабо, а скоро выборы. Итак, Коль прервал визит в Польшу и улетел в Берлин. Но уже через несколько десятков часов вернулся, чтобы принять участие в долго готовившейся и ожидаемой обеими сторонами программе.

Гельмут Коль искал для себя возможность сделать жест примирения. Мазовецкий тоже хотел послать сигнал полякам, немцам и Европе, что без польско-немецкого примирения разделение Европы не исчезнет.

Тем временем появляется еще одно обстоятельство, препятствующее осуществлению этих планов: в субботний вечер 11 ноября Мазовецкий и Коль узнают, что из-за густого тумана не сможет вылететь самолет во Вроцлав. Начался поспешный поиск альтернативы. Коль с немецкой делегацией отправляется

---

* Клуб католической интеллигенции (ККИ) — объединение польской интеллигенции, которое декларирует своей целью участие представителей интеллигенции в жизни Католической церкви в Польше. Здесь и далее прим. пер.

автобусом в ночное путешествие в Силезию. Мазовецкий едет поездом. Они встречаются в Кшижовой.

Таким образом 12 ноября 1989 г. в Кшижовой состоялась месса примирения. В месте, где во время Второй мировой войны члены «Креста Крейсау» (Крейсау — немецкое название Кшижовой), т.е. представители немецкой антигитлеровской оппозиции, во главе с владельцем здешнего имения Гельмутом Джеймсом фон Мольтке, дискутировали о необходимости наказания для нацистских преступников и о судьбах послевоенной Европы.

Во время этой мессы, которую служил опольский архиепископ Носсоль, Мазовецкий и Коль символически обменялись приветствием мира*.

Все было непросто

25 лет спустя в Кшижовой, где вскоре после той мессы был создан фонд «Кшижова — за европейское взаимопонимание» с Международным домом встреч молодежи, будет открыта постоянная выставка на пленере под названием «Отвага и примирение», посвященная трудному пути мужественных поляков и немцев к примирению и — несмотря ни на что — очень важной и яркой в медиальном плане мессе примирения.

Что означает примирение в этом контексте? Представляет ли оно собой, прежде всего, моральный жест? Можно ли рассматривать примирение между враждебными странами в отрыве от политики? Входит ли примирение в словарь политика? И кто должен мириться, если два народа, два общества находятся в ссоре, питают друг к другу ненависть и недоверие?

Это совсем не простые вопросы в мире, где, по-прежнему, обычным делом являются конфликты, основанные на нерешенных вопросах из прошлого. Часто недостаточным оказывается не только прекращение военных действий, но и разумные, хотя и не ставшие достоянием широкого круга, политические договоренности.

Чтобы примириться, нужно лучше понять друг друга. Чтобы понять друг друга, нужно найти общий язык для описания прошлого и будущего. Общий язык можно найти, если выйти за границы собственной правды, если с теми, кто по ту сторону, начать создавать общность диалога.

Все это хорошо звучит, и об этом легко говорить сегодня, но в 60-е, 70-е и 80-е годы прошлого века между поляками и немцами все это было отнюдь не просто.

Действительно, польские епископы со своим письмом 1965 года и словами «прощаем и просим прощения» открыли путь к примирению. Только вот немногие хотели идти этим путем. Немецкий ответ — письмо 1966 года немецких епископов польским епископам — вовсе не был шагом вперед. Ян Юзеф Липский в своем эссе «Две родины, два патриотизма», опубликованном в 1981 г., изложил трудную истину о том, что сначала нужно рассчитаться с грехами собственного общества, прежде чем предъявлять счет другим, даже если их грехи справедливо кажутся значительно более тяжелыми. Но как можно было применить эту истину, если немцев и поляков разделял «железный занавес»?

Отважные и одинокие

И все же процесс примирения между немцами и поляками продвигался вперед. Потихоньку, не доходя до широкой общественности (в условиях цензуры об этом трудно было писать), поначалу почти конспиративно. Парадоксально, но на этот раз конспирация была польско-немецкой.

Так восточногерманские пасторы незаметно попадали в редакции «Тыгодника повшехного», «Знака» и «Вензи»**; Клубы католической интеллигенции в Варшаве и Вроцлаве отправляли моло-

*Приветствие мира — литургический знак, которым во время католической мессы верующие обмениваются перед Святым Причастием.

**«Тыгодник повшехный» – еженедельный общественно-культурный журнал, основанный кардиналом Адамом Стефаном Сапегой и выходящий в Кракове с 1945 года; «Знак» — ежемесячный интеллектуальный общественно-культурный журнал, выходящий в Кракове с 1946 года; «Вензь» — католический общественно-культурный журнал, основанный в Варшаве в 1958 году.

***«Акция знаков покаяния» — действовавшая в ФРГ и ГДР протестантская организация, ставившая целью восстановление разрушений в странах, пострадавших от нацистской оккупации

дежь в лагеря восточногерманской «Акции знаков покаяния»***; деятели католического движения «Pax Christi» из Западной Германии стремились к интеллектуальному диалогу с личностями такого масштаба, как Тадеуш Мазовецкий, Мечислав Пшон или Станислав Стомма****.

Обе стороны знали, что не представляют взглядов, которые разделяло бы большинство общества. Более того, они знали, что действуют вопреки большинству и вопреки распространенным тогда взглядам. В сущности, ни Тадеушу Мазовецкому не нужно было примиряться с Гюнтером Зерхеном, ни активистам «Pax Christi» с деятелями Клуба католической интеллигенции. Они не видели друг в друге врагов. Этим находившимся в дружеских отношениях людям нечего было друг другу прощать.

Их задача была намного труднее. Они ставили перед собой вопрос, как понимать прошлое, чтобы память о нем не ранила. И, соответственно, какие соображения, не только моральные, но и политические, стоят за примирением? Какие изменения в общественном сознании нужно произвести, чтобы примириться смогла не только маленькая группка людей доброй воли, но два крупных сообщества с сильно укоренившимся убеждением об исключительности собственных страданий? Так что задача была — как бы претенциозно это ни прозвучало — интеллектуальной.

Тех, кто начинал этот польско-немецкий диалог, часто критиковали обе стороны, иногда даже обвиняли в предательстве. Одни делали это со зла, другие — искренне убежденные в своей политической и моральной правоте — в доброй вере. Чтобы это выдержать, требовалась смелость. Однако порой та смелость, которая проявляется в тиши собственной комнаты, над книгой и с пером в руке, смелость мышления, оказывается самой трудной.

Комната Тадеуша Мазовецкого, одного из пионеров примирения, была полна книг. Эта библиотека наполовину состояла из труднодоступных тогда немецких изданий. Их чтение было для будущего первого премьера Третьей РП собственной дорогой к примирению. В свою очередь, в восточноберлинской квартире Людвига Мельхорна — первоначально члена «Акции знаков покаяния», потом гэдээровской оппозиции — было множество польских книг. Мельхорн вчитывался в другую, малоизвестную и часто недооцениваемую в Германии культуру, а потом переводил тексты польских авторов, в том числе поэтов, и неофициально издавал их в ГДР.

Примирение часто происходит в одиночестве. Это движение мысли. Это поиск общности там, где, кажется, ее не может быть.

Почему Кшижова?

Так чем же была месса примирения в Кшижовой в то холодное ноябрьское утро 1989 г.? Опольский архиепископ, силезец сердцем и европеец по духу, Альфонс Носсоль, который отправлял это богослужение, часто повторял потом, что атмосфера была ледяной. Транспаранты немецкого меньшинства, представители которого появились в Кшижовой, не были тогда мостом между поляками и немцами. Было выжидание. Жест объятия двух политиков, «приветствие мира», которым они обменялись, значили, конечно, много, но немало было и недоброжелательных комментариев в прессе. Многие не хотели примирения и не понимали того, что должен был означать этот жест в Кшижовой. Потом архиепископ Носсоль будет вспоминать, что имели место даже «настояния служб, чтобы исключить из мессы ту часть, в которой верующие обмениваются приветствием мира» (Служба Безопасности все еще существовала и подчинялась, как и прежде, главе МВД Чеславу Кищаку.).

Этот жест понимали те, кто стремился к примирению. Для них он означал примирение. Им хотелось видеть в нем символ. Может быть, их было немного, однако достаточно, чтобы так и произошло. Месса в Кшижовой стала символом польско-немецкого примирения.

Можно спросить, почему Мазовецкий предложил Колю в качестве места для богослужения именно Кшижову, а не — как первоначально хотел канцлер — гору св. Анны. Мазовецкий знал Кшижову, знал немецкое движение сопротивления против Третьего Рейха и очень ценил его. Еще с 70-х годов он видел в людях из немецкой антигитлеровской оппозиции не просто «других немцев» по сравнению с преступниками и убийцами поляков. Его восхищала сила духа немецких оппозиционеров,

****Станислав Стомма (1908–2005) — польский общественный деятель, юрист, специалист в области уголовного права, публицист, депутат Сейма, сенатор.

действовавших внутри собственного общества — может быть потому, что он сам искал для себя место в коммунистической Польше. Знал Мазовецкий и наследие Кшижовой. Ему было известно, что в этом месте — в Доме на холме в Кшижовой — члены «Креста Крейсау» во главе с Гельмутом Джеймсом фон Мольтке в 1942-43 гг. обдумывали концепцию мирной Германии в свободной Европе, в которой было место и для Польши.

Поэтому премьер Мазовецкий, выбирая место для мессы примирения, мыслил категориями не только этическими, но и политическими. Тем самым он хотел обозначить, с какими немцами он стремится к примирению и в какой Европе видит свободную Польшу и объединенную Германию. Речь шла о Европе, основанной на прочном христианском фундаменте, Европе демократической и свободной, такой, о которой мечтали члены «Креста Крейсау» и польская демократическая оппозиция.

Как сохранить память?

Двадцать пятую годовщину той, все-таки очень значимой, мессы примирения следовало бы как-то отметить. По всеобщему мнению, польско-германские отношения сегодня не только лучшие за всю историю нашего соседства, но также одни из лучших среди стран Европейского Союза. Приезжающей в Кшижову молодежи часто трудно понять, почему столько говорится о примирении, если можно вместе играть в футбол и ходить на дискотеку. Рассказать и запомнить процесс примирения, его специфику и динамику, не так просто.

Отсюда и идея образования посредством выставки.

Ее принципиальной осью является противопоставление пассивности, подчинения злу, массе — воли личности, ее моральной мотивации, индивидуальной позиции. Пассивность приводит к подчинению идеологиям, стереотипам, разделяющим людей, приводит к разделению между обществами, а через это, в конечном счете, к решению любых конфликтов с помощью насилия и в более отдаленном следствии — к войне. В массе человек становится анонимным и может легко превратиться либо в носителя зла, либо просто допускать его. Между обществами и народами вырастают барьеры, непонимание и ненависть.

Чтобы преодолеть эту ситуацию, необходимо появление личностей, которые создают закваску для нового мышления и способны обратиться к людям, мыслящим подобным образом по другую сторону баррикады, таких как Станислав Стомма, Мечислав Пшон, Анна Моравская, кардинал Болеслав Коминек, Гюнтер Зерхен, Манфред Зайдлер, Марион Дёнхофф*****, таких как члены Клуба католической интеллигенции, восточногерманской «Акции знаков покаяния» и «Бенсбергского кружка»****** из Западной Германии. Своей позицией и деятельностью эти люди ломали ментальные и политические границы в польском и немецком обществе. При этом они не забывали, что условием примирения является честный диалог о прошлом и совместные поиски лучшего будущего.

Таким образом, месса примирения в Кшижовой — это результат победы и силы гражданского общества, отдельных отважных людей из Польши и Германии.

Наше наследие

Выставка ведет посетителя через лабиринт Второй мировой войны, враждебности и недоверия послевоенного периода и первых инициатив в деле сближения поляков и немцев. Извилистая дорога приводит к открытому пространству, где возможна встреча, поиск компромиссов и диалог о трудном прошлом, а еще о нелегких, требующих решения проблемах, стоящих перед молодыми европейцами из Польши или Германии.

***** Гюнтер Зерхен (1927 – 2004) – немецкий социальный педагог, публицист и общественный деятель; Людвиг Мельхорн (1950 – 2011) – немецкий диссидент, правозащитник; Анна Моравская (1922–1972) – польская переводчица, католический публицист; Марион Дёнхофф (1909–2002) — журналистка, публицист, автор книг, посвященных анализу истории Германии в XX веке.

****** «Бенсбергский кружок» (нем. Bensberger Kreis) — основанная в 1966 г. в ФРГ организация немецких католиков с критическими и реформистскими взглядами.

Проект инсталляции исключителен, так как точно соединяет архитектурно-эстетические элементы с конкретным сложным историческим содержанием. Реализация такой крупной экспозиции под открытым небом, подверженной всем погодным и сезонным изменениям, на столь большой площади (около двух тысяч квадратных метров) требовала воображения. Однако архитектурный проект и эстетические достоинства не должны были затмевать содержание. Если выставку удалось реализовать, то потому, что так много людей, принимавших участие в ее осуществлении, было убеждено в значимости и необходимости этого предприятия.

Открытым остается вопрос, какое место должна занять эта выставка в самой Кшижовой. Постоянная экспозиция на пленере станет объектом настолько заметным и значительным, что приезжающие туда, возможно, увидят в ней центр всего комплекса зданий, а также рассказ о богатой истории этого места.

До сих пор посещающие Кшижову обращали внимание прежде всего на дворец, где им демонстрировалась выставка со стендами, посвященными польской и немецкой оппозиции, которая была в свое время подготовлена Мельхорном, потом они посещали Дом на холме, бывший местом совещаний антигитлеровской оппозиции. Людвиг Мельхорн, черпавший образцы в польском движении сопротивления, хотел показать универсальный образец личности, противопоставившей себя злу.

Новая выставка, названная «Отвага и примирение», объединяет и целостно описывает непростое и очень значимое для специфики польско-немецкого примирения наследие Кшижовой.

Однако память о прошлом только тогда имеет смысл, когда содержит в себе проект будущего. Такое место как Кшижова, становится важным не в силу самого факта происходивших здесь исторических событий. Работа, которая ежегодно проводится здесь (организация уже не только польско-немецких, но международных встреч, в первую очередь, молодежи) имеет огромное значение и пользуется поддержкой обоих правительств.

Миссия (также) на сегодня

Однако Кшижова должна увековечить не только тот жест 1989 года и историю польско-немецкого примирения как некий завершенный этап, как исполнение ожиданий поляков и немцев. Ведь примирение, понимаемое как поиск общего языка, позволяющего говорить о трудном прошлом, как поиск согласия там, где его не хватает политикам, как поиск людей, которые способны пересечь границы и начать диалог с теми, кто считается врагами, такое примирение и сегодня остается большой и актуальной проблемой.

И это вовсе не проблема других континентов. Достаточно посмотреть вокруг, спросить о взаимоотношениях в Боснии, о сербско-албанских или венгерско-румынских отношениях, не говоря уже о русско-украинских. А Европу разделяют еще и барьеры невежества, пренебрежения чужой историей и культурой. На нашем континенте все еще много мест, где примирение — необходимо.

Поэтому Кшижова может стать важным местом, может поддерживать доверенную ей миссию не только увековечивая исторические события, существенные для Польши, Германии, а также всей Европы, но и напоминая вновь и вновь о самой идее примирения.

Для нашего континента и для все еще продолжающегося процесса европейской интеграции очень важно, что существуют такие места, где люди, которые хотят вести открытый разговор (без необходимости вступать в политические переговоры) могут встречаться. Политики могут более эффективно строить новый лад, если за ними стоят люди и круги, способные разговаривать друг с другом.

Если Кшижова станет таким местом, то вся история польско-немецкого примирения приобретет значение, которое открывает путь в будущее. Этот проект и эта мысль в Кшижовой не должны быть потеряны.

Пример для молодых

Кшижову нельзя себе представить без молодежи.

Образование, в том числе историческое образование, одна из труднейших задач для каждого общества. Одни лишь встречи различных групп не всегда решают проблему. Такие встречи, несмотря на усилия педагогов, легко свести к банальности. В Кшижовой молодежь должна быть убеждена, что находится в важном месте, в котором ей хотят передать что-то существенное.

И здесь мы подходим к одному из самых трудных вопросов: как рассказывать молодым европейцам из Польши и Германии, что сегодняшняя Европа, лишенная границ и свободная, представляет собой огромную ценность, ради которой старались и люди польско-немецкого примирения? Откуда у молодых европейцев может взяться убеждение, что эта нынешняя Европа свободы и демократии — вовсе не очевидность, и не дана нам раз и навсегда? Как сделать молодежь восприимчивой к требованиям времени, к исчезающим и вновь возникающим границам в Европе и вне ее? Выставка в Кшижовой как раз говорит молодым людям, что, хотя какие-то границы всегда существуют, их стоит пересекать и идти против течения, даже если иногда за это приходится дорого платить.

Будущее наших обществ и нашего континента — это вызов, требующий постоянных индивидуальных усилий и отваги. Сегодня просто необходим образовательный проект построенный на этой предпосылке, и эту миссию уже много лет реализует Кшижова.

В Кшижовой пересекается и соединяется польский и немецкий опыт XX века. В этом месте, в том числе, благодаря новой выставке, такие слова, как мир, демократия, примирение и Европа, становятся для новых поколений европейцев — через 25 лет после ярких событий 1989 года — чем-то весьма ощутимым и наглядным.

А каждое поколение должно по-своему пытаться пройти через лабиринт, ведущий к открытому пространству, а проще говоря, к лучшему миру.

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOŁECZNO-KULTURALNE

Д-р Вальдемар Чахур — германист и лингвист, работает в Институте германистики Варшавского университета. Куратор выставки «Отвага и примирение» в Кшижовой. Вместе с Аннемари Франке выпустил сборник работ о Кшижовой «Кшижова как место польско-немецкого диалога» (Кшижова, 2013).

Казимеж Вуйцицкий — кандидат исторических наук, историк и публицист, работает в Центре изучения Восточной Европы Варшавского университета. Куратор выставки «Отвага и примирение» в Кшижовой, а также директор Европейской академии в фонде «Кшижова — за европейское взаимопонимание».

Ежи Едлицкий

ИСКУШЕНИЕ ОБЩЕЙ СИЛЫ

Антисемитские лозунги, расистские оскорбления, гитлеровские эмблемы на стенах наших городов, вульгарные песнопения на стадионах, воинственные группы боевиков — что это: возвращение демона фашизма или всего лишь — всего лишь? — агрессивный и нахрапистый национализм? В частных беседах, да уже и в прессе, все чаще возникает беспокойство, видны и слышны опасения, которых не развеивают диаграммы социологов, убеждающие, будто бы мы по-прежнему имеем дело с маргинальным явлением, неприятным, конечно, но в политическом смысле незначительным.

Невелика польза и от многосложных определений «измов», долженствующих помочь нам разобраться, являются ли эти погромные выкрики и лозунги предвестием каких-то опасных перемен, или фольклором, способным замарать любую демократию. Пессимисты напоминают, что итальянский фашизм или гитлеризм тоже поначалу, пока не обнажили клыки, казались не стоящей внимания авантюрой. Поэтому мы не можем удовольствоваться «коричневыми книгами», сколь бы ценной ни была такая регистрация жестоких нападений и явных нарушений закона[1]. Мы должны дополнить их, поняв, каков потенциал развития движения, его скрытая энергия. А это значит: выяснить, что питает его членов, что привлекает, что приносит им особое удовлетворение. Здесь мы усмотрим либо совершенно новые мотивы, не ассоциирующиеся ни с чем известным нам из более ранней истории, либо, напротив, слишком уж памятные. Важно, однако, остерегаться использовать «фашизм» в качестве эпитета или оскорбления, которыми привыкли забрасывать друг друга представители различных политических партий, и которые мы и сегодня используем, скорее, для вымещения злости или презрения, чем для различения явлений из области политики и социальной психологии[2].

Идя этим путем, я искал в литературе по данному предмету точку сцепления, что-то, что стало бы для меня откровением, «именно тем, что надо». Думаю, мне удалось найти ее в убедительном эссе Фрица Стерна под названием «Национал-социализм как искушение». В свою очередь для Стерна, эмигрировавшего из гитлеровской Германии в Америку, исходной точкой была лекция, которую Теодор Хойс прочитал в 1931 г. В тюбингенском университете. Лекция называлась «Является ли национал-социализм спасением для Германии?»[3]

Итак, искушение, обольщающая и притягательная сила. «Национал-социалисты, — писал Стерн, — превратили политику в состояние непрекращающегося воодушевления и опьянения. Источниками притягательной силы этого движения были единственная в своем роде демагогия фюрера, драматургия великой жертвы, символика, взятая одновременно из церковной литургии, молодежных движений, военной мифологии и итальянского фашизма, соединенных в новой стилистической форме»[4].

Разве не в этом суть дела? Все элементы, почерпнутые из истории и идеологии этого течения, за исключением немецкого антисемитизма, были заменимыми, а иногда — особенно в итальянском фашизме — сами вожди относились к ним с цинизмом. Открыто заявлялось, что важна не доктрина, а динамичный порыв движения, зов власти, культ вождя, ведущего народ к победе[5].

Сотни марксистских и постмарксистских работ, рассматривавших классовую сущность фашизма — был ли он мелкобуржуазной реакцией, или все же орудием финансового капитала — все они сегодня превратились в пустые бумажки. Нам известно, что это движение, «лишенное какой-либо позитивной идеологической системы», пополнялось из всех общественных классов, в каких ему только удавалось найти приверженцев. «Обещания фашизма [здесь говорится о его оригинальной, итальянской версии — Е.Е.] были явно противоречивыми и все-таки их встречали аплодисментами; фашизм не провозглашал одну идеологию, а представлял собой неустойчивую амальгаму всех идеологий: он провозглашал мир во всем мире и восхваление войны, защиту собственности и капитала,

а одновременно их социализацию, защиту религии и безбожие, материализм, атеизм, защиту культуры и похвалу антикультуре, и так далее, всего понемногу»[6].

В убийствах, которыми фашистские и нацистские штурмовые отряды или дружины румынской «Железной гвардии» метили свой путь к власти, был смысл, так как каждый активный участник движения становился с этого момента его исполнителем, то есть, с помощью пистолета или ножа творил «новый порядок», *neues Ordnung*, был повелителем трусливых гражданских, а тем более исключенных из общества евреев. А разве есть более упоительное чувство, чем власть над жизнью и смертью, в особенности, когда она сопряжена с реализацией идеальной цели, как бы ее себе ни представлять?

Это искушение господством, кажется, лучше всех понял Ницше, который ради него, ради неодолимой «воли силы», был готов деградировать и отбросить любые морализаторские возражения: «ибо воля, как аффект повеления, и есть решительный признак самообладания и силы. Это значит: чем меньше умеет некто повелевать, тем назойливее влечется он к тому, кто повелевает, и повелевает строго, — к Богу, монарху, (…) врачу, духовнику, догме, партийной совести»[7]. Это был центральный мотив, постоянно повторявшийся в его произведениях разными, более или менее претенциозными словами.

Нас здесь особенно интересует психологическое вознаграждение, которым власть, тем более, не ограниченная рамками права, либо разрывающая их, наделяет того, кто ее осуществляет, будь то вождь нации или всего лишь предводители отрядов болельщиков на стадионах. Тем не менее, власть как возможность приказывать не может быть предоставлена каждому. Отряду, таким образом, остается упиваться насилием, борьбой как таковой, самоотверженной агрессией. Заранее оговариваемые стычки «стенка на стенку» боевиков в цветах футбольных клубов выглядят элементарной формой выпускания пара, чем-то средним между игрой и дракой. В свою очередь, ощущение власти присуще каждому, кто защищает «территорию», то есть выделенную часть трибун, от недозволенного вторжения, а также тому, кто атакует «чужого» — лучше всего, чтобы у этого чужого был другой цвет кожи, а какой именно, не так важно. Евреи уже плохо подходят в качестве цели физического нападения, так как их трудно распознать, тело стало словом, оно по-прежнему является поводом для оскорблений и ругательств. В то же время, выкрики или другие публичные демонстрации презрения в адрес футболистов либо зрителей с неевропейской внешностью приняли ритуальный характер, усиливая легко достижимое ощущение превосходства и господства.

Выше я говорил, что идеологии таких движений заменяемы, но это не означает, что они не играют никакой роли. Наоборот: в драках фанатов, в особенности, когда они выплескиваются в город, идеология становится необходимой составляющей групповой идентичности. Наиболее функциональна сегодня, как, наверное, и всегда, сильно усеченная «патриотическая» идея, облагораживающая весь репертуар актов наполненной ненавистью, уже не традиционной агрессии. Патриотизм проявляется, прежде всего, под маской защиты национальной территории от проникновения чужих, начиная с африканцев и заканчивая чеченцами. Что характерно, почти полностью исчезло антинемецкое направление, когда-то самое активное: сегодня, напротив, гитлеровские эмблемы оказались кстати в качестве декоративного антуража, ассоциирующегося с силой и мощью, неважно какого вектора.

Вот что говорит не называющий своего имени антифашист из Белостока: «Я в этой теме уже 20 лет и не помню, чтобы в городе не было нациков. Даже еще до чеченцев. Мы размышляли — почему? Думали даже, что здесь пересекаются какие-то нехорошие энергетические линии. Тут всегда была мода на жесткий национализм и неонацизм. В других местах Польши национализмом уже переболели, а у нас отмечалась годовщина смерти Гесса»[8]. Польские националисты, чтящие заместителя Гитлера — это, на самом деле, исторический парадокс.

Ведь это несомненно польская копия немецкой националистической партии НДП. Наши националисты, впрочем, не столь продвинуты. Если верить последним сообщениям прессы, греки намного опередили их, ибо в помещениях партии с красивым названием «Золотая заря» недавно обнаружены склады автоматического оружия и взрывчатки. Кроме того, выяснилось, что дружеские связи с «Золотой зарей» поддерживают многие полицейские: «Количество функционеров, проникнутых

неонацистской идеологией и сотрудничающих с «Золотой зарей», оказалось столь значительным, что у полиции отобрали все связанные с этой партией дела и передали их разведке». В конце сентября было арестовано все руководство партии, включая членов парламента, подозреваемых в преступной деятельности[9].

Похоже, ни одна европейская страна не свободна от этой проблемы. В литературе предмета встречаются разные названия: «правый радикализм», «экстремизм», «популизм» и т.д., однако отличия в их характеристиках, в общем, не соответствуют их различиям между собой[10]. Когда появляются такие ярлыки, как «неофашизм» или «неонацизм», они могут (что нечасто) совпадать с самоопределением группировки и ее нескрываемой привязанностью к гитлеровским эмблемам, либо являются следствием желания исследователей или публицистов явно подчеркнуть экстремизм данной партии. Всевозможные различия в этой материи выглядят неустойчивыми и оттеночными.

Все партии и объединения, входящие в сферу нашего рассмотрения, имеют этнический характер и понимают нацию как нечто вроде родственного союза. В связи с этим, такие партии борются, прежде всего, за ограничение или даже запрет иммиграции, то есть наплыва беженцев из-за пределов Европы, либо европейцев из стран Евросоюза, готовых выполнять самые худшие работы за самую низкую оплату, а вместе с тем пользоваться социальными пособиями. Лозунги экономической защиты, окрашенные националистической риторикой, открывают в богатых странах двери в городские советы и парламенты.

В посткоммунистических странах, обычно стоящих ниже на ступенях экономического развития, иммиграционное давление пока еще в зачаточном состоянии, тем не менее, в Польше районы центров для беженцев, годами ожидающих административного решения своей судьбы, стали территорией обостряющихся конфликтов с местным населением. Беженцы прибывают с Востока и легко узнаваемы по внешнему виду и вероисповеданию (что особенно относится к чеченцам). Испытываемая ими агрессия в меньшей, чем на Западе, степени объясняется экономическими, в большей — бытовыми и расистскими мотивами. Значительно более сильное напряжение периодически возникает во всех странах Центрально-Восточной Европы в соприкосновении с осевшими здесь меньшинствами, прежде всего, с цыганским меньшинством, которое повсюду подвергается актам насилия на почве ненависти и, по большей части, бессильно против них[11].

Упомянутые выше процессы создают фон, на котором развивается ксенофобия народов Центрально-Восточной Европы. Правила общежития, действующие в Европейском Союзе, одни конфликты сглаживают, другие — напротив — обостряют. Крайне популистские по своей природе партии питаются этническими конфликтами и разжигают их. С особой выразительностью это наблюдается в Венгрии, поссорившейся со всеми соседними государствами и имеющей весьма многочисленное цыганское меньшинство, что позволило выпестовать агрессивную партию правой молодежи («Йоббик»), которая может похвастаться немалыми электоральными успехами[12].

Опасной выглядит ситуация в России, где общий антагонизм между «славянским» населением, склонным считать себя единственно полноправным на огромной территории Федерации, и так называемыми «черными», то есть выходцами из автономных республик Кавказа и Средней Азии, раз за разом взрывается локальными погромами. Этот антагонизм питает десятки организаций, которые выдвигают лозунги защиты «чистоты расы», агитируют против евреев, против Америки и против либеральных идей Западной Европы. Среди них есть организации открыто неофашистские (или же, если угодно, «национал-большевистские»), пользующиеся снисходительностью авторитарной власти до тех пор, пока не вторгаются на ее электоральную территорию[13]. Либерально-демократическая (*sic!*) партия Владимира Жириновского получает разрешенное ей число мандатов и живет в *sui generis* симбиозе с правящей партией. Легко доступна антисемитская литература.

В Польше дело не зашло так далеко, но, возможно, не стоит ждать, пока это случится. Как бывает в политике, на самом деле, нельзя быть уверенным, что крайне правые движения во всех европейских странах будут развиваться подобным образом, тем не менее, есть столько данных, указывающих на идеологическое родство таких организаций, что мы меньше рискуем, сохраняя бдительность, нежели недооценивая опасность[14].

Определенно, следует остерегаться, чтобы не стать посмешищем из-за чрезмерной горячности. Акция, призывающая жителей городов закрашивать гнусные надписи, разумна, если она — как это бывает в Польше — вскоре не выдохнется и не закончится победой вульгарных пачкунов. Однако не стоит, конечно, бросать на этот фронт большие полицейские силы. Хотя атмосфера допустимости агрессии, очевидно, вредна для общества, появляющиеся на стенах оскорбления — это, предположительно, дело рук неорганизованных подростков, для которых игра в прятки с правоохранительными органами способна стать дополнительным стимулом.

Более опасной кажется легкость, с которой в этой части Европы можно организовывать марши и манифестации экстремистских организаций, а также издавать националистическую или откровенно фашистскую литературу. В демократической публицистике в этой связи часто встречается недопонимание, когда с искренним убеждением высказываются взгляды о том, что конституционная свобода слова позволяет покрывать безнаказанность языка ненависти и оскорблений в публичном пространстве. Этот вопрос требует дискуссии, так как в Польше (и, кажется, не только в ней) существует сильно укоренившееся противоречие между разумной буквой конституций и кодексов, с одной стороны, и далеко отстоящей от них прокурорской и судебной практикой, с другой. По замыслу европейских, в том числе польских, законодателей, свобода слова должна была обеспечить право на изложение своих убеждений и свободу высказываний, за которые автор принимает гражданскую ответственность. Эта свобода не должна приводить к превращению общественной жизни в клоаку, как это уже произошло с интернетом к удовлетворению некоторых либеральных доктринеров, оберегающих язык ненависти и считающих, что борются за свободу[15].

А также к душевному спокойствию тех прокуроров, которым приходится привлекать экспертов-филологов, чтобы узнать, действительно ли высказывание «Евреи — сорняки» является призывом к ненависти или оскорблением (в понимании статей 256 и 257 УК), или, может быть, все-таки убеждением, охраняемым конституцией. «Раз серпом, раз молотом — по красной сволочи» — это, конечно, второе, скажут вслед за экспертами господа прокуроры, так как здесь нет глагола в повелительном наклонении. В другом случае одна из районных прокуратур признала, что развешанные по городу активистами НРЛ[16] плакаты в честь Элигиуша Невядомского, убийцы президента Нарутовича[17], «не представляет собой восхваления преступления, а является проявлением эмоционального состояния членов этой организации»[18]. Подобным примерам нет числа.

Даже если буква закона в меру стабильна, то наша языковая чувствительность подвержена довольно быстрым переменам, а наряду с ней и наши реакции на политическую фразеологию. В 2005 г. ведущий историк и теоретик польской либеральной мысли писал: «Также в настоящее время правый национализм, несомненно, достоин осуждения, а его лозунги иногда просто отвратительны, однако нет ни малейшей опасности того, что в западном мире такой национализм победит или хотя бы ограничит либеральные свободы»[19]. Через восемь лет на вопрос, по-прежнему ли он разделяет это мнение, автор приведенных слов ответил коротко: «Решительно нет!».

Граница между действием и словом размыта, а возможно, ее нет вообще. «Ведь второе есть частный случай первого», — говорит философ[20]. Различие между разными видами фашизма, с одной стороны, и агрессивным национализмом и популизмом разных национальностей, с другой, также не очевидно: с течением лет эти доктрины перенимали одна у другой многие черты, становясь похожими вплоть до утраты собственного лица, что превращает попытки построить точные определения этих понятий в казуистику.

В Польше данный процесс заставил забыть о «столкновении цивилизаций», то есть о мировом конфликте религиозных фундаментализмов. Конечно, нельзя исключить, что этот фронт еще напомнит о себе, как уже напомнил в Нью-Йорке, Мадриде или Лондоне террористическими атаками, либо порой острыми бытовыми конфликтами между коренными жителями и иммигрантами. Пока для нас это достаточно отдаленная забота. Нашим цивилизационным конфликтом, становящимся с каждым годом все более опасным, остается внутренняя борьба или — как ее называет Гжегож Кшивец — «культурная война»[21], то есть защита основ либеральной культуры от националистическо-фашистской агрессии, и не важно — под каким именем она прячется.

Агрессоры не скрывают своего презрения к парламентарной политике, которая остается весьма слабым звеном обороны, учитывая низкий авторитет представительных органов. Демонстративное отвращение к любым «элитам» и к либеральным принципам — отличительная черта всех популистских организаций. Однако оборона постыдно хрупка по всей линии из-за того, что серьезность ситуации игнорируется общественным мнением. Мы немногое можем противопоставить идейной интоксикации радикализмом и явным фашизмом сознания молодых людей, для которых школьные знания и слабое историческое воображение оказываются малоэффективной прививкой, и которым импонирует грубая сила, даже если она топтала их собственную страну.

Очень беспокоит восприимчивость части молодежи к расизму. Цыгане, как уже говорилось, стали его самой беззащитной мишенью. «В Польше не проходит дня без агрессии по отношению к ромам», — с беспокойством заметил недавно соучредитель и председатель «Объединения ромов в Польше»[22]. Нет реалистичной программы экономической и образовательной эмансипации цыган в масштабе страны, хуже того, есть психологические и исторические предпосылки для опасений, что более-менее заметное улучшение ситуации этой группы населения, при таком уровне отвращения к нему, приведет к криминальному взрыву враждебности. У нас уже имеются такие примеры у чехов и венгров, погромы уже происходили и в Польше[23]. Спонтанные волнения населения, чаще всего под влиянием какого-либо инцидента или слуха создают почву, которая только ждет, чтобы ее обработали группы, вооруженные соответствующей идеологией.

Расизм переживает ренессанс по всей Европе. Его питательная среда — как обычно утверждают аналитики — затяжной кризис и высокий уровень безработицы у образованной молодежи, многочисленные когорты которой не находят работы, отвечающей их ожиданиям. Это поверхностное объяснение, легко согласующееся с нашими убеждениями, иначе, откуда в богатой и упорядоченной Норвегии взялся Брейвик? Откуда берутся энтузиасты «белой силы» в Германии? В чем причина антииммиграционных и антиевропейских настроений в столь многих странах, не успевших еще испытать своих шансов в Евросоюзе? Узел причин и эмоций выглядит здесь намного более запутанным, чем это кажется самодеятельным психологам и политологам.

В нашей стране картина также далека от ясности и простых соотнесений. Набирает силу католическо-национальный фундаментализм. Конечно, не стоит дожидаться, пока это проявится на выборах, а уже сегодня изучать источники его привлекательности. В мире, где так много искушений, в культуре мгновенного удовлетворения *à la carte*, проявляется беспокоящий духовный дефицит, всасывание пустоты. Все указывает на то, что рационалистическая, либерально-демократическая аксиология не в состоянии ее заполнить, подпитывая лишь самодостаточные личности, а этого явно недостаточно.

В эту пустоту вторгается — организация. Сначала союз болельщиков футбольного клуба, даже если неформальный, то, все равно, сильно интегрированный. Более высокий уровень — это уже митинги «в защиту креста». Потом политическая организация — местное отделение НРЛ, «Всепольской молодежи»[24] или «Национального возрождения Польши»[25]. До недавних пор эти организации соперничали друг с другом в программах, количестве членов, отклике, который вызывает их деятельность в различных кругах, особенно (но не только) молодежных. С 2012 г. они стремятся к взаимодействию, если не к объединению, в рамах Национального движения, солидарно выступая в маршах и на митингах по случаю национальных праздников.

Это уже не только отряды примитивных, обритых наголо здоровяков, умеющих скандировать несколько лозунгов. У движения есть своя структура, кадры лидеров, несколько городских центров, в которых оно усердно демонстрирует свое присутствие (Белосток, Вроцлав, Люблин, Ополе). Новым, чрезвычайно беспокоящим фактором стало появление вместе с ними знаменосцев некоторых отделений «Солидарности», а с противоположного края идеологического спектра — эмблем международных организаций явно национал-социалистского толка вроде «*Blood and Honour*»[26], не легализованных у нас[27].

Итак, на заданный вопрос, угрожает ли нам фашизм, следует ответить, что движение с подобными чертами уже обосновалось у нас, хотя оно неохотно пользуется именно таким названием. О его при-

сутствии в Польше многократно сигнализировали антифашистские организации, особенно, «Никогда больше» и «Открытая Речь Посполитая», но без особого эффекта. Их сообщения и заявления с трудом пробивались на полосы газет и журналов. В какой-то степени это изменилось в прошлом году: в связи с несколькими громкими акциями крайне националистических организаций с применением насилия, либеральные СМИ все же заметили, что проблема существует. Тем временем, однако, праворадикальное движение — трудно оценить, насколько консолидированное — успело укрепиться в своих кругах и уже, несомненно, будет постоянным элементом нашего политического пейзажа, так же как в ряде других стран Европейского союза. В какой мере оно представляет политическую опасность, пока ответить трудно, это требует социологических опросов, а затем подтверждения на выборах.

Сегодня уже не столько это движение должно будет приспосабливаться к статьям конституции, сколько — боюсь — конституция и кодексы должны будут приспосабливаться к нему, либо, как это уже происходит, становиться посмешищем из-за своей беспомощности.

Реалистический план на сегодня должен с этим считаться и ставить целью действия, ведущие к замедлению дальнейшего развития популистского экстремизма в Польше. На первое место в таком плане действий я поставил бы необходимость быстрого и профессионального диагноза ситуации, написанного — что и неприятно, и небезопасно — с позиции инсайдера, то есть с использованием метода наблюдающего участия. Особенно важно понять, в чем состоит тоталитарное искушение в современном мире, какие мотивы привлекают в радикальные организации молодежь из различных кругов.

На основе такого знания (пока у нас оно только интуитивное) можно будет — как я считаю — через демократические объединения и публицистику в прессе, настаивать на том, чтобы органы государства и самоуправления задействовали необходимый арсенал средств: образовательных, экономических, превентивных и, насколько это понадобится, репрессивных. Однако нужно будет согласовать — через некий консенсус демократических объединений — чего мы намерены достичь такими средствами. Полное вытеснение радикального националистического популизма из общественной жизни сегодня уже было бы нереальной целью, а стремление к этому грозило бы с нашей стороны эволюцией государства в направлении авторитарного строя.

Средства сопротивления не должны быть сильнее, чем угроза. А фашистская угроза сегодня состоит не в том, что над Польшей нависла опасность государственного переворота: любые аналогии нашей ситуации с Веймаром обманчивы либо истеричны. Пропорция сил в Европейском союзе не допускает такой возможности. Угроза состоит в том, что агрессивное присутствие радикальных организаций, даже маргинализированных, а тем более не лишенных способности к призыву и мобилизации, будет отравлять жизнь демократических республик в Европе и приводить к вырождению их институтов. Поэтому одним из политических приоритетов Польши и Евросоюза должна стать задача — остановить разрастание фашистской опухоли.

Написано в сентябре 2013 года

*Из книги Rib Riemen, **„Wieczny powrót faszyzmu"**, Universitas, Kraków 2014*

---

[1] Корнак, Мартин. Коричневая книга 1987-2009. – Варшава: Общество «Никогда больше» и «Collegium Civitas», 2009. Корнак, Мартин. Коричневая книга 2009-2010. - Варшава: Общество «Никогда больше», 2010. Корнак, Мартин, Татар, Анна (совместно). Коричневая книга 2011-2012, - Варшава: Общество «Никогда больше» (дата издания отсутствует).

[2] Кроче, Бенедетто. Кто такой «фашист»?» // Европейские фашизмы (1922-1945) глазами современников и историков: выбор текстов и введение Ежи В. Борейши, - Варшава 1979. – 299 с. См. также Панковский, Рафал. Праворадикальные популисты в Польше: патриоты, (на англ. яз.). – Лондон-Нью-Йорк 2010, с.5.

[3] Стерн, Фриц. Немецкий мир Эйнштейна: эссе об истории Германии XX века / перевод и выбор текстов Лукаш Галецкий. - Варшава 2001, с. 157.

[4] Там же, с.158.

[5] Борейша, Ежи В. Муссолини был первым… - Варшава 1979, с.66 и др.

[6] Кроче, Бенедетто. Кто такой «фашист»? с.302.

[7] Фрагмент из «Веселой науки» Ф. Ницше (приведен в русском переводе К.А. Свасьяна) – прим. пер.

[8] Газета выборча, 19.09.2013, с.5.
[9] Кокот, Михал. Полиция прикрывала фашистов // Газета выборча, 27.09.2013, с.8. Кокот, Михал. Сумерки «Золотой зари» // Газета выборча, 30.09.2013, с.11.
[10] Правый радикализм сегодня (на англ. яз.). / ред. Сабине фон Меринг и Тимоти Уаймен Маккарти, - Лондон – Нью-Йорк, 2013. Правый экстремизм в XXI веке (на англ. яз.) / ред. Питер Х. Меркл и Леонард Вайнберг. - Лондон – Портленд, 2003. Правый популизм в Европе (на англ. яз.) / ред. Рут Уодек, Маджид ХосравиНик, Бригитте Мраль. - Лондон – Нью-Йорк, 2013 и др. Благодарю профессора Эву Моравскую за помощь в сборе материала.
[11] Каспрович, Доминика. Крайне правые – нормальная «патология» демократии и ее последствия. Датский и словацкий примеры // Liberté! № XV, сентябрь-ноябрь 2013, с.131-135. Цыгане о себе и для себя: Новые проблемы и новые действия в пяти странах Центрально-Восточной Европы / ред. Эва Новицкая. – Варшава: Институт социологии Варшавского университета 2003.
[12] Ковач, Андраш. Посткоммунистические крайне правые: партия «Йоббик» в Венгрии (на англ. яз.): гл.15. / Крайне правый популизм в Европе.
[13] Тольц, Вера. Правый экстремизм в России: динамика 1990-х годов (на англ. яз.): гл. 10. / Правый экстремизм в XXI веке.
[14] Правый радикализм сегодня, цит. изд.
[15] Шире об этом: Ковальский Сергиуш и Тулли Магдалена. Вместо процесса: Отчет о языке ненависти. - Варшава 2003. См. Также: Ради толерантности: Отчет о деятельности Открытой Речи Посполитой, Объединения против антисемитизма и ксенофобии, 2007.
[16] НРЛ (польск. ONR) – «Национально-радикальный лагерь», экстремистская националистическая польская группировка, организованная 14 мая 1934 года. Прим. пер.
[17] Габриэль Нарутович (1865-1922) — первый президент Польши. Прим. пер.
[18] Обширная документация в архиве и публикациях объединения «Открытая Речь Посполитая», в особенности: Отчет 2010/11. Тетрадь 1. Нетерпимость в Польше: Хроника событий на основе мониторинга прессы. Тетрадь 3. Преступления на почве ненависти в Польше на основе изучения судебной документации, с.21 и др. - Варшава: Открытая Речь Посполитая, Объединение против антисемитизма и ксенофобии 2011.
[19] Круль, Мартин. Бессилие либералов: Либеральная мысль по отношению к конфликту и войне. - Варшава 2005, с.123.
[20] Котарбинский, Тадеуш. Радость в печали: изд.2. - Варшава 1957, с.45.
[21] Кшивец, Гжегож. Культурная война // Пшеглёнд политычны 2013, № 119, с.29.
[22] Корнак, Мартин. Коричневая книга 2011-2012, с.13.
[23] См.: У нас доля и недоля: Положение цыган в Польше / ред. Эва Новицкая. - Краков 1999. Цыгане о себе и для себя: Новые проблемы и новые действия в пяти странах Центрально-Восточной Европы.
[24] «Всепольская молодежь» – действующая в Польше с 1989 г. националистическая молодежная организация. Декларирует своей задачей воспитание молодежи в католическом и национальном духе. Прим. пер.
[25] «Национальное возрождение Польши – существующая с 1981 г. радикально-националистическая политическая партия. Прим. пер.
[26] «Blood and Honour» (англ. «Кровь и честь») — неонацистская музыкальная промоутерская сеть, основанная в 1987 году. Прим. пер.
[27] Больше об этом в «Коричневых книгах», в тетрадях «Никогда больше» (см., например, Сыска, Михал. Крайне правые партии в Центрально-Восточной Европе // Никогда больше, № 18, с.53 и др.). Также Панковский, Р. Радикально-правые популисты в Польше: патриоты.

Константы А. Еленский

Перевод Сергея Политыко

АПОКАЛИПСИС И ПЕРСПЕКТИВА

1.

Мы сегодня живем в наводнении пророчеств. Ежедневная газета, журнал, календарь, гадалка, полицейский, знакомый — отовсюду мы можем почерпнуть информацию, будет война или нет, погибнем ли от взрыва атомной бомбы, будет ли Европа занята Красной Армией. Это атмосферу гадательности передает Т.С. Элиот в одном из своих «Квартетов»:

...Гороскопы, гаруспики, дактилоскопы,
Созерцанье хрустального шара,
Диагноз по почерку, хиромантия,
Знаменья в чаинках, кофейная гуща,
Повальный психоанализ, пухлые сонники,
Пентаграммы, бум веронала,
Загробные вести, изучение чрева,
Ждем конца света, — все это вместе
Обычные игры и дурь, и газетная болтовня;
Это будет всегда, и тем более,
Во времена катаклизмов и смут,
Будь то в Азии или же на Эджвер-Роуд.
(Перевод С. Степанова)

Предсказания, порожденные в сегодняшнем «смятенье наций», касаются в основном относительно близкого будущего. Европа предчувствует приближающийся конец. Кассандра вещает о катаклизме. Именно в этом, как точно заметил Павел Хостовец в своем прекрасном «Эссе для Кассандры», состоит трагическая роль пророка в «республике».

Существует, однако, и другой род предвиденья, который я бы назвал образом будущего. Пророк чувствует, что стоит у края цивилизации, что приближается конец его «мира». Он видит всадников Апокалипсиса и слышит грохот срываемых печатей. Или — как Вергилиева Сивилла — предсказывает основание Рима последним беглецом из Трои.

2.

Образ будущего появляется либо как законченная, решительная, детерминистская (все равно: будь то утопия или апокалипсис) картина, либо же имеет циклический характер, в соответствии со взглядом, что история не имеет ни начала, ни конца.

Молодое поколение европейцев вскармливали и до сих пор кормят образами, которые принадлежат к первой категории. Я в двенадцать или тринадцать лет плакал над немецким романом (не помню ни названия, ни автора), описывающим мир в 2000 году как жуткий муравейник, в котором люди — рабы с номерами вместо имен и фамилий — механически выполняют назначенную им работу. «Прекрасный новый мир» Хаксли, «Два конца света» Слонимского, «Новая Грета» Грейвса, «1984» Оруэлла — я называю наугад хорошие и слабые, серьезные и шутливые романы, и все они рисуют ужасную картину статистического, механически урегулированного мира, в котором нет ни надежды на перемены, ни места для человека. Пессимистическое ясновидение — это не исключительная прерогатива романистов. Экономист Джеймс Бернхем наиболее, пожалуй, логично предсказывает будущее в форме мира, управляемого менеджерами.

Такие картины мира выходят за пределы нашей цивилизации — предсказывают конец человечества. Это советско-гитлеровски-научная абстракция современного мира. Элементы абстракции нам известны. Они существовали или существуют в гитлеровской Германии, в коммунистической России, в механизированной Америке, в лабораториях ученых. Специализация, агломерация крупной промышленности, современные методы пропаганды, пресса, кино, социальная инженерия, жуткие достижения техники — можно бы перечислять без конца те элементы, которые, по мнению современных пророков, обеспечивают утопию или апокалипсис, в зависимости от чего смотрят на будущее либо с сухим и глупым оптимизмом техников, как Уэллс, либо, как Хаксли, ожидают убийства механизацией свободы и поэзии.

Этим миром будущего должен безраздельно править либо какой-то таинственный совет мудрецов-техников — разновидность комбинации менеджера с ученым, либо сатанинская камарилья, единственный мотив которой — жажда власти. Абстрактное общество, близкое к платоновской Республике, чудовищное совершенство которого гарантирует ему вечное существование.

Каждый век тиражирует таких пророков, каких заслуживает. Все эти книги — это кошмарные сны больного современного человека, подобно тому как «золотой век» Суинберна или Морриса был сновидческим мечтанием людей, которые жили в период прогресса и свободы.

Впрочем, два наиболее динамичных мировоззрения, которые сталкиваются друг с другом в современном мире, — католицизм и коммунизм — также содержат в себе детерминистское видение конца истории, если не конца света. Исторический материализм, которой выдает себя за философию истории, это, по самой большой мере, комментарий к фрагменту истории человечества. Первобытный строй, племенной, феодализм, капитализм, революция, диктатура пролетариата — до сих пор все в порядке, если кому угодно. Но утопия, золотой век — этот финал сказочки для детей, где бесклассовые общество «живет вечно счастливо», — это уже не история. История имеет начало в сознании рода людского, но не имеет конца. Это как поток, который вечно течет, шлифуя лежащую на дне гальку — наши жизни.

С католицизмом дело обстоит несколько сложнее. Уважение к индивидууму и признание свободы воли ведут к тому, что исторический детерминизм католицизма проявляется на полуметафизическом уровне, — и трудно решить, сколько здесь общего с историей. Тем не менее каждый католик должен верить, что когда-нибудь, перед «концом света», будет один пастырь и одно стадо.

Заметим в скобках: здесь кроется удивительный парадокс. Как Ватикан, так и Москва уверены в своей окончательной победе. Как бы ни развивались события, независимо от политики Сталина или действий Папы, первый знает, что должна наступить земная утопия, второй же — что в последней главе Панкратий провозгласит: «Galilee vicisti!» Кроме того, наиболее универсально активные центры — это Ватикан и Кремль.

Эта детерминистская позиция, это ожидание земного либо полумистического миллениума — сегодня глубоко укоренилось в подсознании каждого европейца. Европеец чувствует, что силы, над которыми он не властен, толкают нашу цивилизацию в пропасть. В пропасть, из которой нет возврата, — в утопию либо в апокалипсис.

Трудно, впрочем, оценить, насколько буквально эти апокалипсические картины трактуются самими пророками. Сегодняшний политический публицист, романист или поэт оперирует, по всей вероятности, своеобразными метафорами, в которых атомная энергия, совет мудрецов, искусственное оплодотворение соответствуют крылатым львам и остановившимся солнцам из пророчеств Даниила или Иезекииля. В любом случае либерал и гуманист не может безоговорочно поддаться суггестии этих картин, в которых научная, экономическая или метафизическая абстракция исключает веру в человека, в его инстинктивную, вечно возрождающуюся приверженность свободе. Свободный выбор и поступок, выбор между одним поступком и другим — вот позиция либерала, которая удерживает его внутри рамок собственной цивилизации и тем составляет ее защиту. И поэтому для либерала отрыто только одно окно в будущее — окно истории.

3.

История не знает ни утопии, ни апокалипсиса. Принцип истории — это непрерывность. Цикличная непрерывность движения колеса или постоянная, текучая непрерывность вод потока, когда стреми-

тельного, когда ленивого — это уже вопрос интерпретации истории. История — это не абстрактная наука, из которой можно извлечь безошибочные правила. Я думаю, что нет области более конкретной, с материалом в той же степени «единственным», как единственна и неповторима человеческая жизнь.

Возможно, однако, стоило бы обратить внимание на отношение историков к гибели прошлых цивилизаций, чтобы с определенной перспективы суметь взглянуть на возможную гибель нашей собственной.

В качестве эпиграфа для этих рассуждений я возьму четвертую эклогу Вергилия:

Вот, воцаряется век последний из песни Сивиллы;
Наново нам сочтена череда несравненных столетий.
Время пришествию Девы, возврату царства Сатурна;
Ныне иное с небес нисходит к нам поколенье.
<...>
Новый Тифий сядет к кормилу нового «Арго»
Избранных мчать героев, новые вспыхнут войны,
Снова великий Ахилл будет послан к троянским стенам.
(Перевод А. Цветкова)

Удивительно волнующа для меня эта весть, дошедшая через две тысячи лет, что «воцаряется век последний», что новые аргонавты снова отправятся в прославленное на века путешествие, а «великий Ахилл» вновь когда-нибудь окажется под стенами Трои.

Для античных историков проблема бренности была понятной и естественной (хотя они, конечно, не рассматривали вопроса бренности цивилизации). Фукидид и Тацит — это трагическая и пессимистическая интерпретация истории. Ходом истории, в их понимании, управляло слепое божество — классическая Фортуна. Каждому человеку и каждому государству отведен свой час. Гений и добродетель могут реализовать все возможности этого счастливого момента, но никакая людская сила не в состоянии продлить его и задержать колесо Фортуны. В таком понимании есть глубокий пессимизм, но также элемент стоического отречения. Печаль, происходящая из уверенности, что Афины не могут существовать вечно, уравновешена, возможно, сознанием, что когда-нибудь должна исчезнуть также и персидская тирания.

Эту мысль в свое время повторит в короткой эпиграмме Вольтер, размышляя над гибелью римской империи: *«Cet empire est tombé parce qu'il existait. Il faut bien que tout tombe»*.

В нынешний момент именно гибель Рима имеет для нас особое звучание. Я помню, как десять лет назад в шотландском сельском доме первый раз углубился в «History of the Decline and Fall of the Roman Empire» Эдуарда Гиббона, как понемногу начало действовать на меня обаяние длинных цветистых фраз, из которых этот придворный Августа, родившийся в XVIII веке, строит свой плач по гибели империи. Конец XVIII века был, с многих точек зрения и в значительной мере, репликой золотого века Августа. Скептицизм, эпикурейство, литературная культура, изысканность жизни и уверенное существование, принципиальное отсутствие сомнений в смысле жизни, своей собственной и жизни мира, объединяет этих людей двух эпох, которые во всем ином сомневались. И поэтому Гиббон пишет свою историю так, словно бы он изнутри смотрит на события — возможно, в большей мере глазами Горация, нежели Вергилия. То, что для стольких христиан является чудом — победа слабости над силой, духа над материей — для Гиббона это обычное развитие дел человеческих, в котором легковерность и энтузиазм толпы вкупе с экономическими и военными обстоятельствами эпохи разрушают великую и достойную восхищения цивилизацию. Гиббон считает Церковь и варваров раковой опухолью, гложущей классическую цивилизацию, ослабленную войнами с Ганнибалом. И поэтому «История упадка и разрушения Великой Римской империи», несмотря на то, что Гиббон довел ее даже до взятия Константинополя турками, — это собственно история исключительно распада, а не строительства. Для Гиббона история христианской империи и нашей цивилизации, которая вместе

с нею возникла, — это история тени и иллюзий. Тени от растрескавшейся античной колоны. Гиббон заламывает руки над концом одной цивилизации — и не хочет признать возникновения следующей, породившей его самого.

Иной характер, чем труд Гиббона, имеет «A Study of History» профессора Арнольда Тойнби. Первое — это «история», второе — собственно «философия истории». Вся мощь эрудиции, вся добросовестность исследователя, вся интуиция гениального историка послужили этому убедительному анализу возникновения, развития и гибели всех предыдущих цивилизаций. Во всех действовали одни и те же элементы, везде Тойнби сумел указать аналогичный пример. Но Тойнби — верующий христианин, и поэтому он считает, что двадцать цивилизаций рухнуло, а наша может устоять. История, которая пишется с верой, уже содержащей в себе (так же, как и исторический материализм) последнюю главу истории человечества, — это не история.

4.

Когда я писал об образах будущего, я сравнил ту их разновидность, которая, по моему убеждению, отвечает историческому мышлению, с видением вергилиевской Сивиллы, предсказывающей основание Рима Энеем.

Я бы хотел далее разъяснить цель данного краткого эссе, обратившись к лекции, прочитанной Гайдом в Оксфорде в 1947 году. Гайд цитировал вступление к «Энеиде», в котором Вергилий описывает побег Энея из пылающей Трои с престарелым отцом Анхисом на плечах. По мнению Гайда, это вступление обладает глубоким символическим значением: Эней нес на себе не только своего отца, но также всю тяжесть прошлого и традиции. Таким же образом, говорил Гайд, мы сейчас убегаем из горящего города нашей цивилизации, с тяжестью нашего христианского прошлого на плечах, христианской цивилизации, основанной на уважении к личности.

Возможно, помимо прочего, именно поэтому «Энеида» — величайшая «классическая» поэма: из-за этого сопряжения Трои и Рима, Гомера и Вергилия, который ведь, в свою очередь, будет проводником Данте по загробному миру.

Я глубоко уверен, что каждый человек — это продукт цивилизации, в которой он родился, и что эта цивилизация является замкнутым миром: мы не можем ее покинуть, не можем правильно понять другие цивилизации, поскольку, даже допуская, что можно овладеть историей, литературой, понятиями цивилизации, отличной от нашей, нам всегда будет недоставать эмоциональных, подсознательных реакций, которые могут быть выработаны только многими поколениями. Хотя бы поэтому защита нашей цивилизации в самых ее принципиальных аспектах — это не только предмет морального выбора, но и единственная позиция, которую мы можем занять, вовлекая в это всю полноту нашего бытия.

И поэтому рассуждения, наступит ли после краха нашей цивилизации вечная ночь или все же возникнет новая цивилизация, в которой стремления человека к свободе снова найдет выражение (какое бы то ни было), имеют чисто теоретическое значение.

Но все же, пусть нам кажется болезненной мысль, что наша цивилизация может не быть вечной и что на ее место придет, возможно, новая, начавшаяся не возле Средиземного моря, а на Миссисипи или на отрогах Урала, — образ Энея, который из пылающей Трои выносит старого отца, более соответствует вере в ценность и значение человека, чем образ врат с надписью: «Lasciate ogni speranza…»

Эва Седлецкая

ЖЕЛЕЗНЫЙ МУЖИК

Сегодня это самый известный польский политик в мире. О том, что он стал президентом Слупска, сообщалось даже в Индии. Гей стал мэром! Правда, небольшого города, но знакомые говорят, что на этом он не остановится.

— Через несколько лет он вернется лидером новой левой партии. А потом — возможно, президентом, — предполагает Адам Боднар, вицепредседатель Хельсинского Фонда по правам человека. И добавляет, что в Совете Европы жалеют о том, что он уходит:

— Кто-то из Польши, с кем можно нормально работать, кто выполняет обязательства, основательно подготовлен, хорошо говорит по-английски и обладает высокой внутренней культурой, — это редкость.

— Я не гей, попавший в политику. Я политик, — говорит Роберт Бедронь. Но некоторые — в том числе и представители ЛГБТ — утверждают, что он раскрутил себя именно на гомосексуализме, что он не сделал бы карьеры, если бы не его ориентация.

— Напротив, если бы не его ориентация, то он был бы уже значительно дальше, чем теперь. Это необыкновенно эффективный политик. А если гомосексуализм способствует карьере, то почему в политике так мало открытых лесбиянок и геев? — спрашивает Мариуш Курц, главный редактор журнала «Реплика», издаваемого «Кампанией против гомофобии», которую основал Бедронь.

Но другие политики-гомосексуалисты появились как раз сейчас, во время нынешних выборов в органы местного самоуправления.

— Роберт как таран: он своей головой пробивает очередные стеклянные потолки, пролагая дорогу для других. Его миссия и предназначение в том, чтобы способствовать общественным переменам, — говорит Кшиштоф Смишек, партнер Бедроня.

Непробиваемая божья коровка

— Я выбирала президента, а не того, с кем я буду спать, — ответила жительница Слупска, на вопрос журналиста, не мешает ли ей сексуальная ориентация Бедроня. Это аргумент в пользу его эффективности: он добился того, что гомосексуализм стал всего лишь одной из черт человека, а не тем, что его определяет.

Бедронь сам был поражен своим результатом. Он не рассчитывал на место президента Слупска, но вступил в борьбу за него так же, как обычно: работал по 20 часов в сутки, основательно готовился, улыбался, выходил к людям. Ну и получилось как всегда: он победил.

Сейчас с него снимают мерки для горностаевой мантию, так как в Слупске есть традиция: мэр принимает торжественную присягу в мантии. А поскольку предыдущий мэр был в два раза крупнее, то придется сшить новую.

Все, кто знает Бедроня, говорят, что в работе он титан. У него стальные нервы и железная психика. Журнал «Реплика» опубликовал интервью с ним, приуроченное к десятилетию «Кампании против гомофобии», озаглавив его, обыгрывая фамилию политика, «Непробиваемая божья коровка»*.

Он железный малый, хотя и не кажется таким. Для многих он, скорее, символ жертвы: будучи «дежурным геем III Республики» он притягивает к себе всю ненависть по отношению к геям. Эту роль он взял на себя сознательно. И отражает гомофобию, как зеркало. Он не принимает агрессии на свой счет, а гомофобов, отражая их нападки, рано или поздно изменит. Впрочем, возможно, раньше изменится закон. В Сейме лежит его проект, выдвигающий требования, чтобы другие меньшинства, в том числе ЛГБТ-сообщество, так же охранялись от проявлений агрессии, как национальные или этнические меньшинства.

Что скажут соседи?

Он родился 38 лет назад в Рыманове. Случайно, поскольку его мама была там проездом. А воспитывался в Бещадах — в Кросно. У него даже есть лицензия горного гида.

Роберт поступил в гостиничный техникум в Устшиках-Дольных, так как там преподавали три языка: французский, русский и английский, а у него к языкам были способности. Он самостоятельно изучал эсперанто, а затем итальянский.

Когда в средней школе он обнаружил, что ему нравятся не девочки, а мальчики, он пережил шок. Стал постепенно искать информацию в городской библиотеке и выяснил, что это нарушение и отставание в развитии. Ксендз на уроках религии говорил, что это грех, в учебниках биологии говорилось об этом как об отклонениях. И было полное одиночество, ибо где найти еще одного гея в Кросно или Устшиках-Дольных? А интернета не было.

Вдобавок он безответно влюбился в товарища. Помышлял о самоубийстве. Пошел к психологу. Там он услышал, что «это пройдет». Но не прошло.

— Я понял, что просто я такой, и мне надо жить в согласии с собой, — говорит Бедронь.

Он всегда отстаивает право оставаться собой. Так что другим должно это понравиться.

— Я не буду казаться кем-то, кем не являюсь, — слышат в ответ те, кто указывает ему, что он, как публичный человек, не должен делать того-то и того-то. Например, участвовать в программе «Киллерское караоке» на ESKA TV, где он пел песню Бритни Спирс «Oops! I Did It Again» и ходил босиком по запачканным пеленкам.

Это было сразу после того, как он стал депутатом. Он принял также участие — вместе с Анджеем Розенеком — в выступлении кабаре «Сатирическая группа «Эпидиаскоп»», в которой делали «папские реликвии» из потрохов. Шутка в стиле «Летающего цирка Монти Пайтона», но некоторые посчитали, что депутату, пусть даже антиклерикальной партии, подобным заниматься не стоит.

— Он никогда в том не признается, но он принимает близко к сердцу критические замечания. Хотя от них у него не опускаются руки. Все взвесит, поразмыслит и, если посчитает нужным, учтет их, — говорит Кшиштоф Смишек.

Ну и конечно, в Сейм он вошел в свитере, с характерным хохолком на голове. Сейчас волосы он причесал, надел костюм.

---

* Фамилия Бедронь созвучна польскому слову «бедронка» — божья коровка. Прим. пер.

— Политика, общественные дела привлекали меня всегда. Уже в начальной школе мне пророчили, что я буду журналистом или политиком. Все интересовались музыкой, модой, спортом, а я читал газеты. Бунтовал против несправедливых учителей, выпускал школьную газету. Во дворе я всегда был главарем банды. В средней школе я жил в интернате и был там лидером. Я всегда был тем, кого надо было слушать, — говорит Бедронь.

Он хотел поступать на итальянскую филологию, поскольку любит Италию, но его отговорили, сказав, что это ни к чему, что ему надо идти на политологию, так как его стихия — политика. И он поступил на политологию в Ольштыне, так как только там надо было сдавать не историю, а обществознание, которое он знал как свои пять пальцев.

Там он нашел филиал объединения «Лямбда Варшава».

— Мама узнала о моей ориентации от парня, который влюбился в меня во время экзаменов, названивал ей, говоря, что ему надо со мной встретиться. Был, конечно, скандал: мол, зачем я ей это делаю, мол, я умру от СПИДа, буду одиноким в старости, у меня не будет детей. А самое главное: что скажут соседи? И чтобы я никому об этом не говорил. Отец никак не реагировал, пока мама не потребовала: «Ну скажи же ему, сделай хоть что-нибудь!». А отец промолчал, просто принял меня. И мы никогда больше об этом не разговаривали.

Гей в трамвае

Роберт Бедронь открыто объявил о своей ориентации сразу же, в самом начале университетской учебы. Стал гей-активистом, хотя ольштынский филиал «Лямбды» был, скорее, товарищеским кружком, чем неправительственной организацией, вступил в партию Социал-демократия Республики Польша (ныне Союз левых демократов).

— Я родом из семьи, в которой общественные вопросы были важны. Мама состояла в «Солидарности», отец — в Польской объединенной рабочей партии. И они спорили, а во времена Польской Народной Республики мама приносила домой запрещенную литературу. Оба они были левыми, и отсюда, вероятно, и мои левые взгляды. Ну и я жаждал деятельности, а Социал-демократия Республики Польша — это была единственная левая партия.

Еще во время учебы в университете я стал в СМИ «дежурным геем». Я был, пожалуй, единственным — за исключением Иги Костшевой из «Лямбды Варшава», — кто показывал лицо и выступал под своим именем.

— Это было, наверное, в 1998 году. Я жил тогда еще в Колюшках и увидел Бедроня в каком-то ток-шоу ТВН, — рассказывает Мариуш Курц. — Когда я увидел поляка, который выступает на телевидении под своим именем, не скрывает лица и открыто говорит, что он гей, я не мог в это поверить. У меня был полнейший шок. Его лицо мне так врезалось в память, что когда я приехал в Варшаву, то узнал его в трамвае. И снова шок: я не мог поверить, что этот гей из телевизора как ни в чем ни бывало едет с тобой в одном трамвае, люди его видят, и никто к нему не пристает! Я не отважился к нему подойти, так как для меня это было бы все равно что признаться всему трамваю, что я гей. Когда он вышел, я шел за ним какое-то время, не осознавая сам, зачем я это делаю. Я был совершенно ошарашен тем, что он преспокойно ходит по улице.

По окончании обучения Бедронь уехал на год в Лондон. Там он работал в радикальной — даже по британским меркам — организации «OutRage!». Вернулся с большим желанием работать. А здесь негде. «Лямбда» была организацией, ориентированной на помощь представителям ЛГБТ, а он хотел выйти за эти рамки. Ему нужна была политическая организация. Он дал объявление в гей-газету, что ищет людей.

Так возникла «Кампания против гомофобии».

Бартош Журавецкий, писатель, фельетонист журнала «Реплика» говорит: «Я был первым человеком, кто отозвался на его объявление. Мы встретились с ним в кафешке около станции метро Служев. Организация была «против гомофобии», так как это была тогда самая важная проблема. Тогда не думали о союзах, о законах. А гомофобия была весьма популярна в языке политических и общественных дискуссий, а также в СМИ».

Курц: «Он хотел поменять: не только геев и лесбиянок, но и Польшу. На тот момент это было революционная мысль».

— Я был сумасшедшим. После опыта работы в Британии я считал, что нужно разоблачить публичных людей, которые являются геями, но исповедуют гомофобские взгляды, — вспоминает Бедронь. Но я не делал этого.

Журавецкий: «Он обладал здоровым рассудком: стремится действовать, но чтобы не получилось смешно, глупо, чтобы не вышло пустого скандала».

Конечно, он сумел почувствовать границы: в 2004 году «Кампания» отказалась от проведения «Парада равноправия» в Кракове, потому что должно было пройти две недели после смерти Папы.

Части группы ЛГБТ это решение не нравилось. В том числе и людям из «Кампании».

Начиная свою предвыборную кампанию мэра Слупска, Бедронь пообещал, что не будет снимать с ратуши крестов, не поставит в Слупске радуги.

— Я не буду блюстителем нравственности, — говорит он. Это громкая фраза, но она показывает философию, в которую Бедронь искренно верит: толерантность, диалог, участие вместо безучастности.

А начало «Кампании» было провальным: пресс-конференция, презентующая открытие организации, состоялась 11 сентября 2001 г. — как раз в день теракта в Нью-Йорке.

Полный провал!

Несколько месяцев спустя из «Кампании» вышли несколько соучредителей, в том числе Журавецкий.

— Роберт тянул одеяло на себя, мы видели, что все это движется в сторону несколько авторитарной организации. А может это были наше задетое самолюбие? Мы думали о чем-то вроде возникшей потом «Политической критики». С интеллектуальными дискуссиями. А Роберт не был интеллектуалом, его дебаты на такой уровень не тянули. Он хотел действовать, а не разглагольствовать.

«Кампанию» он развернул с психологом Мартой Абрамович. Она занималась организацией, территориальной структурой, финансами. А он был лицом организации.

Мариуш Курц: «Он сделал тему ЛГБТ центральной в публичных спорах. Уже само то, что он открыто показывал лицо, поднимало его до космических высот в сравнении с остальными представителями меньшинства».

«Кампания против гомофобии» получала дотации Евросоюза, пока к власти не пришла партия «Право и Справедливость», именно тогда министр образования Роман Гертых внес ее в черный список организаций, которым деньги Евросоюза выдаваться не будут. От тогдашнего мэра Леха Качинского «Кампания» получила только дотацию на программу профилактики ВИЧ и СПИДа.

— Первый адрес «Кампании» был у нас дома. Приходило Агентство внутренней безопасности и искало мифического гея-террориста, который подложил в варшавском метро муляжи бомб. А депутат партии «Лига польских семей» Войцех Вежейский слал уведомления в прокуратуру, что организации ЛГБТ торгуют наркотиками, — вспоминает Кшиштоф Смишек.

IV Республика укрепила «Кампанию против гомофобии», доказав людям, что гомофобия, безусловно, существует и является элементом идеологии, враждебной не только для геев. Сегодня «Кампания» — это одна из главнейших организаций ЛГБТ. И обходится без Бедроня, что свидетельствует о том, что он заложил прочное основание.

Пусть нас увидят

Бедронь умеет себя продать. Может, ему помогает опыт работы в рекламе? Сначала в Кросно, потом в Варшаве, куда он переехал в 2000 г. со своим тогдашним партнером. Он попал в фирму, которой руководила белоруска польского происхождения Людмила Снежко и голандец. Для них вопрос эмансипации лиц из ЛГБТ-сообщества был чем-то самим собой разумеющимся.

— Я получил постоянную работу, хорошую зарплату, а самое главное — меня поддерживали при разворачивании «Кампании»: давали отпуск, отгулы, даже ездили со мной на первые выставки в рамках нашей акции «Пусть нас увидят», — рассказывает Бедронь.

Акция произвела фурор. Впервые на билбордах лесбийские и гомосексуальные пары показали лица. До этого в галереях и на билбордах не было места для показа такого неприличного содержания, как двое мужчин, держащиеся за руки.

Людмила Снежко: «В нашу фирму приезжали брать у Роберта интервью. Я шутила, что могу быть его пресс-секретарем. Я приняла участие с Робертом в кулинарной программе, и какая-то газета напечатала нашу с ним фотографию, потому что хотела показать «подругу гея»».

По мнению Людмилы, самый большой талант Бедроня состоит в умении устанавливать контакты: «Он любит разговаривать, слушать. Именно это он делал во время предвыборной кампании в Слупске: он вышел к людям. Кроме того, он искренен, порядочен, лоялен».

В Союзе демократических левых сил он карьеры не сделал. Один раз баллотировался в Сейм, два раза в самоуправление, но в списках для голосования ему давали слишком низкие места, чтобы можно было выиграть. В большую политику он вошел только в 2011 г. от партии «Движение Паликота».

Кшиштоф Смишек: «За два месяца до выборов у Паликота было 2 %. Я говорю: «Роберт, это бессмысленно, лучше иди к «Союзу демократических левых сил», у них 10%». А он: «Что-то из этого получится, я чувствую». И был прав! Он очень упорный и доверяет своей интуиции. Чаще всего она его не подводит».

Носки

На его депутатском сайте висит лозунг: «Равенство, свобода, прогресс, работа». «Равенство» — это равные шансы и общественная солидарность. Условием «свободы» является социальная безопасность. «Прогресс» — это увеличение благосостояния. А «работа» — для каждого и за достойную плату. Ни слова о правах представителей ЛГБТ-сообщества: равенство, свобода, прогресс и работа должны быть попросту для всех.

Кшиштоф Смишек: «Он показал, что гей в политике — это не только гей, но и активный общественник».

В интервью он сетует на «политический театр», но сам принимает в нем участие. И успешно, раз стал одним из не только популярнейших, но и наиболее рейтинговых депутатов.

От политического театра он отдыхал, совершая поездки на депутатские дежурства. Каждую неделю.

Кшиштоф Смишек: «Как-то он вернулся подавленный из одной поморской деревни, где на 500 жителей одни только старики и дети, потому что молодежь уезжает на заработки в Лондон. Все мужчины — алкоголики. Он организовал для них пакеты с едой, покупал людям носки, поскольку видел, что те ходят в рваных».

Не очень мужественный, голубоватый

Это парадоксально, но больше всего критики Роберт Бедронь получает от представителей ЛГБТ. Некоторые люди из этого сообщества считают, что он является их представителем в мире, поэтому должен вести себя так, как они считают нужным. Что он не должен постоянно улыбаться, отпускать шутки с сексуальным подтекстом — несмотря на то, что другие политики это делают. Потому что гею позволено меньше.

Кристиан Легерский: «В интернет-форумах на него набрасываются за то, что он воплощает негативный стереотип гея: не слишком мужествен, голубоват. Это показывает, что наше меньшинство страдает гомофобией: оно перенимает гетересексуальные стереотипы «мужественного мужчины» и «женственной женщины». Выбор Роберта на должность мэра Слупска показывает, что гетеросексуальные поляки такого рода гомофобию не разделяют. Что они готовы принять Роберта таким, какой он есть. И в этом они намного более толерантны, чем эта часть нашего меньшинства».

Мариуш Курц: «Считается, что тот, кто нас представляет, должен быть святее Папы и мужественнее Джорджа Клуни. Никто с этим не справится. Да и зачем? Геи разные, как и гетеросексуалы. Роберт любит шутить, по-прежнему улыбается, благодаря чему создает впечатление человека лег-

комысленного и поверхностного. Но это лишь видимость, способ защиты. Роберт очень дельный. И никто не умеет вкалывать так, как он».

Бартош Журавецкий: «Его ненавидят те, кто скрывает свою ориентацию. Они считают, что он «рисуется». Но на протяжении 10–15 лет не нашлось среди этого меньшинства никого, кто был бы столь же эффективен в общественной, политической и медийной сфере. Существует мнение, что он звездится, что мелькает на телевидении. Да, он хочет сделать карьеру, но его личные цели, его «эго» никогда не заслоняли дела, во имя которого он работал. Он не карьерист. Хотя популярность и доставляет ему удовольствие. Я помню, как он выиграл несколько лет назад интернет-голосование на самого красивого гея и ужасно этим хвастался».

Кшиштоф Смишек: «У него ощущение, что он вошел с определенным грузом ожиданий меньшинства. Он чувствовал, что все смотрят, не опозорится ли он. Поэтому он как сумасшедший готовился ко всякого рода депутатским выступлениям, изучал темы, искал аргументы, которые хорошо прозвучат с трибуны и подействуют на людей».

«Непробиваемая божья коровка» стоически выдерживает нападки.

Мариуш Курц: «Я никогда не видел его сломленным, поверженным. У него случаются неприятности — но он идет дальше. У него есть цель — и он движется к ней».

Кшиштоф Смишек: «Он плакал два раза: когда умер его отец и когда погибла в Смоленске Изабела Яруга-Новацкая, с которой он работал, когда та была уполномоченной правительства по вопросам равенства. Но его не трогают личные нападки. Хотя его задел гогот, раздавшийся во время его первого выступления в Сейме, когда он, отражая нападки на Ванду Новицкую, сказал об «ударах ниже пояса». Но дело было не столько в нем, сколько в том, что депутаты выказали свою гомофобию: педераст взошел на трибуну, значит, будет забавно».

Замечание об «ударах ниже пояса», произнесенное депутатом-гетеросексуалом, не вызвало бы никаких ассоциаций. Совсем иное депутат-гомосексуалист. Юлия Питера из партии «Гражданская платформа» говорила потом, что у нее Бедронь ассоциируется только с выступлениями, касающимися сексуальности.

Известное дело: гомоСЕКСУАЛЬНОСТИ. Как-то гетероСЕКСУАЛЬНОСТЬ с сексуальностью у людей не ассоциируется.

Иногда я ощущал себя дураком

Бедронь вошел в десятку лучших депутатов этой каденции Сейма, согласно анкетированию еженедельника «Политика», проводимого среди 30 политических журналистов.

Он не был депутатом по делам ЛГБТ: этот тематики, прямо или косвенно, касалось только 14 из 109 его интерпелляций. Он занимался правами человека, в особенности вопросом равноправия женщин и мужчин, заграничной политикой, а также охраной животных — в частности, он выступал против проекта правительства о возвращении ритуального убоя скота в Польше.

Роберт Бедронь принимал участие в работе свыше 20 подкомиссий Сейма.

Боднар: «Как депутат Комиссии по иностранным делам, он добился организации подкомиссии по делам исполнения приговоров Страсбургского суда — и наконец правительство почувствовало себя обязанным информировать население по этому вопросу. Во время выступления кандидатов в судьи в Страсбургский Трибунал он был практически единственным, кто задавал вопросы. Так же было недавно во время выступления кандидата в депутаты в Азербайджане. Он задал вопросы, которые показали, что кандидат не имеет ясного представления о плачевной ситуации в этом государстве в сфере прав человека. Бедронь занимался этой темой уже в течение двух лет на форуме Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Он принимал участие в дискуссии во время каждого форума Ассамблеи, и его выступления были действительно сильными, основательными и запоминающимися».

— Как Гофман или Каминский являются отрицательными примерами того, чем может заниматься польский депутат в рамках форума Совета Европы, точно так же Роберт Бедронь является положительным примером. Пока эти депутаты развлекались в Мадриде, Бедронь презентовал на

форуме Парламентской Ассамблеи польскую систему исполнения приговоров Страсбургского суда, — добавляет Боднар.

— Иногда я ощущал себя дураком, когда депутаты, причем не только из «Права и Справедливости», явились под конец сессии Ассамблеи с бутылками вина и рассказывали, как они развлекались, объезжая винницы Эльзаса. Но я не жалею, я не впустую провел время, — говорит Бедронь.

Все смотрят на гея

Он променял варшавские и европейские салоны на ратушу в Слупске. И посольскую зарплату на вдвое меньшую мэрскую. Это, наверное, логично для политика из левой партии, но все же это отважное решение.

И в первую очередь для его союза с Кшиштофом Смишеком. Они вместе 12 лет, и этот союз для него самый важный. Кшиштоф — юрист, эксперт по вопросу равноправия, по которому сейчас защищает кандидатскую диссертацию в Варшавском университете. В Варшаве он вместе с Каролиной Кендзёрой является главой «Польского объединения антидискриминационного закона».

— Я не знаю, перееду ли жить в Слупск, — говорит Смишек. — Но с 14 декабря я должен прибыть из Варшавы в Гдыню. А из Гдыни до Слупска всего полтора часа езды… Но мы уже через это прошли, когда я жил два года в Брюсселе. Наша связь тогда только укрепилась. Мы очень друг другу доверяем. У каждого из нас своя профессиональная жизнь и даже свой круг общения: у меня — свои знакомые, у него — свои. Слупск — это было наше общее решение, и я тоже чувствую себя ответственным за этот город. И тоже буду стараться что-то делать. Для начала соберу деньги и вещи для малоимущих, в том числе для тамошнего Центра кризисной интервенции. На всю деятельность у этого центра всего 80 тыс. злотых в год. На мой призыв откликнулись многие знакомые — из Польши, из Бельгии, — говоря, что очень рады, что охотно сделают что-нибудь для Слупска. Роберту позвонила Агнешка Холланд и сказала, что готова помочь в организации культурных мероприятий. У Роберта талант Мидаса: к чему бы он ни прикоснулся, все превращается в золото.

Сейчас у него журналисты со всего мира, интервью, торжества. Но журналисты уедут, торжества закончатся. Останется погрязший в долгах провинциальный город. Мэр Роберт Бедронь собирается это изменить, что было девизом его избирательной кампании, но только один человек из его комитета вошел в Совет города. Совет уже отклонил его кандидатуру на должность вице-шефа.

Кшиштоф Смишек: «Он справится, так как умеет решать проблемы мирным путем. И хорошо переносит скандалы. Он не поддается эмоциям: выжидает, дает конфликту отшуметь, не принимая ни одну из сторон. И в конце концов предлагает компромиссное решение — и так достигает своей цели».

Все смотрят, справится ли «гей» со своей задачей. Потому что если не справится гетеросексуал, то это нормально. А гей должен стараться в три раза больше.

gazeta WYBORCZA

Эдвин Бендык

СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ БЕДНОСТИ

В новейшем докладе Фонда Бертельсманна «Социальная справедливость в Европейском союзе» констатируется, что за последние годы в Польше проявилась высокая чувствительность общества, при этом значительно снизился уровень бедности, неравенства и дискриминации. Неужели за время работы правительства Дональда Туска Польша превратилась в страну закона и справедливости?

Еще три года тому назад, в предыдущем докладе, над которым Фонд Бертельсманна работал с 2008 года, Польша представала страной дикого капитализма, располагаясь по шкале социальной справедливости в самом конце европейского сравнительного списка. Из новейшего доклада Фонда следует, что наша страна переместилась в середину основной группы участников, заняв 16 место. Позиция эта по-прежнему не вызывает восторга, особенно если учесть, что Чехия находится на пятом месте и что в первую десятку вошли также Словения и Эстония, то есть те страны, которые, как и Польша, успешно строят капитализм на развалинах социализма. Правда, они при этом находятся в самом начале этого списка, а в Польше дела стали поправляться только с приходом правительства Туска, и данный факт авторы доклада подчеркивают, называя вещи своими именами. Этим подтверждается диагноз Яцека Жаковского (см. «Политика» № 38) о том, что премьер начинал как либерал, а закончил как социал-демократ, устыдив тем самым мастера мужских завершений Лешека Миллера*.

Авторы доклада измеряют уровень социальной справедливости с помощью индекса, который выводится в результате измерения 35 долей, с помощью таких измерений определяется ситуация по шести направлениям: предотвращение обнищания, равный доступ к образованию, рынок труда, сплоченность общества и отсутствие дискриминации, здоровье и справедливые взаимоотношения между поколениями. Преобладающая часть информации поступает из Евростата, то есть из Статистического управления Европейских сообществ, и только восемь показателей носят качественный характер — их величину определяют эксперты.

Профессор Рышард Шарфенберг из Института социальной политики Варшавского университета приветствует идею Фонда Бертельсманна, так как измеряет уровень социальной справедливости особым способом, при этом не ссылаясь непосредственно на такие экономические показатели, как, скажем, ВВП. Тем самым доказывая, что справедливость вовсе не каприз, который могут себе позволить только богатые скандинавы. Но, с другой стороны, вполне понятно, что состояние экономики имеет свое значение — ведь только Польша, Германия и Люксембург, то есть страны, которых менее всего коснулся кризис, улучшили свои показатели. Там, где кризис наиболее сильно проявился, как в Греции, вместе с экономикой дало трещину и общество.

Однако, что же такое случилось в Польше, что она так быстро продвинулась в соперничестве, само название которого еще несколько лет тому назад могло грозить обвинением в коммунистических пристрастиях? Термин социальная справедливость исчез из лексикона публичных дебатов одновременно с падением ПНР. Теперь же он возвращается, но не в качестве утопического проекта, а в форме задания, которое вписано, в частности, в стратегию Европейского союза. Из доклада Фонда Бертельсманна следует, что с этим заданием мы справляемся все лучше и лучше, хотя, разумеется, не без польской специфики.

---

*Лешек Миллер — лидер Союза демократических левых сил, премьер-министр Польши в 2001-2004 гг., прославился фразой о том, что настоящего мужчину оценивают не за то, как он начинает, а за то, как заканчивает. Прим. ред.

Так, например, улучшилось положение на рынке труда, о чем свидетельствует уровень безработицы, который еще десять лет тому назад достигал 20%, а теперь отмечается спад этого уровня ниже среднего показателя по ЕС. Однако при этом у нас низкая профессиональная активность, высокий уровень безработицы среди молодежи и один из самых высоких в ЕС показателей (9,7%) бедности среди работающих (хуже только в Греции и Румынии).

Улучшилась ситуация в сфере образования – систематически растет процент детей, посещающих детский сад, продлен период обязательного обучения, что в результате влияет на выравнивание шансов. Прекратился рост неравенства в доходах, а это способствует сплоченности общества.

К сожалению, ухудшается ситуация в категории «здоровье». С этим хуже обстоит дело только в Румынии и Латвии. В целом, однако, достижения решительно преобладают над дефицитом, отсюда продвижение Польши, как в рейтинговом списке, так и в показаниях абсолютной оценки — в 2008 г. Польша получила оценку, равную 4,37; а через три года — 5,01; чтобы теперь выйти на уровень 5,36. Неужели действительно Польша мало того, что считается зеленым островом, так еще превращается в оазис социальной справедливости?

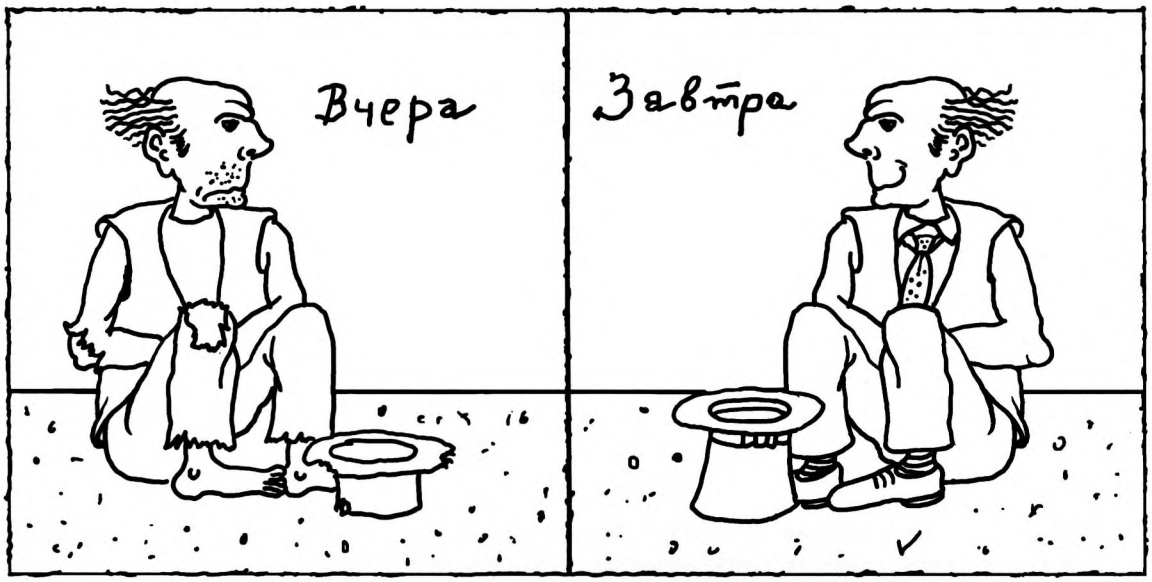
Это было бы прекрасно, тем более, что именно таковы всеобщие ожидания поляков. Опубликованные в этом году результаты очередных крупных социальных исследований ПОЛЬПАН (проводимых каждые пять лет) показывают, что 84% жителей Польши считают, что роль государства состоит в том, чтобы обеспечить работой каждого, кто хочет работать. Две третьих населения убеждены, что государство должно сокращать неравенство в доходах, а почти половина населения высказывается за установление верхнего предела для доходов. Ввиду таких ожиданий народа даже самое либеральное правительство начнет в конце концов розоветь и модифицировать политику в социал-демократическом направлении.

Проблема в том, — как отметила экономист из Варшавского университета, проф. Иоанна Тырович, во время дебатов о государстве, организованных в честь 25 годовщины образования правительства Тадеуша Мазовецкого, — что польское государство действует хаотически, а выстраивая свою политику в различных областях, оно просто панически боится знаний. Эту мысль профессор развивает в интервью для издания «Либеральная культура», где рассказывает о внедряемых социальных проектах, стоимостью даже в миллиарды долларов, но эти проекты внедряют, полагаясь на интуицию и некие «откровения», а вовсе не опираясь на неоспоримые данные. Однако даже если какие-то проекты терпят фиаско, им не дается качественная оценка, которая могла бы обеспечить получение вспомогательных знаний, чтобы избежать дорогостоящих ошибок в будущем. Мнение о том, что знания экспертов вызывают у властей аллергию, разделяют многие представители общественных и экономических наук.

Результатом более или менее спонтанного творчества политиков, являются как решения, имеющие глубокое структуральное значение, например, снижение возраста для начала обязательного школьного обучения, так и проекты, имеющие мало смысла, касающиеся, например, вопроса обеспечения конвертами для младенцев. Доклад Фонда Бертельсманна показывает, что, несмотря на такой хаотический и интуитивный способ решения публичных проблем, общее направление правильное. По крайней мере в том, что касается социальной справедливости. На этом оптимистичном выводе можно было бы и остановиться, однако бдительность подсказывает, что необходимо все же сопоставить выводы доклада с другими аналитическими результатами.

Авторы доклада отдают должное тому факту, что в Польше систематически сокращается неравенство в доходах. Их измеряют обычно с помощью коэффициента Джини, чем меньше его величина, тем меньше в обществе и диспропорция доходов. Идеальное равенство означало бы величину 0, максимальное неравенство, то есть состояние, при котором у одного человека были бы сосредоточены все доходы, означало бы величину 1 (или 100, в зависимости от шкалы). Исходя из выводов доклада, уровень неравенства достиг приличной европейской цифры, равной 30,7. В Латвии, стране с самым значительным неравенством, эта цифра составляет 35,2; в самых эгалитарных Чехии и Словакии — около 24.

Однако если мы обратимся к отечественным исследованиям Главного статистического управления (ГСУ), то окажется, что в течение десяти лет неравенство доходов в Польше сохраняется на более или

менее одинаковом уровне и колеблется вокруг величины 34. Что интересно, ГСУ анализирует также степень дифференциации доходов в разных общественных группах. И если среди пенсионеров имеет место чешское равенство (коэффициент Джини 24,2), то неравенство среди крестьян (55,9) заставило бы содрогнуться даже жителей Бразилии — страны с самым высоким в мире уровнем неравенства.

Еще более проблематичными выглядят данные, касающиеся уровня бедности. В докладе даётся высокая оценка достижениям правительства Туска в борьбе с бедностью, однако ГСУ вместе с тем отмечает, что в период 2010–2012 гг. уровень крайней бедности возрос с 5,8% до 6,8%. И хотя он значительно меньше, чем в критическом 2005 году, когда крайняя бедность затронула аж 12,3% людей, тем не менее тревожит тот факт, что уровень бедности вновь начал расти.

Тенденцию эту подтверждает также «Социальный диагноз» профессора Януша Чапинского. Вдобавок он дает сведения о том, что практически половина всех тех, кто оказался в крайней бедности в 2011 г., по-прежнему оставались в безнадежной нищете в 2013 г. Наибольшее беспокойство вызывает, однако, тот факт, что с крайней нуждой (то есть необходимостью жить на менее чем 422 злотых на человека в месяц) сталкиваются семьи, имеющие на содержании человека с ограниченными возможностями. В категорию крайней нищеты входят почти 10% детей.

Могла ли быть оценка авторов доклада Фонда Бертельсманна столь же положительной, если бы они использовали те же измерители, что и польское ГСУ? Вопрос этот чисто академический, ибо не существует исследований методологически совершенных. Более важными представляются именно тенденции, в данном случае это вопрос о том, является ли рост уровня крайней нищеты симптомом более широкого явления, или «всего лишь» отражает тот факт, что солидарность общества разрушена. В результате чего самые слабые члены общества оказываются предоставленными сами себе, не получая реальной поддержки со стороны общественных институтов, семьи или структур гражданского общества.

Следует остановиться на тех рубриках доклада, в которых дается высокая оценка польской системе образования, для которой, по мнению авторов, характерно равенство. И опять, очень многое здесь зависит от используемых ресурсов информации. Фактом является то, что детские сады сейчас получают широкое распространение, однако они по-прежнему остаются труднодоступными для детей, которым более всего необходима образовательная опека в самом раннем возрасте, то есть для детей из наиболее неблагополучной среды или подверженных опасности быть исключенными из социальной среды.

Как сообщает кандидат социологических наук Пшемыслав Садура из Варшавского университе-

та, дети из семей, в которых родители имеют высшее образование, то есть из семей, относящихся к среднему классу, получают в 20 раз больше шансов попасть в детский сад, чем дети тех родителей, которые имеют среднее и профессиональное образование. На сегодняшний день нам также известно, что гимназии, с одной стороны, помогли подтянуть образование даже самых слабых детей, однако одновременно они стали местом сегрегации и насаждения социального неравенства.

Пожалуй, единственной частью доклада, в которой оценка состояния ситуации в Польше совпадает с ощущениями поляков, является область охраны здоровья. Дело здесь обстоит столь слабо и столько у нас накопилось претензий к системе медицинского обслуживания, что вероятнее всего даже замена министра здравоохранения ничего бы не дала (поэтому согласно принципу, что плохое является врагом худшего, руководитель ведомства остается на месте). Доклад Фонда Бертельсманна, несмотря на честную критику, которая должна быть высказана в его адрес, заслуживает признания, — подчеркивает проф. Шарфенберг. И не только потому, что вновь в полную силу поднимается вопрос о социальной справедливости, который выносится на обсуждение в публичных дебатах, причем на форуме всего Европейского Союза. Но ещё и потому, что он поощряет критику, заставляет пересмотреть всё то, что мы знаем сами о себе в Польше.

Знания эти весьма неполны. Частично потому, что ученые со всем своим исследовательским инструментарием не поспевают за реалиями быстро меняющегося общества. А оно становится все более фрагментарным, прячется по разным нишам, в отношении которых оказываются беспомощными категории, применимые к массовому обществу. Обобщенная статистика не в состоянии распознать явления, возникающие так сказать на обочине. Незамеченные и не получившие удовлетворения, они могут стать источником ненужных страданий и напряжений, ведущих к опасным конфликтам.

Однако еще большей проблемой, чем неполное знание явлений и тенденций, представляется отсутствие спроса на него со стороны политиков и государственной администрации. В результате публичная политика часто зависает в пустоте и совсем неэффективно решает реальные проблемы или же вступает в бессмысленную борьбу с вызовами, которых на деле не существует. К сожалению, обоих дефицитов: и недостатка надлежащего знания и отсутствия спроса на него, не заменят самые лучшие иностранные доклады. Даже если нас хвалят, причем очень хвалят.

POLITYKA

Рафал Кошани

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИКИНГОВ

Сначала, перед большим путешествием в неизведанный мир театра, компания бездомных из одного познанского приюта решила добиться постройки пункта обогрева — для тех, кто нуждается в помощи, но не хочет или не может остановиться где-либо надолго. Кто хотел бы только что-нибудь съесть или переждать холод и непогоду. Уже даже были деньги из гражданского бюджета, но не согласились местные жители, два раза, в двух разных районах. И создать такой пункт не удалось. В протестах преобладал негативный стереотип, но не учитывался неразрешимый вопрос: какой из путей помощи бездомным лучше. Тот, вроде бы более понятный, привязанный к конкретным организациям, при котором условием получения поддержки будет хотя бы отказ от алкоголя, но который вместе с тем суров к слабым и может привести к новому падению? Или же тот, который не предполагает изменять всю жизнь, а сразу дает помощь, без «платы» или «вознаграждения», так как здесь учтены все человеческие слабости, к примеру, многолетняя алкогольная зависимость?

Так осенью 2013 г. при помощи актрисы познанского Нового Театра, Дороты Аббе, возникла любительская театральная труппа «Викинги». Несколько бездомных мужчин из приюта решили убедить жителей Познани принять эту важную для них — но и для всех остальных бездомных, не могущих найти дороги к пристани, — идею, а одновременно с этим сами приняли участие в терапевтическом процессе: пьеса требовала с их стороны увлеченности и смелости, нужно было приложить немало усилий. Текст (написанный Зузанной Фихтнер, работником социального центра) был основан на свидетельствах и рассказах участников-актеров.

Говоря об этом спектакле, об истории его создания и идее, как о вещах совершенно уникальных, поскольку касающихся конкретных лиц и конкретного дела (т.е. участников и зрителей), нельзя забывать о богатой традиции социально направленного, политического театра, восходящего к контркультуре США и Великобритании 60-70-х годов, к художественным открытиям Театра Угнетенных Августо Боаля. Наконец, 60-70-е годы в Польше — это тоже время перемен в сфере восприятия искусства, его границ и участников, время общественных или культурных изменений. Достаточно обратиться к идее «действенной культуры» Ежи Гротовского или вспомнить о разрабатывающих эту концепцию театральных площадках (например, об ольштынской интердисциплинарной художественно-исследовательской группе «Працовня» или о более поздних, но по-прежнему активных театральных объединениях «Гардзенице», «Венгайты» и «Пограничье»). В целом можно сказать, что все эти инициативы были основаны на определенном наборе идей, которые все по-разному интерпретировали и складывали в разные комбинации, однако набор их был примерно одинаков: участие, эксперимент, арт-терапия, популяризация культуры, и наконец, общественные и культурные перемены. Еще можно говорить о своеобразной эстетической революции, так как независимо от обозначенной цели каждого из проектов — иногда более крупного масштаба, иногда касающегося жизни отдельного человека — постепенно происходила переоценка традиционного взгляда на искусство: стиралась граница между сценой и зрительным залом, материалом для искусства становилась повседневность и личный опыт, искусство могло непосредственно влиять на его создателей и потребителей, и каждый мог быть артистом. Из последних работ подобного рода стоит вспомнить проект «Заключенные. Ул. Млынская, 1» познанского «Театра восьмого дня».

Познанский спектакль «Возвращение викингов» планировался как одноразовый проект, который должен был что-то изменить — помочь решить конкретную проблему, а между тем его играют уже который раз подряд, поскольку проблема все не решается. Тем не менее спектакль — универсален, и будет таким до тех пор, пока люди совершают ошибки, пока есть такие, которые падают на самое дно, и есть другие — помогающие им выбраться на поверхность. И если помощь (а она может быть большей или меньшей, действенной или неловкой) — это всегда акт воли, то первая «ошибка» не всегда совершается сознательно. К бездомности, которая, как правило, понимается буквально — как многолетнее

скитание по вокзалам, развалинам или заброшенным домам — люди приходят по-разному. В этом убеждают рассказы героев: Лешека и Лешека, Пшемека, Збышека, Мацея, Рафала.

Спектакль носит парадокументальный характер и преследует цели намеренно педагогические (хотя отнюдь не дидактические). На событийную ось сюжета складываются несколько типичных историй, с подчеркнуто условным характером этой «типичности», если учесть поистине запутанные судьбы всех участников, их индивидуальные особенности. Затем мы проходим вместе с героями путь от человеческой ошибки, иногда совершенно случайной (один из героев наивно рассчитывал на большой выигрыш в лотерее, погряз в долгах, близкие от него отвернулись, и он остался на улице), через скитание по городу в поисках ночлега, еды, денег на спиртное, а также компании, с которой можно будет его распить, до новых случайных встреч, которые ведут в приют для бездомных. Так — более или менее похоже — промелькнули судьбы героев представления, все счастливо нашли пристанище в приюте, иначе их бы не было здесь, на сцене. Конечно, не всегда этот путь был прямым, и все его перипетии показаны в видеофрагментах, отдельных интервью, записанных с участниками во время работы над спектаклем.

Помимо пустых стен-экранов строгое пространство сцены заполняет исключительно символическая сценография — сведенный к минимуму быт жизни бездомных, их картонные «дома», которые можно в любую минуту перенести и которые могут в каждое мгновение рассыпаться как карточные домики. Тем больше мы сосредоточены на актерах, а им — в непосредственной близости к зрителю, когда их не защищает ни грим, ни декорации — играть тем труднее. Именно в этом —уникальность проекта «Возвращение викингов»: в созданных репертуарным театром рамках, на профессиональной сцене играется социально направленный спектакль, выступают в котором — да, актеры-любители, но прежде всего настоящие люди. Актеры разыгрывают, а по сути, вспоминают все социальные роли, с которыми им пришлось в своей жизни столкнуться: они то бездомные, то перевоплощаются в тех, кто их окружает, в очередных персонажей «нормального мира» (врача, судебного пристава, смотрителя приюта). Однако главным образом они играют самих себя — и здесь возникает будто бы привычный в искусстве, но наиболее волнующий ассонанс. Представьте себе, что бездомный человек, которому удалось выкарабкаться (он живет в приюте, научился многим вещам, лечится от алкоголизма и других болезней, обзавелся друзьями, пристрастился к театру), публично рассказывает о себе. Еще представьте себе, что — считая успехом точку, до которой он дошел, — он находит в себе силы собрать группу людей и начать бороться за более удачный жизненный сценарий для других бездомных. Выражение «более удачный» в этом контексте имеет очень скромный масштаб, поскольку речь идет «всего лишь» о пункте обогрева, который зимой позволит спасти нескольких заблудших викингов, доплывших до берега, но через мгновение под действием какой-то силы, отправляющихся скитаться дальше. Хотя время контркультуры и театральных защитников униженных и оскорбленных уже прошло, тем не менее в Познани, городе мещан, как о нем говорят, где актуален вопрос о бездомных, которые по-прежнему не могут найти здесь места — как в пространстве города, так и в сознании его жителей, — подобные спектакли по-прежнему оказываются необходимым зеркалом. Мы, вроде, и не хотим смотреть на негативное отражение своей внешне благопристойной жизни, но вместе с тем не осознаем, как иногда легко оказаться по другую, совершенно несказочную, сторону этого зеркала. Всех присутствующих на спектакле охватило волнение.

Впрочем… Сейчас, когда я пишу эти строки, полным ходом идут репетиции нового спектакля бездомных актеров. «Небыляндия» будет посвящена одному из героев «Возвращения викингов» — присутствующему только на видеозаписи Станиславу, который не дождался выхода спектакля и той важной дискуссии, состоявшейся в Познани после премьеры. Оставшиеся актеры снова расскажут о себе, однако на этот раз попробуют сделать это языком сказки, под другими сценическими именами. Профессиональную сценографию они построили своими руками и на театральном поприще продвинулись уже гораздо дальше, но, прежде всего, они перешли на новый уровень саморефлексии и еще отчаяннее борются — как викинги — за тех, кто не может добраться до берега.

«Возвращение викингов», премьера: февраль 2014. Новый театр им. Тадеуша Ломницкого, Познань. Постановка: Дорота Аббе, сценарий: Зузанна Фихтнер, драматургия: Шимон Адамчак, видеопроекция: Дорота Рексинская. В ролях: Лешек Ностер, Лешек Фурманек, Мацей Крых, Пшемыслав Кропинский, Рафал Трыбусь, Збигнев Краковский.

УСПЕХ ПОЛЬСКОГО НЕУДАЧНИКА

С Петром Морделем и Адамом Гусовским из Клуба польских неудачников в Берлине беседует Виолетта Шостак

— Прежде чем мы перейдем к вашим несомненно любопытным биографиям, расскажите, пожалуйста, где мы находимся?

— В «Клубе польских неудачников», Берлин, Аккерштрассе, 169.

— Господа, а вы неудачники?

Петр Мордель: Мы уже немного германизировались, а здесь на «вы» почти не разговаривают. 15-летний парнишка будет обращаться к канцлеру Ангеле Меркель на «ты». Ну, может быть, я малость перегнул...

Адам Гусовский: Немножко. Но, если 80-летний человек спросит у 15-летнего паренька, как куда-нибудь пройти, тот ему ответит: «Иди прямо, а потом налево». В Польше такое невозможно вообразить, верно?

Петр: Может, я налью себе воды. Вчера долго сидел в клубе.

— Что там было?

Петр: Показ экспериментальных фильмов, его организовали на пару полька с француженкой. Сначала они просто посещали клуб, а потом сказали: «Классное место, мы что-нибудь подготовим». Людей пришло не очень-то много, но ведь это не так уж и важно. Клуб именно ради того и существует, чтобы реализовывать странные идеи.

— Я просмотрела цикл ваших фильмиков: вы едете в маленький городок под названием Бернау и задаете немцам странноватые вопросы, например, где бы они предпочли быть похороненными, в Польше или в Германии? Чего вы хотите этим добиться? Зачем туда ездите?

Адам: Зачем? Петр, а у тебя есть ответ? У меня так нету. Как и в дюжине других дел, которыми мы занимаемся. Снимали мы, к примеру, скетчи для немецкого телевидения — «Ковальский & Шмидт»*. На мосту во Франкфурте-на-Одере спрашивали у поляков и немцев, знают ли они гимн соседей настолько, чтобы спеть его. Ни один из поляков не хотел с нами разговаривать: «Чего это вы дурачков из нас делаете?». А немцы почти все стыдились: «Нет, нет». Отдельные пробовали что-нибудь пропеть, какие-то бабульки запели гимн ГДР. Один дедушка из Германии бежал через мост, говорит, мол, ему надо успеть на репетицию хора в Слубице. И вдруг у него возникает такая рефлексия: «В принципе все мои друзья — сплошь поляки». Это такие сведения, которые говорят о польско-немецких отношениях больше, чем красноречивые повествования публицистов о том, какие у нас прекрасные отношения.

— А разве они прекрасные? Из вашей книги «Польские неудачники», которую вы опубликовали в Германии, следует, что не особенно. Мы пробуем их «опрекраснить», сделать нормой, но никак не выходит. Вы даже вносите предложение насчет того, «каким образом «утеплить» польско-немецкие отношения»: передвинуть наши страны в другое место, потому что мы расположены слишком близко друг к другу.

Адам: Все вещи, которые мы делаем, вытекают из недовольства тем, что эти официальные наши контакты — они искусственные, притворные. А в других контактах, непосредственных, господствует безразличие — ни поляки, ни немцы взаимно не интересны друг другу. Кроме того, мы лично из принципа, не отождествляем себя с теми полонийными организациями, которые здесь действуют и пытаются «сближать».

— Почему?

Адам: Потому что эта польская эмиграция законсервировалась и покрылась пылью.

Петр: На первое у нее всегда подается блюдо под названием «Шопен».

Адам: А вот одна из объединяющих их идей: надо непременно сблизить наши народы, но так, как это нравится им самим. Ну, раз они делают это так хорошо, то уже, наверно, сблизили нас до такой степени, что хорошо, что хотя бы Одра между нами осталась. Мы хотим иначе, мы хотим опереться на новые польско-немецкие отношения, сложившиеся после того, как завершился период примирения. Расширить эту границу, существующую между нами.

— Вы ведь оба приехали в Германию 26 лет назад, верно?

Адам: Лично я — 8 августа 1988 г. На большом фиате с родителями.

— Ты так точно помнишь дату?

Адам: Ну, знаешь, сердце разбито, эмиграция** (смех). Но скажем себе так: 88-й год в Польше — это тотальная задница, уровень безнадеги не поддается описанию; по крайней мере, мои родители вспоминают все это именно так. Разумеется, для меня, мальчишки, который только что окончил восьмой класс, влюбился, ходил под парусом, ситуация имела другое измерение. 15-летний пацан не хочет покидать свое место, пусть бы даже магазины «Альди»*** были забиты всяким добром, не знаю как..

— В книге ты вспоминаешь, как твои родители перед отъездом из Щецина учили немецкий, но чтобы не возбуждать подозрений, что они планируют бегство на Запад, ходили на занятия отдельно.

Адам: В разные дни недели.

Петр: А для отвода глаз учили русский.

Адам: (смех) И китайский. А если говорить серьезно, то я могу только восхищаться, что они тогда решились, поскольку знаю, с каким трудом им это далось. Тогда эмиграция была *one way ticket* — билетом в одну сторону. Мы — последние из того поколения эмигрантов, которые, уезжая, должны были считаться с тем, что отрезают себя от страны навсегда.

---

* Это самые распространенные в Польше и Германии фамилии. Кстати, *kowal* по-польски и *Schmidt* по-немецки означают одно и то же: «кузнец». Здесь и далее прим. пер.

** Это отсылка к припеву песни «Судьба эмигранта» польского рэпера Луказино (Лукаша Шиманского).

*** «Альди» (нем. Aldi; сокращение от «Albrechts Discount») — немецкая сеть магазинов-дискаунтеров. Сейчас они есть и в Польше.

— А у вас были в Германии какие-то связи, знакомые?

Адам: Часть семьи уже жила здесь, так что первый адрес был. Ну, и еще была информация о моем дедушке, который служил в вермахте.

— У тебя что, в биографии есть дедушка в вермахте?

Адам: Меня это никогда особо не волновало. Кстати, как бы на полях замечу: после 25 лет эмиграции и раскапывания всяких семейных историй оказывается, что дедушка вполне мог очутиться в этом самом вермахте при других обстоятельствах, чем это представлялось семье. Говорилось, будто он попал в плен и выйти оттуда мог только при условии подписания бумаги, что он — фольксдойч. Дед подписал, и его отправили на Восточный фронт, потом он сбежал. Все получается таким идеализированным и неясным. А на самом деле моя семья родом из города Быдгощ, и есть явные предпосылки, что вступать в вермахт никто никого так уж сильно не принуждал; может быть, слегка нажали. Неважно.

Главное, что остался военный билет. И запись в том учреждении, которое собирает сведения о бывших солдатах вермахта. На основании этого мой папа и я почти автоматически получили германское гражданство. Все это не имело для нас идеологического значения. Просто позволило нам быть здесь.

— Петр, а как ты начинал свою жизнь тут?

Петр: Для меня Германия — это был другой мир, дальше, чем Австралия, потому что я родом из Люблина. В 80-х годах, еще обучаясь в институте, я чуточку игрался в какое-то независимое издательское движение, в конце концов милиция меня вычислила, а дальше — задержание на 48 часов. Электрическими разрядами никто меня не прижигал, но приятным оно не было. Естественно, мне совсем не обязательно нужно было после этого бежать, но именно тогда мы с женой решили, что сделаем то, к чему нас уже давно склоняла семья. Поскольку моя свояченица жила в Америке, то родители были убеждены, что ехать нам необходимо именно туда, дабы нам, их детям досталась лучшая жизнь. Я этого убеждения столь уж решительно не разделял.

Мы продали все, включая видео. В Америку мы собирались попасть через Германию. Это был такой прыжок без парашюта. Сначала поехала жена с четырехлетним сыном, потом я. Ну, и приехал: заявление об убежище, рентген легких, тест на СПИД. Получил пособие и мог затариваться в здешних магазинах. А еще наблюдал ту массу поляков, которая из крайней бедности переходила к лучшей жизни. И разговоры типа: «Знаешь, до чего здорово у нее идут дела? Колбасу или ветчину она покупает уже не фасованными, а на вес!»

— И какой была твоя первая работа здесь?

Петр: Год на стройке, потом — в луна-парке.

— Что ты делал в луна-парке?

Адам: Выступал в качестве поляка без усов.

Петр: Билеты продавал и всякое такое. А главным образом прятался, потому что работа эта была левой, и прятки стали моей второй натурой. У меня долго была проблема с так называемой социализацией. Я понятия не имел, что мне здесь делать. Такое чувство, словно я никому не нужен. Оно, думается, есть у изрядного числа эмигрантов. Многие так из него и не выбрались, плохо кончили — алкоголь, психушка. Вроде бы знаешь, что тут существуют самые разные возможности, но у тебя такое ощущение, будто ты нигде и никуда не подходишь.

— Ты окончил институт в Польше — электротехника, хорошая специальность.

— Но я, похоже, не слишком-то учился, так как здесь отдал себе отчет в том, что ничего не умею. Тем более, когда увидел, насколько профессионально они здесь подходят к работе. Тут не бывает, мол, если что-то не до конца закрывается или не контачит, то как-нибудь затолкаем. Больше всего я перепугался, когда здесь признали мой диплом инженера. Думал: «Боже мой, а что, если мне вдруг велят работать по специальности?».

— Ты работал в качестве мастера-золотые руки у некой влиятельной дамы-политика и вспоминаешь об этом в книге не самым лучшим образом.

— Наши соотечественники обслуживали здесь рынок мелких ремесленников. Поляк разбирается во всем на свете, ему звонят: «Герр Казик, заскочите-ка, пожалуйста». А в маленьких городишках

доходило даже до таких экстремальных ситуаций, что такой герр Казик отвозил детей в садик, потом готовил суп, ехал с хозяйской машиной на мойку, дальше натирал там полы, что-то полировал, шлифовал, а вечером они еще играли в теннис. Подобные отношения бывали полудружескими, но на именины такого Казика все же не приглашали. Вдобавок в этом присутствовала двойная мораль, потому что работа была, разумеется, нелегальной.

И вот в течение какого-то времени я был таким Казиком у одной занимающейся политикой дамы. Однажды у ее знакомого, ректора университета, образовалась подлежащая ремонту квартира, и она взвалила это дело на меня. А тут такая невезуха, что мне предстояли похороны отца в Люблине, а жене — серьезная операция в Берлине. Я и говорю своей фрау, что ремонт сдвинется на неделю. А она: «Господин Мордель, я понимаю, но ведь можно было все это предвидеть!».

В итоге какие-то отношения завязываются, но постоянно присутствует ощущение того, что ты не принадлежишь к этому обществу. А самым унизительным для меня было незнание языка. Я приехал без немецкого, пошел на курсы, однако особых способностей у меня нет, так что прошло немало времени, прежде чем я почувствовал себя свободно; впрочем, и по сей день слышно, что я из Польши.

— В книге ты рассказываешь, что покупая в Германии карпа на Рождество, очень стараешься произнести слово «карп» без польского акцента.

Петр: Эта необходимость скрывать свою польскость была унизительной.

— Скрывать? Почему?

Петр: Чтобы избежать негативных комментариев: «А, вы из Польши».

— Из Польши? Ну, и что?

— У поляков не было здесь хорошей репутации. Да и вообще на иностранцев в Германии смотрели криво. Получают социалку, не работают. Помню надписи на стенах: «Ausländer raus» («Иностранец, вон отсюда»). Слово «иностранец» было ругательством. Теперь здесь невозможно себе такое представить.

— Как ты скрывал польскость?

Петр: Не открывал рта. Старался быть невидимым. В Германии у поляка есть возможность замаскироваться, турку приходится хуже.

— И долго так было? Или, может, еще и сейчас бывает?

Петр: Я вообще не люблю привлекать к себе внимание. Но конечно же временами скрываю свою польскость, когда, к примеру, еду в метро и рядом сидят поляки, которых надо стыдиться.

— Потому что они какие?

Петр: Пьяные, дерут глотку. Или такая сцена: папа пьяный, рядом мать с ребенком и всякие семейные нежности.

— Много таких встречаешь?

Петр: Не хочу жаловаться — как ни говори, это все-таки исключения, но достаточно пройтись: вот улица в центре Берлина, и около одного из магазинов лежат нищие из Польши. Уже год рядом торчит группа, которая залегла рядом с банком, 20-летние парни, всю дорогу пьяные. Или же какие-то немытые алкаши вповалку валяются в магазине; полиция их выносит, а они орут: «Гестапо, гестапо!»

Либо такая любопытная подробность: недавно у нас в клубе проходила встреча с бургомистром района — для всех жителей, кому-то пришло в голову, что у нас будет подходящее место. Этот бургомистр — симпатичный чувак. Возникла тема ночлежки для бездомных. И бургомистр говорит, что в ночлежном доме не хватает мест, поскольку поляки, которые приезжают сюда на работу, сориентировались, что там можно спать на дармовщину.

А потом возвращается такой папочка домой в Польшу, по дороге напивается и теряет все, что сэкономил. Я видел такой поезд, в 6.40 на Варшаву: с утра водяра, к девяти все пьяные. Мужик выходит в Варшаве и забывает в вагоне сумку с подарками.

— Ну что ж, стресс отъезда, возвращения

Петр: Мы — не тот народ, который в общем и целом привлекателен. Появится в компании какой-нибудь бразилец, и все сразу: «О, чудесно!» Или, скажем, всякий итальянец может выскочить с мо-

цареллой или с Верди. А поляки? Хотя итальянцев здесь тоже считают вовсе не оперными певцами, а пекарями, которые стряпают пиццу.

Адам: Для итальянцев это тоже неприятно, разве не так?

— Адам, а ты тоже старался быть невидимкой?

Адам: Напротив, в своем подростковом периоде я был панком, иначе говоря, выступал против всего, так что национальная принадлежность как раз не играла ни малейшей роли. Я был панком, а не поляком. В берцах, в драных штанах я выглядел для других чудилой и гордился этим. Временами слышал в школе: «Если тебе здесь не нравится, так возвращайся, откуда приехал». Но не придавал этому значения. Здесь я пошел в девятый класс — языковый класс для переселенцев, у нас была нормальная программа, а к ней еще курс языка. Я хорошо сдал экзамены на аттестат зрелости, пошел учиться. Школа была в общем-то дружественной к полякам. Я даже вел здесь курсы польского языка для немцев, и был довольно большой интерес.

— «По причине нашей польской паранойи мы сидели в забегаловке и разговаривали между собой по-немецки», — пишете вы в книге.

Петр: Такое здесь часто случается.

Адам: С нами, пожалуй, нет. Мы, как мне кажется, никогда не говорили друг с другом по-немецки. Но многие из поляков разговаривают на улице именно так, официально. Эта книга — не только про нас.

— В чем же она состоит, эта «польская паранойя»?

Петр: Тебе кажется, что никто тебя не любит, поскольку ты — поляк. У меня это держалось очень долго.

— А ты не чувствовал себя глупо и неловко, что так сильно стыдишься этого поляка в себе?

Петр: Ну, чувствовал, и даже очень. Наш клуб возник как реакция на это. Нужно ыло перешагнуть через барьер, раз-два и мы — ПОЛЯКИ. Вот они мы! Но я не спал четыре ночи, когда мы решились. Думал: «Боже милый, что ж это будет?! Над нами ведь станут насмехаться!». Однако мы столкнулись со сплошь позитивными реакциями. Для меня лишь клуб стал дверью в это общество.

— Вы написали на вывеске: «Клуб польских неудачников». Выходит, у итальянцев есть моцарелла, у поляков — неудачливость?

Петр: Неудачливость — именно таким был здесь наш совместный жизненный опыт. Ты работаешь ниже квалификации, стараешься, но мало что получается, а ведь ты же находишься в стране успеха. Стало быть, ты, видимо, неудачник.

— «На нас дудят автомашины, мы спотыкаемся на ровной дороге, постоянно вступаем в дерьмо, но счастья нам это как-то не приносит. Мы живем в ужасном страхе перед совершенством Тех», — провозглашал ваш учредительный манифест. «В мире, который слепо стремится к успеху, нужно ценить неудачливость, стремиться к ней, беречь ее проявления», — писали вы. Как, собственно говоря, вы нашли друг друга — группа польских неудачников в Берлине?

Петр: Как грибы в лесу — поляк знакомится через поляка. Человек, с которым я ходил на языковые курсы, знал кого-то, и таким путем я вышел на Лешека Освенцимского, полониста, у которого имелись литературные амбиции, а у меня, в свою очередь, — издательские. Поначалу возник журнал «Колено».

— Превосходно.

Петр: Возник он из необходимости участвовать в культуре. Чтобы не быть, как многие поляки здесь, которые только работают и в остальном погружены в спячку — сидят у себя в домах, смотрят польские фильмы, разговаривают исключительно по-польски. Когда мы начали издавать этот журнал, мы ожили. Оказалось, что кое-кто даже разговаривает с нами. И быть может, дело обстоит вовсе не так, что нас все немцы не любят.

Но, честно говоря, странно, что нам удалось. У меня есть теория, что, поскольку мы все были немножко неудачниками, то в каждый данный момент у одного из нас всегда было больше энергии, и он тянул остальных. Например, чтобы основать общество, надо подать документы, написать устав.

Для меня сделать это было совершенно невозможным, но нашелся кто-то, кто с этим справился. Потом другой наш товарищ увидел объявление в окне, что есть пустое помещение, зашел и подписал договор. Потом он впал в панику и хотел аннулировать этот договор, но тогда его поддержали другие.

Адам: У нас было помещение, шесть стульев, 17 марок в коробочке и ящик пива.

— 17 марок?

Адам: Мы сбросились, заплатили арендную плату плюс залог, после чего осталось 17 марок. К счастью, нас залил сосед, и в том арендованном помещении с потолка отвалилась штукатурка. Спустя какое-то время благодаря этому мы стали меньше платить за аренду.

Петр: Место мы искали долго; однажды, например, когда с владелицей одного пустого магазина все уже было оговорено, она напоследок спрашивает: «Как вы называетесь?». Ну, мы, что, мол, «Союз польских неудачников». А она это: «Ага. Я тут вспомнила, что я — не единственная владелица, надо спросить у других, приходите завтра».

Адам: В телефонной компании, когда услышали, как мы называемся, не хотели подключить нам телефон — они сочли это шуткой.

— Вы открыли клуб 1 сентября 2001 г. в 4 часа 45 мин. В годовщину начала Второй войны. И сразу стали действовать весьма рискованно.

Петр: Нас с самого начала интересовало детабуирование истории, выяснение польско-немецких отношений. У молодых фейсбучников уже не возникает с этим проблем, но поляки нашего поколения и постарше чуть что сразу поднимают тему войны. Понятно, она была жестокой и кровавой, но зачем же все время о войне и о войне? Надо двигаться дальше.

— Что значит поднимают тему войны?

Петр: Ну, например, немец что-то там рассказывает и употребляет слово «Arbeit» — работа, труд. А поляк сразу: «Arbeit macht frei! Ха-ха». Ну, то есть вечеринка, люди отдыхают, пьют вино, а тут кто-то ляпает что-то такое. Человек просто хочет обратить на себя внимание, но не знает, как, вот вам и война.

Во времена социализма в Польше немцы, Германия ассоциировались только с войной. Само слово «немец» уже было пейоративным, почти уничижительным. Помню, как после двух лет пребывания здесь мы поехали в Польшу. Мой сынишка помчался во двор — и вернулся в слезах, потому что приятели сказали ему: «Гитлер, давай отсюда».

А ведь нельзя сказать, что немцы ничего не помнят. У меня такое впечатление, будто они постоянно опасаются, что кто-то им эту войну припомнит. Не так-то им и легко, этим немцам.

Я сам как-то утром еду на велосипеде на работу, проезжаю по главным улицам и вдруг вижу огромные флаги со свастиками. Останавливаюсь в панике: «Может, я чего-то проспал?». А там снимали кино.

— Вы пишете в книге, что непринужденный разговор между поляками и немцами невозможен. Таков ваш опыт?

Адам: Дело даже не в войне. Не очень понятно, о чем разговаривать. Обычно немец, узнав, что имеет дело с поляком, для начала сообщает: «Моя бабушка родилась в Гданьске». Или: «Я как-то был в Кракове». И все.

Петр: Немцы — им бы тоже пригодилось немного расслабиться. Они страшно скованные. Услышат, что ты поляк, так не знают, то ли просить прощения, то ли ничего не говорить.

Мне только что вспомнилось, как я недавно был в кабаре, где немецкий актер показал номер: вдруг меняется свет, и луч прожектора падает так, что под носом у него получается тень — эдакие усики. Только два человека смеялись — я и мой сын. Остальные зрители сидели так, словно потеряли дар речи, хотя минутой раньше заходились от смеха.

— В вашей «Мыльной опере» — одном из ваших многочисленных скетчей — героем является Гитлер. Кого вы провоцируете — немцев, поляков?

Адам: Надо уточнить, что действие оперы происходит сто лет назад, и наши герои — это прадедушки Гитлера.

Петр: Люди ждут, что вот-вот, прямо сейчас мы опять начнем мусолить тему войны, а мы — бац! — и совсем в другую степь. А нам только этого и нужно!

— Вы открываете клуб 1 сентября, и что происходит?

Петр: Оказывается, что как раз в этом районе начинается крупнейший клубный бум в Берлине, и у нас каждый вечер столько людей, что не протолкнуться.

— Поляки?

Адам: Поляков на первых порах вообще не было. Наш самый большой наш успех — это то, что нам удалось переломить польскую закрытость. Многие немцы заходили, из-за одного названия. Раньше никто так к польскости не относился. И к невезению.

— Может, немцы с облегчением приняли вас? Поляков, которые смеются сами над собой?

Петр: Именно. Неосознанно нам это полностью удалось — разрядить то польско-немецкое электрическое напряжение, которое не позволяет нормально разговаривать.

Адам: Кроме того, необходимо помнить, что мы находимся в стране, где с 50-х годов говорится только об экономическом чуде и где нет места для неудачи. В этом обществе успех — это кумир, по крайней мере, именно так было вплоть до последнего кризиса. И вдруг в подобной атмосфере появляется группа, которая во главу угла ставит неудачливость. За первые месяцы в немецкой прессе появилось 40 статей на тему клуба, к нам приходило телевидение, радио.

Петр: Дошло до того, что потом, когда Польша вступала в Европейский союз, к нам приехали из Би-би-си, перед клубом стоял автофургон с передвижной телевизионной станцией, и они вели передачу в прямом эфире.

— И как вы себя во всем этом видели?

Петр: Ну, в общем, хорошо. Поначалу — немного с ужасом, ибо приходят журналисты, ты слышишь, какую ерунду на постном масле рассказывают им твои коллеги, и у тебя просто волосы дыбом встают. Нас мучили мелкие угрызения совести, что, мол, мы ничего этого не заслуживаем. Потому что нас, например, пригласили на телевизионное ток-шоу, самое популярное в Германии. И как раз тогда в Берлин приехала Бритни Спирс. Нам позвонили с телевидения и спросили, согласны ли мы, чтобы вместе с нами в ток-шоу выступила Бритни Спирс. Нас пригласили первыми, а у них на шоу действуют такие принципы, что они должны получить наше согласие.

— Так вы что, выступали с Бритни Спирс?

Петр: Она первой, ей надо было быстро улетать. Тот выпуск ток-шоу очень понравился зрителям, и его еще до сих пор время от времени повторяют.

Стресс был страшный, я четыре ночи не спал. Специально купил себе рубашку и костюм. Это был мой первый костюм, приобретенный в Германии не на распродаже и без уценки. Очень высокого качества, у меня его моль съела.

— Звонит немец в ваш клуб и спрашивает, сколько у вас стоит положить кафель? И что вы на это?

Петр: А разве такое было?

— Ну да, именно так вы рассказываете в книге: мол, вы пошли к нему, обмерили стены и назвали такую астрономическую сумму, что тот онемел.

Адам: Это было не совсем так.

Петр: Кое-какие анекдотические истории в этой книге мы выдумали.

— Минуточку, минуточку. Выходит, вы рассказываете выдуманные истории? И мне сейчас тоже?

Адам: Наша цель совсем не в том, чтобы воспроизводить все один к одному. Случилась похожая история. В действительности дело не дошло до осмотра места, но факт: по телефону мы сообщили тому человеку такую цену за укладку кафельной плитки, что больше он не позвонил.

Когда мы основали клуб, в Берлине было немного польских учреждений и уж совсем мало таких мест, где можно было получить дополнительную информацию о Польше. Поэтому к нам приходили немцы, чтобы, например, узнать, где и как достать польскую колбасу.

Петр: Или едут люди на Мазурские озера и хотели бы узнать, надо ли им брать с собой еду или в Польше тоже можно будет что-нибудь купить?

— А та красивая немка, соседка, которая заходит к вам и спрашивает: «Где мой велосипед?» Это правдивая история?

Адам: Правдивая.

Петр: Мы понятия не имели, чего она хочет.

Адам: Шутка, не шутка?

Петр: Но она вполне серьезно, мол, у нее велосипед пропал, и будет лучше, если он найдется.

— В книге вы смеетесь над этими стереотипами поляка: плиточника, того, кто ворует велосипеды или автомобили. Вам удается их сломать?

Адам: Наша цель не в том, чтобы ломать стереотипы, а чтобы играть с ними. Добавлять новые. Ведь попытки доказать, что не все поляки кладут кафель и крадут машины, были бы обречены на поражение.

Петр: К тому же трудно требовать от немцев, чтобы поляк не ассоциировался у них, например, с плиточником, поскольку здесь многие поляки именно этим и занимаются, причем считаются хорошими специалистами, так что в общей сложности этот стереотип — позитивный.

А кражи? Ну, что ж, у здешних поляков чувство собственности очень неустойчивое, хлипкое. Как-то давно я ремонтировал летний домик, а по соседству группа поляков тоже чем-то занималась. Прихожу на следующий день, смотрю, — все инструменты у нас сперли. Но это еще не все, так как недельки через две та бабуся, в чьем домике я делал ремонт, рассказала мне, что пришли к ней гости, она вынула из своего маленького бара спиртное, налила, а там вода.

— Когда это было?

Петр: Лет 20 назад. Теперь это немножко изменилось. Но в последнее время был большой шум, поскольку поляки украли со стройки какую-то огромную машину, такую здоровенную, что ее вроде бы невозможно украсть. Потом они не могли проехать с нею через мост, застряли в реке. После нескольких подобных случаев трудно удивляться, что у немцев такие ассоциации. Но, невзирая ни на что, к полякам в Германии все равно относятся с интересом и симпатией. А ведь каким-нибудь французам или англичанам мы абсолютно безразличны.

— У вас есть друзья среди немцев?

Петр: У меня скорее нет. Но я вообще немного асоциален. Мы здесь познакомились со многими местными людьми, однако наши отношения — поверхностные, сиюминутные, и это тоже характерно для Берлина, куда съезжаются люди со всего мира, чтобы немного побыть и вскоре уехать. Ведь дружба — это, помимо прочего, еще и общие воспоминания типа: «А ты помнишь тот диалог из «Мишки»****?». Вот с этим все сложно. Кроме того, в Польше само понятие дружбы понимается немного иначе. А здесь есть государственные учреждения, которые вполне заменяют друзей.

— Что ты имеешь в виду?

Петр: В беде тебе нет нужды рассчитывать на друзей, потому что существует социальная служба и дома спокойной старости с полным сервисом, а если ты страдаешь от депрессии, то тебя государство отправит на экскурсию в Египет за казенный счет.

— По истечении 25 лет чувствуешь ли ты себя здесь как дома?

Петр: Я по-прежнему говорю с очень сильным акцентом, так что полностью слиться с окружением я не могу. Но и в Польше я тоже чувствую себя чужим, знакомые разъехались кто куда, компании рассыпались.

— А вы не жалели, что уехали из Польши в такой момент, совсем незадолго перед 1989 г., когда открылись разные возможности? О возвращении не думали?

Петр: Я думал, что после трех лет, проведенных здесь, вернусь, блесну опытом и вообще всем увиденным тут. Но пришел к выводу, что никто меня в Польше не хочет.

Адам: Тот 1989 год, он и в Берлине был чрезвычайно интересным временем. До середины 90-х годов здесь царило настоящее безумие.

**** «Мишка» — культовый фильм (реж. Станислав Барея, 1980), высмеивающий абсурд социалистической действительности Польши 70-х годов. Прим. ред.

Петр: Все сюда съезжались. Люди спали в торговых центрах на полу — массы гэдээровцев, которые впервые в жизни приехали в Западный Берлин. Городской транспорт — бесплатно, на улицах раздавали шоколад и бананы.

— Приходят ли к вам настоящие польские неудачники? Ведь вам-то — вопреки названию клуба — удалось. У вас модный клуб в центре Берлина. Кто-то даже писал на интернет-форуме, что пришел к вам и чувствовал себя не в своей тарелке, потому что вы вели себя высокомерно.

Петр: Люди приходят с какими-то ожиданиями и потом разочаровываются. Потому что у нас и в нас слишком мало польского, либо потому что им думалось, будто мы поболтаем, как поляк с поляком. Или наоборот — что у нас слишком мало заграничного, стулья старые, к напиткам не подают соломинок. А ведь это же альтернативный клуб.

Адам: Нам часто ставят в вину, что у нас на вывеске написано «неудачники», а сами мы купаемся в успехе. Это зависит от того, под каким углом взглянуть. Можно ли назвать успехом владение таким заведением, которое не приносит денег? Ибо священный принцип клуба гласит, что мы не извлекаем из него материальных выгод, дабы не возникало конфликтов на этой почве. Если смотреть в категориях экономического успеха, то мы по-прежнему — неудачниками.

— Как реагируют ваши семьи на то, что клуб не приносит прибыли?

Адам: Семьи распались.

Петр: В этом как раз и состоит первый принцип: чтобы здесь работать, нельзя иметь семью.

— Вы всерьез говорите насчет семей?

Адам: Всерьез.

— Клуб действует по вечерам. Что вы делаете в течение дня?

Петр: Адам — очень занятой человек. Вот недавно мы давали интервью в Щецине местному телевидению...

Адам: Тебе оно как-то страшно запало в память!

Петр: Потому что я еще никогда не видел тебя таким рассвирепевшим. После интервью телеоператор говорит нам: «А вы как, небось, на социалке там процветаете, да?».

Адам: Нет, это было иначе: «Ну-ну, «Клуб неудачников». Легко вам на социалке-то!». А мне плевать с высокого дерева, знает ли он, как я вкалываю.

— Просто он воспринял всерьез ваше название.

Петр: Один мой знакомый, когда меня представляет, говорит: «Петр Мордель из «Клуба польских неудачников». Но он и на нормальной работе работает!»

— А где ты работаешь?

Петр: Я график, работаю в польском журнале «Диалог», так что на жизнь зарабатываю польскостью.

— Адам?

— Тружусь в качестве журналиста, среди прочего — для немецкого публичного радиовещания.

— Раз вы не приехали на то интервью мерседесом, значит, ничего у вас в Рейхе не получилось, да?

Петр: Это когда-то так было.

Адам: Когда-то некоторые даже у знакомых одалживали тачку на поездку в Польшу.

— А вы одалживали?

Адам: Мы нет, но в кругах польских эмигрантов такие истории случались. Ездили даже вдвоем, потому как приятель не хотел пускать другого за руль своей машины. Мужик отвозил подарки в Польшу и возвращался. В следующий раз ехал худшей тачкой: «Ту я загнал, потому что она жгла много горючки».

Петр: Когда в Польше появилось материальное благополучие, это изменилось. В былые времена поляки собирали на улицах вещи, которые немцы выбрасывали, выставляя перед домами, чтобы те, кому надо, мог себе взять. Теперь из Польши приезжают, чтобы купить себе какой-нибудь классный прикид или осматривать достопримечательности.

Адам: Я, например, заметил, что в Потсдамском дворце в пожарном порядке ищут экскурсоводов со знанием польского.

— Я видела в вашем клубе молодых поляков, работающих в Берлине. Как по-вашему, они приезжают сюда уже без польского комплекса?

Адам: Когда мы ехали сюда, мы напрашиваясь, а их — информатиков, архитекторов — здесь ждут, в них нуждаются.

Петр: Нам доводилось бывать в местах, в которых нормальные немцы не бывают, например, в социальном учреждении, где требовалось стоять в длинной очереди за какими-нибудь талонами. Почти каждый из поляков, приезжавших сюда когда-то, был попросту нищим. У тех, которые приезжают теперь, нет нужды проходить через это. Многие поляки хорошо справляются здесь со всеми проблемами. Недалеко от нас существует польская галерея, польские дизайнеры продают стулья. Или польская фирма вставляет окна на стройках — это уже не левая работа, у каждого на спине красуется реклама. Здесь ценятся польские окна, реставраторы, мебель и гуси.

— Гуси?

Петр: Самые лучшие гуси — из Польши.

Адам: Очень многое изменилось. Польша вошла в Евросоюз, в шенгенскую зону, открылся рынок труда, это как бы между делом, попутно сблизило наши народы. По существу, довольно значительная часть тех вещей, о которых мы пишем в книге, уже утратила актуальность.

— Так, может быть, и вся идея польских неудачников тоже неактуальна?

Петр: Суть не в том, что не удается что-то сделать. Неудачливость — это открытый подход к жизни, когда ты не стремишься чего-то достигать. Я — враг профессионализма. И наш клуб работает по этому принципу. Люди даже поражаются, что он продолжает действовать. С самого начала до нас доходили сплетни, что «клубу уже конец» и что «они закрываются, потому что кишка тонка, не потянули». Но мы не отступим — хотя бы ради того, чтобы им показать.

Клуб польских неудачников находится на Аккерштрассе, 169. Действует по вечерам: регулярно от четверга до субботы (с 20 ч.) и нерегулярно — в течение недели. Там проходят концерты, показы кинофильмов, литературные встречи, реализуются экспериментальные художественные проекты. Текущая программа — на сайте www.polnischeversager.de

CV — Петр Мордель

Род. в 1961 г. в Люблине, в 1988 г. эмигрировал в Западный Берлин. По профессии инженер-электрик. После приезда в Германию работал на стройке, затем кассиром в луна-парке, маляром, занимался компьютерной графикой. Спустя несколько лет основал «единоличное» издательство «Mordellus Press» — начал издавать библиофильские поэтические сборники. В 1995 г. в его издательстве вышел первый номер «Колена» — «литературно-некультурного» журнала, создаваемого группой польских эмигрантов. Вокруг этого издания возник Союз польских неудачников, который 1 сентября 2001 г. открыл свой клуб в Берлине, сначала на Торштрассе, 66, а позднее — на Аккерштрассе, 169. Петр Мордель руководит этим клубом совместно с Адамом Гусовским, вместе с которым они выпускают также сатирическую радиопередачу «Gaulojzes Golana» на радио «Funkhaus Europa» и эстрадную программу, с которой объезжают немецкую провинцию. Работает также как график в польско-немецком журнале «Диалог».

CV — Адам Гусовский

Род. в 1973 г. в Щецине, в 1988 г. эмигрировал с родителями в Западный Берлин. Изучал общественные науки, философию и физику в Берлинском университете им. Гумбольдта. Свою учебу финансировал, работая таксистом, а также экскурсоводом по Берлину. Пробовал сколотить состояние, выращивая дождевых червей. Безуспешно.

Несколько лет играл на саксофоне в джазовых группах, в частности, в «Don't Shelest» и «Tempotanga». Работает журналистом на радио «Funkhaus Europa» (WDR) и на интернет-портале «Porta Polonica». Выступает как сатирик по радио, на телеканале RBB и вместе с Петром Морделем — в эстрадной программе (свыше 150 выступлений на территории Германии).

Сотрудничество — Юстина Голя

Adam Gusowski, Piotr Mordel, ***Der Club der Polnischen Versager*** **(*Клуб польских неудачников*).** Изд. Rowohlt, Taschenbuch Verlag (книга вышла только на немецком яз.)

Адам Загаевский

Перевод Анастасии Векшиной

ПИСАТЬ ПО-ПОЛЬСКИ

Знакомые иногда спрашивают меня — почему ты не пишешь по-английски? Или — когда я во Франции — по-французски? Видимо, они считают, что я выиграл бы от этой перемены, что лучше пользоваться языком международным, чем провинциальным. В принципе, я с ними согласен; действительно, было бы, может, удобнее пользоваться более крупным языком (если бы я только мог!). Это напоминает мне анекдот о Г.Б. Шоу, который якобы выразил в письме Генриху Сенкевичу свое удивление тем, что поляки не перешли на русский. Ирландцы переняли английский и очень от этого выиграли! Действительно.

Писать по-польски в веке XIX, во время разделов, было актом патриотизма; языку грозила серьезная опасность, особенно на территориях российских. Сегодня никто не задается этим вопросом; молодой поэт, рожденный в Гданьске, даже если и помнит о прошлом города — а эта память сейчас в моде! — не станет колебаться, на каком языке ему писать. Он просто не будет знать другого языка. Только тот, кто, как автор этого текста, много лет живет за границей, может столкнуться с вопросом — наивным? — о выборе языка.

Писать по-польски — значит также принять сложное наследие польской истории; тот, кто пишет по-французски, элегантно, с иронией и легкой нотой поэзии, пусть бессознательно, но является наследником не только Монтеня и Паскаля, но и Людовика XIV, по крайней мере, атмосферы его двора, насмешливых разговоров, убийственных бонмо, тревоги моралистов, споров революционных демагогов. У пишущего по-польски в крови и чернилах другие гены: крах государственной системы в XVIII веке, фиаско разделов, поражение восстаний и хрупкость долгой, театральной истории нашей страны, страны, не существовавшей реально и объективно, но бывшей химерой, вызывавшей то восхищение («Polenlieder» в 30-х годах XIX века, энтузиазм французов), то презрение (Бисмарка или немецких и русских националистов). Польша существовала в воображении Европы немножко как красавчик Тадзио из «Смерти в Венеции» Томаса Манна — прекрасная, недостижимая, исключительная, инфантильная. Или, наоборот, как страна отсталая, грязная, пьяная (как, например, в отчете Гете о короткой поездке в Польшу, в память о которой есть мемориальная доска на главной площади Кракова) — страна, которую следовало бы завоевать как можно скорее. Или красавица, или чудовище, ничего среднего. Кажется, что еще и сегодня поляки с недоверием, но и с неослабевающим любопытством прислушиваются к тому, что скажут на их счет в больших европейских городах.

Сейчас появился еще один крупный сюжет — кто они, эти поляки? Герои Второй мировой войны, красавцы-уланы, воюющие с танками, отважные летчики над Англией, безукоризненные и терпеливые конспираторы, бесстрашные солдаты в атаке на Монте-Кассино или примитивные узколобые антисемиты, изображенные в известном американском комиксе как свинки? Красавица или чудовище? Джентльмены или свиньи? И еще вопрос: поляки прошли через коммунизм незапятнанными, бунтуя и саботируя навязанный Москвой режим, как они любят видеть себя сами, или же послушно сотрудничали с ним, как все остальные захваченные народы? До сих пор сами поляки не пришли к согласию во взглядах на то чистилище, которое им пришлось пережить. Выдающийся историк опубликовала недавно книгу под названием «Великое столетие поляков», посвященную этому периоду политического небытия, XIX веку. Автор исходит из тезиса, что небывало интенсивная интеллектуальная деятельность рассеянных по Европе эмигрантов, поэтов, мыслителей, историков,

D. S.-K.

политических деятелей с лихвой компенсировала отсутствие суверенного государства. Так ли?

В десятках книг воспоминаний о периоде последней мировой войны и послевоенных лет польский читатель ищет не только чьей-то индивидуальной судьбы, но и ответа на вопрос, кто мы. Эта тревога передается писателям, уже не только авторам мемуаров, но и большим литературным талантам; весь Гомбрович — среди прочих — вибрирует этой тревогой. Тот, кто смотрит с западноевропейской перспективы, лишь с большим трудом может себе представить тот лимб, тот круг ада, через который прошла новейшая польская история. Например, кадр (запечатленный наверняка хорошо питавшимся оператором Вермахта), когда уцелевшее население Варшавы медленно, понуро, вразнобой шагает бесконечной колонной, состоящей из женщин, детей, мужчин и стариков, покидающей разрушенный город после поражения восстания осенью 1944 года — этот кадр принадлежит к «богатой» коллекции самых страшных картин минувшего столетия. Гражданское население, покорно оставляющее собственный лежащий в руинах город, столицу европейского государства — что может быть страшнее? Разве что концлагеря и крематории, да ужас еще более безнадежного восстания, в том же городе, в еврейском гетто в 1943 году?

Этот же кадр стал, однако, исходной точкой для невидимого спора, начатого польскими писателями сразу после войны. Конечно, они спорили не так, как это принято у профессиональных историков — не поднимали вопроса вины и ответственности за Варшавское восстание, не анализировали военную и политическую ситуацию, но та нулевая степень письма, гораздо более болезненная, чем в академическом эссе Ролана Барта, надолго окрасила художественный мир польских писателей. Более того, она стала его неотъемлемой частью; художественный мир польской литературы освоил лимб.

Нет нужды педантично напоминать, что года сталинизма не принесли существенного улучшения; конечно, террор — если сравнивать его с гитлеровским — значительно ослаб, и немалая часть общества была уверена, что возрождение страны, пусть и под жестким руководством коммунистической партии, — достойное дело, которого нельзя откладывать на лучшие времена; но мало кто не испытывал глубокой горечи. Гротесковая бесхозяйственность коммунистической экономики и вездесущая тайная полиция не давали забыть о том, что предприятие это основано скорее на принципах театра абсурда, чем на принципах осмысленной государственной деятельности.

Неумолимая и спасительная фривольность времени такова, что сегодняшнее молодое поколение, которое начиталось теоретиков постмодернизма и знает все о ловушках текста, уже забыло о тех ужасах; но все-таки радикализм польской послевоенной литературы многим обязан энергичному стремлению дать ответ на тот момент — момент, когда население Варшавы покидало разрушенный город. Сегодняшние дебютанты уже не могут ничего этого помнить, но еще для меня и моих ровесников, родившихся сразу после войны, руины домов, порастающие травой, притягательные, как остатки готического аббатства для первого поколения романтиков, таинственные и опасные, были естественным и любимым ландшафтом детства, первым источником вдохновения.

В Польше последних шестидесяти лет — в Польше, но и за ее пределами, потому что, как известно каждому краковскому ученику начальной школы, эта литература создавалась как в Польше, так и в Париже, Аргентине, Калифорнии — литература редко была занятием академическим, головным, бескровным, периферийным, редко сводилось только к индивидуальным поискам Прекрасного, к флоберовским языковым баталиям, к старательной фиксации отдельного жизненного приключения. Чаще она выглядела как гудящая, раскаленная кафельная печь, в которой при высокой температуре под жадными взглядами свидетелей, заинтригованных жителей полиса, выжигались сосуды поэзии и прозы. Литература имела огромный вес, в ней шла большая и серьезная дискуссия, объединяющая экзистенциальные проблемы с мотивами, касающимися всей общины, всего полиса. При этом парадоксальным образом ее участники — Витольд Гомбрович, Ежи Стемповский, Чеслав Милош, Александр Ват, Юзеф Чапский (писатель и художник), Збигнев Херберт, Густав Герлинг-Грудзинский, Ежи Гедройц — если называть только нескольких Гигантов — бунтовали против этой дискуссии, не

хотели ею заниматься, их интересовали универсальные темы и мотивы, в том числе метафизические, но они могли к ним подобраться только через чащобу вопросов, имеющих политические, общинные корни. Кажется, нет нужды добавлять, что все они писали прекрасно, что речь идет вовсе не о группе идеологов, а о настоящих писателях, мастерах слова.

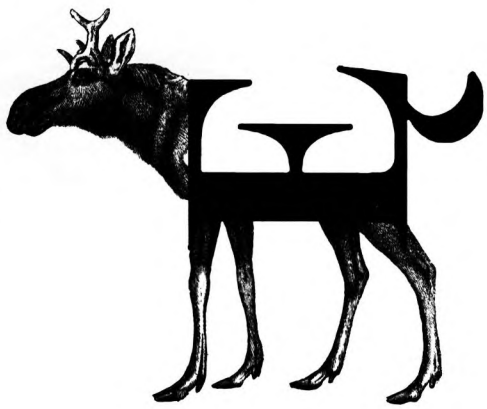
Без этого фона нельзя понять польскую литературу; конечно, это была уже не та прежняя литература дворян, сидящих у себя в деревне, во дворе, читающих Плутарха и Вергилия, а после успешного сбора урожая предававшихся неспешному литературному труду. Поколение, зрелость которого выпала на момент большого кризиса, большого Ничто, рассеянное по всему миру, боролось за выживание в невероятно трудных экономических и духовных условиях, окруженное пренебрежением парижских, и не только парижских, левых сил; и все-таки ему удалось создать фундамент современной польской литературы. Ему удалось создать модель литературы, отвечающую на историческую угрозу универсально, а не провинциально. Ему удалось также коснуться сокровенной надежды, избегая легких утешений.

Цитата из недавно — посмертно — изданного дневника Зигмунта Мыцельского («Дневник 1950-1959», с. 284), писателя и композитора, хорошо иллюстрирует дилемму авторов родом из-за железного занавеса: «На Западе я наверняка был бы «черным писателем», таким, который дует в трубы пессимизма, предсказывает конец Европы, мира, бессмысленность человеческого пути и эволюции нашего вида. Здесь, среди интеллектуальных и экономических оборванцев, я трублю в сурмы моральности и смысла нашего существования».

Обращает на себя внимание значительное участие поэтов в занятиях, свойственных, как правило, романистам или даже философам; в Польше, однако, поэты, вопреки аскетическим рекомендациям модернистского эстетического катехизиса, не удалились в сферу герметичных метафор и с особенным энтузиазмом исследовали болезни нашего мира; судя по интересу, который вызывает их творчество, это был удачный выбор. «Моральный трактат» Милоша студенты читали под партами в самые суровые годы сталинизма. «Поэма для взрослых» Адама Важика, опубликованная в 1955 г., развязала общенациональную дискуссию и способствовала успеху политической оттепели, а «Послание пана Когито» Збигнева Херберта, стихотворение, написанное с горечью и безо всякой надежды на перемены, на конец деспотизма, стало чуть ли не гимном для оппозиционеров 70-х и 80-х годов. При этом поэтам удавалось обращаться к широкой общественности, не снижая художественного уровня.

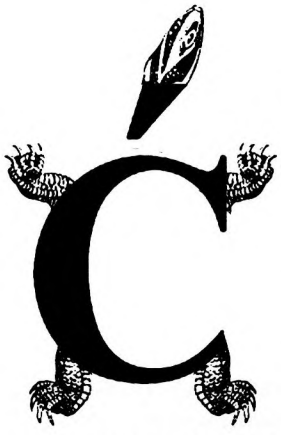
Я уверен, что не будь этого поколения Гигантов, сегодня было бы несравненно труднее писать по-польски. Единственная проблема с этим поколением — это факт, что его масштаб и благородство практически парализовали следующее поколение, лишив его шанса отыграть обычную комедию Эдипа со всей этой борьбой поколений и сожжением портрета отца. Как можно бунтовать против мучеников правды, против таких выдающихся и так прекрасно писавших свидетелей эпохи?

Есть еще одна проблема: в определенном смысле это поколение писало «из идеи», борясь, споря с идеологией, отчаянно защищая человечество, ему пришлось сосредоточиться на интеллектуальной картине мира, игнорируя потенциально бесконечное множество человеческих ситуаций, созданных не внешними, враждебными обстоятельствами, но неумолимой, имманентной капризностью мира.

Наконец, третья проблема состоит в том, что из-за упорной полемики с новейшей историей польская литература волей-неволей в определенной степени пренебрегала тем, что можно назвать «чистой», «предисторической» тематикой. Правда, писатели того поколения, например, Александр Ват или Чеслав Милош, осознали это и неоднократно говорили о необходимости обращения к сферам онтологическим, проще говоря, к немодной сегодня религиозной (то есть основополагающей) проблематике.

Писать по-польски. Каждого, кто пытается это делать, подстерегают все новые и новые опасности. Пресловутая

«нормальность», которой трудно дать определение, но о которой так мечтали граждане Восточной Европы, наконец наступила, в том числе, и в литературе; тривиальность позволена, сейчас можно легко, тривиально и довольно красиво писать о себе и обо всем остальном (прежде всего, о себе); большая и немного случайная победа демократии над тоталитаризмом может оказаться также и триумфом пошлости над ложью — ложь была сущностью коммунизма, демократия же никого не защищает от вульгарности.

Польские писатели среднего и молодого поколения, даже если сами не осознают этого, все еще ходят под зонтиком, раскрытым над ними Гигантами. В литературе, однако, зонтик не только защищает от дождя, но и закрывает звездное небо, так что неизвестно, надолго ли хватит этой эпохи.

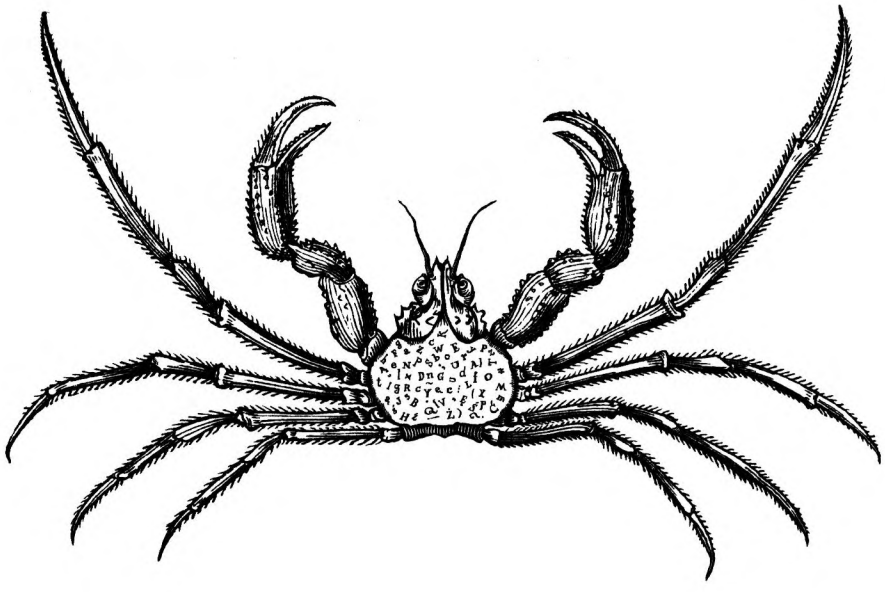
Писать по-польски? Находясь на карте между гениальными — когда-то — русскими и гениальными — когда-то — немцами? Может быть, не так уж и плохо иметь талантливых соседей, у которых к тому же несколько поубавилось таланта, а одновременно и агрессии.

Писать по-польски — в конце концов, не все ли равно, на каком языке мы пишем? Не каждый ли язык, если умело его использовать, открывает путь к поэзии, к миру? Пишущий обычно остается один на один с белым листом бумаги или бледным экраном компьютера, которые смотрят на него внимательно и свысока. Он один, хотя пишет не для себя, а для других. Вдохновленный и подавленный традицией, этим гулом умерших голосов, он старается заглядывать в будущее, которое всегда молчит. Мысли, которые он хочет выразить, как будто не относятся ни к какому языку, они гудят в нем, как еще одна стихия, наравне с воздухом, водой и огнем.

Он один; говорит о радости или печали. И свидетели его исканий — не паспортные столы и не университетские специалисты по грамматике, а солнце и смерть, две силы, которым, как сказал Ларошфуко, нам не дано взглянуть прямо в лицо.

2000 год.

gazeta WYBORCZA

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Ежи Сурдыковский в обширном очерке «Постдемократия, постполитика, постгражданин», опубликованном на страницах «Жечпопсолитой» (№ 2/2015), занимается преобразованиями, которые произошли в последних десятилетиях общественно-политической жизни в странах Запада, и указывает на прогрессирующий кризис демократии. Во вступлении читаем: «Прежняя политика была не профессиональной, но серьезной; сегодня — наоборот. Прежде ею занимались вожди, одержимые миссией, сегодня в ней работают «профессионалы»». В известной мере это правда, но не вся. В разные периоды и в разных местах, даже и после формирования современной системы демократии, с разделом трех ветвей власти и в светских государствах, власть проявляла себя по-разному, и не случайно, что политологи провели различие между такими понятиями, как «политик» и «государственный муж». В замечательной лекции «Становление человека в политике» из цикла «Маленькая школа философских раздумий» Карл Ясперс отмечал: «Величие государственного мужа мы видим тогда, когда он осознает ответственность за свободу. (…) Однако та самая ответственность великого государственного мужа (…) приводит в действие (…) двойную ориентацию: на насилие и на свободу с ее благоразумным ненасилием. Самоутверждение путем насилия требует хитрости и лжи; благоразумие же, напротив, — открытости, правдивости и надежного договора. Самоутверждение требует ответственности за фактические последствия любого политического деяния для силы собственного государства. Благоразумие требует моральных убеждений, которые согласуются с успехом, насилием и властью в том случае, если они остаются на службе внеполитической задачи человека»*.

По-моему, сто́ит вспомнить эти слова в контексте рассуждений Ежи Сурдыковского, который в завершение своего текста пишет: «Когда-то политика была не только серьезной, но и понятной. (…) Сегодняшнее государство — это сложный организм, здесь все со всем связанно, легко все испортить, а улучшить, да и то с ограниченными результатами, сумеют только профессионалы. В постполитической борьбе за власть нет места доморощенным вождям, нужны специалисты, окруженные штабом советников. Так что постепенно обычный человек перестает всем этим интересоваться. В лучшем случае он предпочитает какую-то из команд, потому что фигура лидера кажется ему симпатичней или он полагает, что тот сделает воду немного теплее**. Из того, что на политической арене исполняются непонятные для наблюдателя движения, ничего не следует: у зрителя нет намерения становиться участником. Сегодняшнее постполитическое государство уже не трактуется своими гражданами как кооператив, членами которого они являются, поскольку оно непонятное, непрозрачное; оно сложное и мощное, хотя подчас плохо работает. Это, скорее, корпорация, которую граждане нанимают за счет своих налогов, чтобы она их обслуживала. Если корпорация не отвечает требованиям, то наниматель не будет тратить силы, чтобы повлиять на контрольный совет или поменять кого-то на определенных постах. Он просто разорвет договор и наймет конкурирующую фирму. Сегодняшний постгражданин политику не понимает и понимать не хочет — как, например, высшую математику. Он хочет, чтобы его исправно обслуживала корпорация, — и это все. Но одновременно он одинок и растерян, чего в такой мере не испытывал прежний гражданин, потому что у последнего значительная часть жизни и интересов размещалась в публичной сфере, он осознавал общее благо, был одним из участников своей «Res Publica», принимая на себя как часть власти, так и ответственность. Постгражданин низвергает эти высшее виды активности, перемещая то, что он считает добром и ценностью, из публичной сферы в частную жизнь, в карьеру, семью или развлечения. Он платит налоги

* Jaspers K. Das Werden des Menschen in der Politik // Jaspers K. Kleine Schule des Philosophischen Denken. München, 1965. S. 75—76.

**Отсылка к словам Дональда Туска «о теплой воде в кране», которая часто воспринимается как синоним политики, сосредоточенной на материальном развитии общества. Прим. ред.

и взамен ожидает обслуживания. Как из этого выйти? Безусловно, мы не выйдем одни, лишь как Польша; если выйдем, то со всем миром. Демократия должна как-то измениться или окончательно рухнет. Какой она могла бы быть? Какой будет? Не знаю, я не пророк».

То, что западная демократия пребывает в кризисе, оставалось, как минимум, полвека сокрытым в тени событий холодной войны. Осознание глубины кризиса пришло с опозданием, с одной стороны, из-за краха коммунизма, а с другой — из-за бешеного темпа информационной революции последних десятилетий. Скорее всего, поэтому же в тени осталось значение революции «Солидарности» в Польше, о чем очень интересно пишет в очерке «Актуальность «Солидарности»» на страницах журнала «Одра» (№ 11/2014) Славомир Магаля, указывающий, что это движение явилось в 1980—1989 годах интронизацией «высших видов гражданской активности», присутствующей также и в современных общественных инициативах в мире: «Идея «Солидарности», как и идея равенства Французской или Американской революций, вошла в глобальный комплекс идеалов, достойных реализации. Всемирный экономической форум уже не обладает монополией на обсуждение будущего нашей планеты, потому что появился также Всемирный общественный форум, связанный с бразильским городом Порто Алегре. Мне жаль, что на нем не было представителя «Солидарности». Я даже больше жалею, что логотипа «Солидарности» не было в Порто Алегре, чем о том, что не было представителей польского правительства в Сан-Франциско при основании ООН в 1945 году (в скобках заметим, что из-за интриг СССР). Мировой общественный форум возник именно как результат творческой инициативы снизу, как проявление понимания, что нельзя оставить вопрос о будущем в руках правящих классов, даже если нам внушают, что те обладают подобной монополией. Ядвига Станишкис в изданной еще в ПНР работе «Патология организационных структур» точно подметила, что «самоограничивающаяся революция «Солидарности» сумела изменить государство, поскольку революционеры не давали согласия на ложь и отрицали патологии (хотя соглашались оставить безнаказанными часть злодеев в силу пресловутой «жирной черты»*** — и все в рамках компромисса). Этот компромисс казался разумным с точки зрения перестройки в направлении посткоммунистической демократии, но среди его подводных камней — своего рода символов соглашений Круглого Стола — мы обнаруживаем, что сегодня ограничено групповое участие в политической жизни и вне сферы повседневной дискуссии остались важнейшие экономические решения». И далее: «Не все и не везде вспоминают «Солидарность», когда гражданское общество начинает приобретать политические организационные формы. Это не значит, что ее идеалы забыты. Не каждое освободительное движение XIX века обращалось к лозунгам Французской революции или французских идеологов революции, но каждое родилось в атмосфере, в которой кружили атомы свободы, равенства, братства. Не каждое массовое общественное движение XX и XXI века обращается к лозунгам «Солидарности» или к лозунгам польских мыслителей (Абрамовского, Бжозовкого, Колаковского или Подгурецкого), но каждое родилось в атмосфере, в которой идеал солидарности прочнее, чем какой-либо иной. (…) Творческий порыв мысли «Солидарности» был основан на открытии, что диктатура, так прочно охватившая все области общественной жизни, делит общество на две неравные части, меж которыми тектонический разлом (faultline). С одной стороны — власть, с другой — ее бесправные граждане, а посередке тайные службы, частично вне юридического контроля. Молодые американцы, скандирующие в Закотти-парк возле Уолл-стрит, что они составляют 99% общества, которые не имеют финансовых капиталов, открывают важнейшие социальные, а быть может, и политические противоречия. Молодые индонезийцы или египтяне, которые отказываются голосовать за представителей военно-экономической номенклатуры, молодые бразильцы или боливийцы, которые поддерживают политиков, вступающихся за гражданские инициативы снизу, также стремятся к классовому политическому анализу, хотят выразить важнейшие различия и конфликты. Формированию «Солидарности» служили групповые, местные сообщества, которые пробовали восстановить разорванные коммунистической диктатурой сети горизонтальных, спонтанных социальных связей. (…) Но глобальная ценность открытия «Солидарности» также состоит также в ценности наследия этого движения для профессиональных союзов и классовых схваток в экономической сфере. На актуальность этого наследия

*** Жирная черта — в 1989 году первый некоммунистический премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий с трибуны Сейма, представляя программу будущего кабинета, произнес знаменитую фразу о том, что «под прошлым проводим жирную черту».

следует взглянуть сквозь призму классовой борьбы, переносящейся на политику, а также сквозь призму идеологических предубеждений, которые в этой борьбе используются. Для понимания того, что нам не удалось, это очень важно. Как «Гражданская платформа», так и «Право и Справедливость», две самые крупные политические группы в польском парламенте, выросли на почве «Солидарности». Но политическим группировкам, происходящим из этого движения, одна вещь не удалась. Не удалось нечто, что изначально не могло удаться. Навязать массовому профессионального союзу роль нового монопольного владетеля государства. В равной мере трудно вместить традиции «Солидарности» в дихотомию «левые—правые». В европейской традиции солидаризация с «underdogs» рассматривалась как фундамент левого движения, а борьба с коммунистами как прерогатива правых. «Солидарность» делала и то и другое одновременно. (…) Так что следует помнить о том, что «Солидарность» изменила общественную мысль по всем направлениям, поэтому к ее наследию могут обращаться разные группировки и люди разных биографий».

И все же по-прежнему представляется интересным факт, что в этой атмосфере мы в Польше сталкиваемся с медленным отмиранием левого движения, о чем пишет в статье «Политический прогноз на 2015 год» Ян Рокита в еженедельнике «вСети» (№ 1/2015): «Лешек Миллер имеет шанс удержаться как лидер левых социал-демократов, только лишь если ловкостью и внутрипартийной дипломатией он сумеет держать оборону до осенних выборов, а по их результатам войти в новое правительство. Но более вероятна серия внутренних конфликтов в Союзе [левых демократов], финалом которой будет непопадание, по итогам выборов, в новый парламент, а в результате историческое, окончательное исчезновение посткоммунистической формации». Это довольно драматичный прогноз для последышей ПОРП, но, может, действительно наступило окончательное время чтобы попрощаться с товарищами и построить что-нибудь новое. Пока же у левых замешательство и постоянные взаимные подозрения в измене, о чем пишет на страницах «Газеты выборчей» (№ 2/2015) Якуб Глушак в статье «Кто ненавидит левых», из которой следует, что левое движение, кажется, больше всего ненавидит оно само. Указывая на то, что возможность деятельности заблокирована двумя доминирующими партиями, Глушак пишет: «После нескольких лет компромиссного голосования за партии главного течения и полного разочарования результатами такого «реализма» мы бы хотели кого-то и в самом деле поддержать, даже если бы это оказался безумный жест, без шансов на успех. Мы, однако, позволили навязать себе правое видение левого движения как проекта, прежде всего, этического, а не политического, — реализуемого, в первую очередь, отдельными лицами, а не в публичном сфере (…). Вместо того чтобы ввязываться в бесконечные споры, кто такие «настоящие» левые, мы должны построить последовательное левое описание действительности. Стержнем этого описания должен быть экономический анализ, но необходимо открыться на любые затрагиваемые самыми разными левыми группами темы. Мы должны помнить, что между нами нет антагонизма, напротив — мы все стремимся быть песком в буксах глобального капитализма, который действует деструктивно по многим направлениям».

Но стоило бы сказать в завершение, что, быть может, упорное пребывание при все менее вразумительной оппозиции «левые-правые» ничего сегодня не объясняет: позиционирующая себя «правой» партия Качинского в своих высказываниях на тему экономики ближе социализму с национальной доминантой, чем идеям саморегулирующегося свободного рынка и реалиям капитала, который сегодня уже не имеет четко очерченного государственного статуса. Чем должен быть этот бой с «глобальным капитализмом»? Противодействием процессам глобализации? Но это то же самое, чем было в свое время английское движения разрушителей станков. Заблокировать глобализацию в долгосрочной перспективе не удаться. Не лучше ли задаться вопросом, как с ней жить и как ею воспользоваться? Быть может, это один из главных вызовов для ищущего свою идентичность нового левого движения. Второй задачей могло бы быть обобществление политики, то есть превращение ее в понятную для людей сферу активности, в которой они могли бы найти себя как граждане. Это, впрочем, также задача для политиков и журналистов, которые сегодня бесконечно перемывают кости полякам, но ни слова не умеют вымолвить на тему граждан. Пока что новые левые движения, как и партия Лешека Миллера, кажется, прежде всего отчаянно ищут способа поучаствовать во власти, а это не та позиция, которой можно ожидать от государственных мужей.

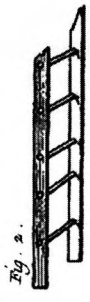
Петр Шевц

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Амоньячки

Во времена когда дела явления предметы плотно прилегали
друг к другу когда Малгося носила косы бабушка на рассвете доила
коров мама говорила что не полезет на лестницу потому что боится а я
ногтем соскребал с оконного стекла наледь в общем тогда металлической
формой выкраивались печенья мы называли их амоньячки
посыпанные сахаром пахучие ломкие они могли долго лежать
я запивал их молоком они растаяли как снежинки

14 I 2010

Букетик

Сквозь дырку от сучка заглядываю в сени на стене хрупкий
букетик память о празднике Божьей Матери Хлебной мерцают
лучи света дрогнула тень под потолком неподвижные обрывки
паутины муха летает вокруг тусклой лампочки кот бесшумно
ходит по нагревшейся крыше мне кажется за дверью звучит
радио словно ещё есть ток табуретка сундук вешалка всё
там же где всегда скрипнул пол в сенях появилась
Стася я пришла попросить соли странно она ведь давно
лежит рядом с мамой

15-16 VIII 2013

Paulina Zielona

Смертельная болезнь

Краска которую ты просяной кистью годами наносила на стены
опадает пластами
словно хочет спросить к чему были все старанья
дверь окно потолок печь стулья всё тронуто смертельной болезнью
пол скрипит стонет печная труба в буфете камнем остаток соли
зеркало покрыто пылью заржавели кастрюли
за грязными стёклами конский каштан рядом с крестом
всё больше пустого места
слова рассыпались беззвучно как горсть муки
их тоже сметёт время

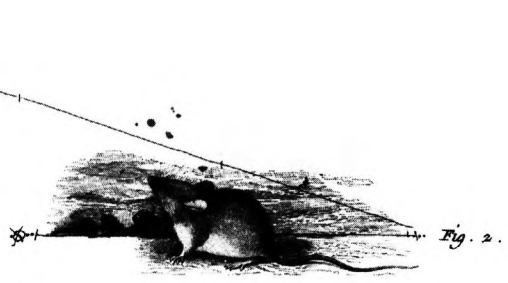
22-23 III 2014

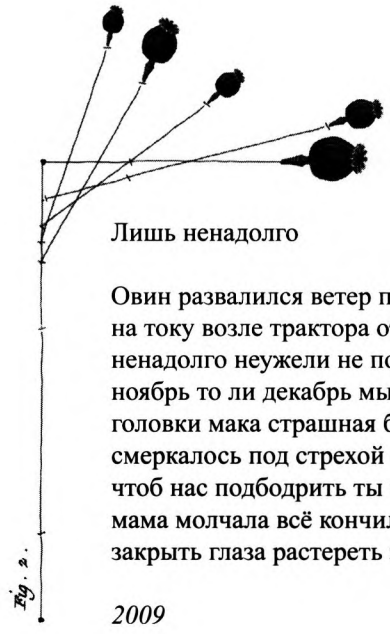

Горькие жалобы

Мыши сгрызли мак в амбаре лопаются стручки
сыплется фасоль протекает дырявая крыша с осины летят
листья пристают к ботинкам когда мы садимся на ступени
крыльца как чёрное войско текут горькие жалобы хлеб наш
насущный собери яйца говорит бабушка под холодным дождём
мокнут коровы дремлют нахохлившиеся куры мяукает кот знакомо
чертыхается соломорезка рыгает соломенной сечкой перед закатом
заблудившийся голубь ищет дом вот и улетел короткий день оторвался
от календаря торопливо переправляется через вспаханное поле

2013

Лишь ненадолго

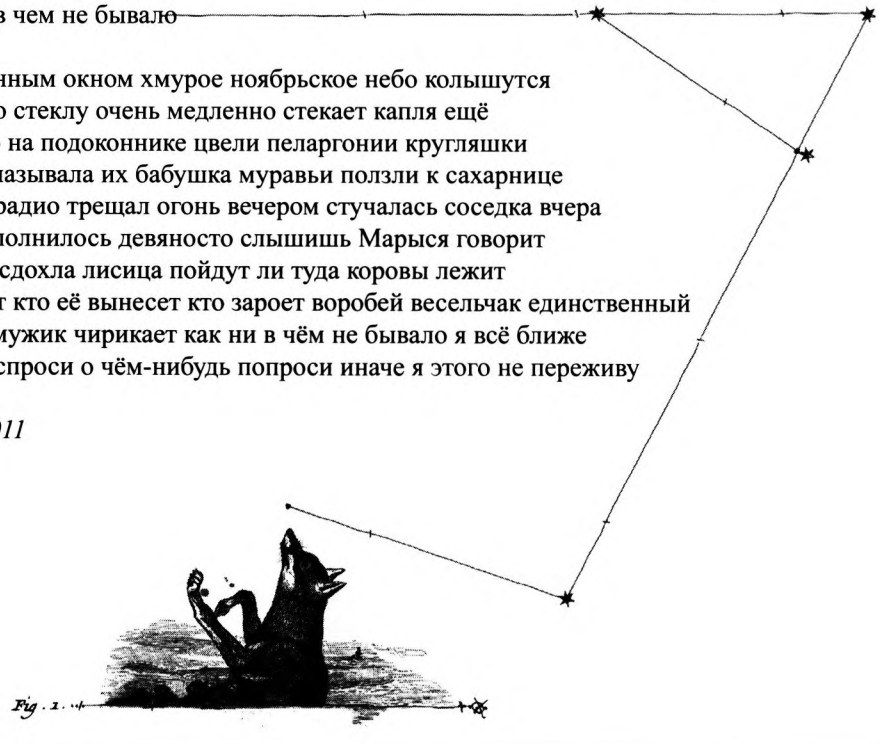
Овин развалился ветер причёсывает прошлогоднюю траву
на току возле трактора отпечатался след но и он лишь
ненадолго неужели не помнишь тепло одетые то ли
ноябрь то ли декабрь мы вскрывали ножами над ванной
головки мака страшная была скучища ноги деревенели быстро
смеркалось под стрехой сонно чирикали воробьи
чтоб нас подбодрить ты что-то рассказывала Марыся смеялась
мама молчала всё кончилось быстрей чем я мог подумать
закрыть глаза растереть замазать забыть

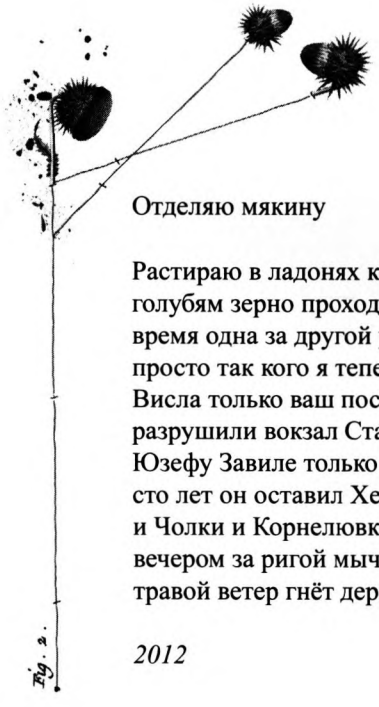
2009

Как ни в чем не бывало

За кухонным окном хмурое ноябрьское небо колышутся
ветки по стеклу очень медленно стекает капля ещё
недавно на подоконнике цвели пеларгонии кругляшки
как ты называла их бабушка муравьи ползли к сахарнице
играло радио трещал огонь вечером стучалась соседка вчера
тебе исполнилось девяносто слышишь Марыся говорит
в хлеву сдохла лисица пойдут ли туда коровы лежит
и воняет кто её вынесет кто зароет воробей весельчак единственный
теперь мужик чирикает как ни в чём не бывало я всё ближе
погоди спроси о чём-нибудь попроси иначе я этого не переживу

21 XI 2011

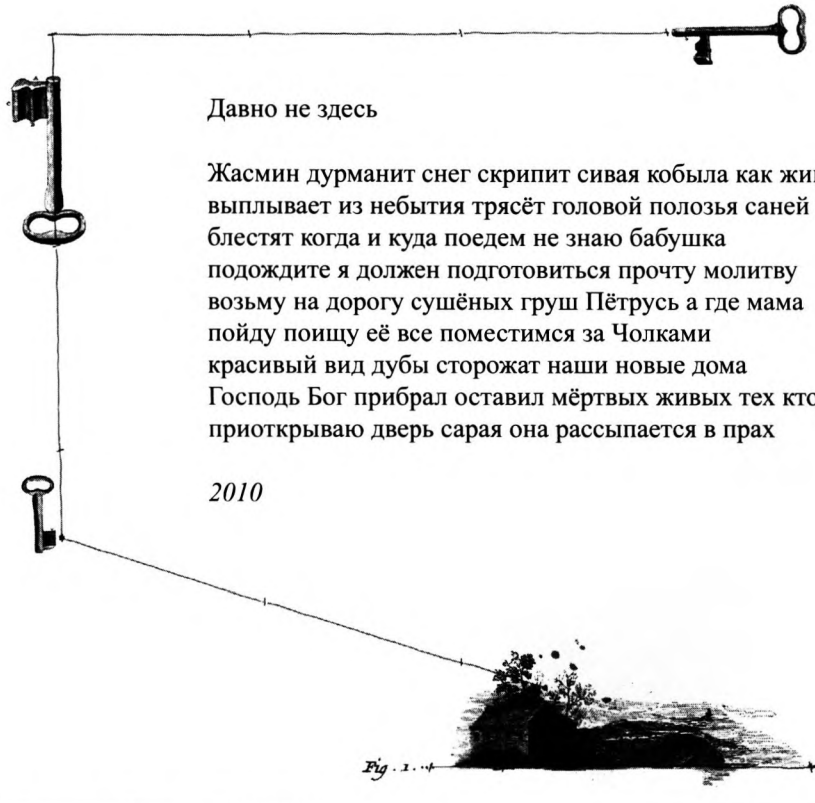

Отделяю мякину

Растираю в ладонях колосья дую чтоб отделить мякину бросаю
голубям зерно проходят лёгкие зимы жаркие лета цветёт жасмин у вас есть
время одна за другой умереть без единой жалобы уйти
просто так кого я теперь спрошу если не вспомню время течёт разливается
Висла только ваш последний дом больница стоит незыблемо
разрушили вокзал Стадион куда ты мама ко мне приезжала а пану
Юзефу Завиле только подумать бабушка стукнуло
сто лет он оставил Хелену его уже схоронили
и Чолки и Корнелювка другие хоть те же самые ещё трепещут крылья
вечером за ригой мычат от жажды коровы гумно зарастает
травой ветер гнёт деревья чертополох ранит кожу

2012

Давно не здесь

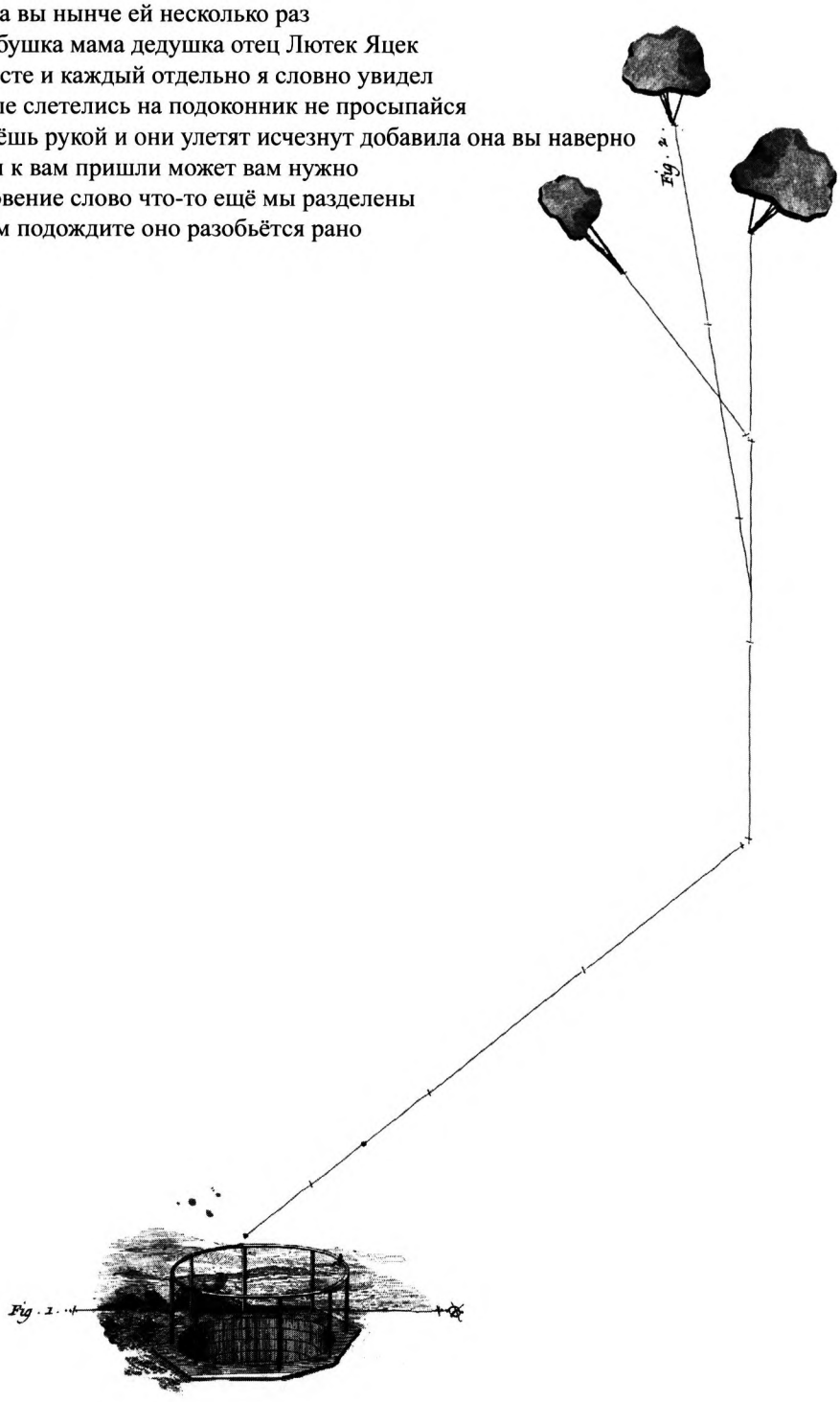
Жасмин дурманит снег скрипит сивая кобыла как живая
выплывает из небытия трясёт головой полозья саней
блестят когда и куда поедем не знаю бабушка
подождите я должен подготовиться прочту молитву
возьму на дорогу сушёных груш Пётрусь а где мама
пойду поищу её все поместимся за Чолками
красивый вид дубы сторожат наши новые дома
Господь Бог прибрал оставил мёртвых живых тех кто давно не здесь
приоткрываю дверь сарая она рассыпается в прах

2010

Тонкое стекло

Марыся сказала вы нынче ей несколько раз
приснились бабушка мама дедушка отец Лютек Яцек
все сидели вместе и каждый отдельно я словно увидел
голубей которые слетелись на подоконник не просыпайся
вдруг шевельнёшь рукой и они улетят исчезнут добавила она вы наверно
хотите чтоб мы к вам пришли может вам нужно
наше прикосновение слово что-то ещё мы разделены
тонким стеклом подождите оно разобьётся рано
или поздно

11-13 II 2010

Лешек Шаруга

КОЛОДЕЦ ПАМЯТИ

Петр Шевц (р.1961) дебютировал в 1983 году неподцензурной книгой стихов «Свидетельство». Впоследствии больше известности ему принесла проза, но писать стихи он не бросил. Подтверждением тому — сборник «Тонкое стекло»: не столько коллекция текстов, созданных в последние годы, сколько расписанная на фрагменты поэма, переносящая читателя в пространство детства и юности поэта, в окрестности Замостья (они изображены, пожалуй, более провинциальными, чем есть на самом деле). Герою этих стихов, Пётрусю, сопутствует в его странствии персонаж, упоминаемый чаще всех, — пес Цыган. А странствие небезопасно, недаром в финале книги читаем: «хочется пить опускаю ведро в колодец знакомый скрип ворота/ Пётрусь Боже сохрани вода отравлена».

Отравленная вода воспоминаний, следов памяти, всплывающих из забвения образов? Не потому ли, что большинство упоминаемых людей уже ушли, что они теперь по ту сторону? А ведь связь с ними по-прежнему есть: когда читаешь эти стихи, не покидает ощущение, что они адресованы скорее умершим, чем живым, что это просто разговор с умершими. Ведь лишь благодаря такому разговору можно сохранить память, связь с окружением, и наконец, собственную идентичность и весь уходящий мир, который составляют «стерня чащоба лесьмяны». (Шевц культивирует память о Лесьмяне, нотариусе из Замостья, фигуре из эфемерного мира уничтоженного воображения; стоит вспомнить первый роман писателя «Гибель»: возможно, именно здесь таится отравленный исток колодезной воды).

В то же время поэзия Шевца — горькая похвала провинции и безвозвратно ушедшей юности. Воспоминание о мире, в котором, как в открывающем книгу стихотворении «Амоньячки», «дела явления предметы плотно прилегали/ друг к другу». Тот мир распался, рассыпался, растворился

в страхе и трепете современности, поэтому не удивительно, что эпическое повествование разбито на лирические фрагменты, зарисовки, отрывки, которые, хоть и составляют целое, но уже не складываются в раз и навсегда скомпонованный витраж. Это целое калейдоскопическое, подвижное, обреченное на случайный ток ассоциаций: «я думал так всё и будет между тем печь остыла яблоки сгнили вороны/ склевали кукурузу столько пустого места вокруг во мне темнота/ разрастается слова гаснут». Гаснущим словам противопоставлены вплетенные в повествовательную ткань молитвенные фрагменты («текут горькие жалобы хлеб наш/ насущный»), напоминающие о все менее заметном присутствии «civitas Dei» в десакрализованном «civitas homini». И «вновь тонкие пальцы скользят/ по стеклянным четкам пусть простые твои мои наши дела/ идут своим чередом».

В сущности, мы живем в пространстве, обведенном меловым кругом, за который не выйти, как в финале стихотворения, в котором, как на школьном уроке географии, «большой мир», отмеченный названиями «Нил», «Альпы», приравнен к провинциальному миру маленького городка. Тишина, угасание звука, отголоски прошлого: «слова вязнут или вовсе/ исчезают». Эхо прошлого отзывается экзотическими звуками: «дед отбивает косу», «сонно кудахчут куры». Все проходит — неторопливо, но безжалостно, неумолимо. Это не вызывает ни испуга, ни ужаса, но все трудней выразить прошлое, вписать его в неспешный ритм стиха так, чтоб наполнить его смыслом. Снег засыпает следы бытия: «из дальних скитаний вернулся пес Цыган он тщетно ищет конуру/ вечером над двором пролетают молодые совы/ бесшумно словно знают что так надо». Что ж — наверняка так и надо: примириться с ходом времени, прекратить задаваться вопросами о смысле и, несмотря ни на что, пить из колодца отравленную воду памяти.

Эугениуш Соболь

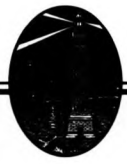
РОССИЯ — СТРАНА ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНТРАСТОВ

В последние годы в польском репортаже сформировался определенный канон описания России. Авторы книг вообще избегают Москвы и Санкт-Петербурга, словно опасаясь, что мишура и роскошь российских столиц, прежней и нынешней, смогут затмить общую картину страны. Поэтому репортеры ищут экзотики и мультикультурности на периферии России, преимущественно в Сибири или на Кавказе, полагая, что настоящая Россия находится именно в провинции. Польские авторы сторонятся политических вопросов. На этом фоне решительно выделяется книга Барбары Влодарчик «Нету единой России», поскольку десять из семнадцати помещенных в ней текстов оказались посвящены Москве.

Автор книги в 2004–2009 гг. была корреспондентом Польского телевидения в России. За этот период она сняла состоящий из тридцати трех частей телевизионный цикл «Широкая колея», в котором попыталось показать изменения, произошедшие в течение последнего десятилетия в странах бывшего СССР. Репортажи Барбары Влодарчик пользовались большим успехом у зрителей и получили ряд престижных премий — например, «Gold Plaque» на фестивале телевизионных программ «The Chicago Interantional Television Awards», премию Польской телеакадемии в категории «создатель лучшей программы», а также премию «Grand Press» за лучший телевизионный репортаж (2004). «Нету единой России» представляет собой книжную версию этого цикла, ограниченную исключительно текстами, посвященными России.

Книга Влодарчик построена на основе контрастов. Репортер смело вторгается в мир российского шоу-бизнеса и свежеиспеченных миллионеров, героями ее текстов становятся дизайнер моды, владелица охранной фирмы, фотограф ночных клубов и другие, принадлежащие к сфере «людей успеха» персонажи, благодаря которым писательница узнает ночную жизнь Москвы. При этом, задумываясь над знаменитой российской расточительностью, автор приходит к мнению, что русские богачи ведут такую жизнь, словно каждый день может стать последним, поскольку отдают себе отчет, что со дня на день могут потерять свое имущество. Особенно любопытным кажется посвященный московскому метро текст, в котором подземные станции описываются с подлинным литературным блеском. Барбара Влодарчик, следуя примеру Яцека Хуго-Бадера, решила сосредоточиться на темных сторонах России. Она описала судьбу мальчика Васи, бродяжки с Ярославского вокзала, и вездесущий алкоголизм в доме престарелых и инвалидов. Однако складывается впечатление, что взгляд через телевизионную камеру определенным образом исказил действительность. В текстах много наивного сентиментализма. Тогда как Хуго-Бадер, показывая драму и страдание, умел подчеркнуть достоинство человеческой личности.

За каждым из появляющихся на страницах книги персонажей стоит конкретная социальная проблема. Например, чтобы исследовать возрождающийся национализм Влодарчик разговаривает с неонацистом Тесаком и с чернокожим иммигрантом Жаном. Но эта разнородность, составляющая, по мнению автора, главную черту России, иногда переходит в необузданное своеволие, экстравагантность и преувеличение. Впрочем, эта разнородность — следствие атомизации общества в коммунистическом государстве. Описываемые социальные группы устанавливают собственные правила игры, и образ Россиив их глазах столь различен, что у читателя может сложиться впечатление, что они и живут в разных галактиках. За картиной России как страны, исполненной крайностей, скрываются вполне реальные проблемы: авторитарная система правления, отсутствие прозрачных принципов функционирования экономики. Русские контрасты часто граничат с абсурдом. Тут депутат городского совета, в порядке общественной инициативы, убирает улицы, там лесничий и… браконьер в одном

лице, а вот в деревне Большая Ельня под Нижним Новгородом — секта, которая поклоняется Путину как воплощению пророка.

Название книги «Нету единой России» — это очевидная ироническая аллюзия на название прокремлевской партии. Именно вместо такой — путинской, обращающейся к великодержавной идеологии — «единой России» автор книги предлагает другой — опирающийся на разнородность и мультикультурность — образ страны. Однако кажется, что русские, ошеломленные видом телевизионной камеры, очень неохотно разговаривают на трудные и опасные, особенно политические темы. Эти люди еще помнят времена СССР, когда телевидение окружал ореол святости. Представляется, что Влодарчик могла бы рассчитывать на большую открытость со стороны собеседников, если бы проводила с ними интервью как обычный журналист. А так мы получаем, скорей, шаблонные ответы русских, декларирующих поддержку правящему президенту и гордость за «достижения» СССР. В двух репортажах: «Саша — двойник Ленина с Красной площади» и «Женя и «Россия без Путина»» — автору удалось пробиться сквозь скорлупу политической верноподданности. Гуляя по Москве с поразительно похожим на Ленина Александром Корбышевым, который зарабатывает на жизнь, позируя для снимков на главной площади русской столицы, Влодарчик заметила, сколь сильные противоречия вызывает эта фигура. От безграничной любви до бешеной ненависти. Отношение к прошлому выявляет существенные (гораздо более глубокие, чем в какой бы то ни было стране Восточной Европы) разногласия, существующие в русском обществе. Героиня второго репортажа, Евгения Чирикова, — активистка, участница антиправительственных демонстраций, которые вспыхнули в феврале 2012 года после фальсифицированных, по мнению оппозиции, президентских выборов. Однако, читая этот текст об отчаянных протестах, проходящих несмотря на суровые морозы, можно, скорее, убедиться в слабости оппозиционных настроений среди россиян. Лозунг «Россия без Путина» сам по себе политической программой не является. Отсутствие демократических традиций и основ гражданского общества делает возможными злоупотребления власти, которая ловко устранила кандидата оппозиции Григория Явлинского, заменив его псевдооппозиционным олигархом Прохоровым. И именно он играет роль вождя на этом митинге. А можно ли в России получить большое состояние без поддержки Кремля? — задает вопрос журналистка.

Книга Влодарчик занимает нишу на стыке телевизионного и литературного репортажа. Благодаря камере, репортеру удалось добраться до исключительных и оригинальных людей. Автор не устраняется от выражения собственного мнения и оценок. Когда Влодарчик снимает сцену похищения молодой женщины в Дагестане, то мучится угрызениями совести. Говоря с неонацистом, провоцирует его на откровение, и тот рассказывает, как однажды убил человека, что перечеркивает его образ в глазах читателя.

Книгу завершает репортаж «Галина из Катыни», содержащий беседы с жителями деревни Гнездово, которые были свидетелями последних минут поляков, убитых НКВД. В необычайно личном тексте польская журналистка пробует вжиться в атмосферу этого места и не скрывает собственных эмоций по отношению к жертвам преступления. Благодаря книге Влодарчик читатель получает увлекательный образ России, как страны полной противоречий и контрастов, но вместе с тем он осознает, что катынское преступление — это ключевой вопрос для польско-российского единения.

Влодарчик, Барбара. ***Нету единой России.*** - Краков, 2013 (на польском языке).

Ивона Шпала

ЧТО ДАЛЬШЕ СО «СПЯЩЕЙ ЧЕТВЕРКОЙ»?

Депутаты партии «Гражданская платформа», хотя и приняли решение вернуть памятник на прежнее место, в варшавский район Прага, говорить на эту тему не желают. Но вице-президент Варшавы Войцехович заявляет: «Идея вернуть памятник на прежнее место вместе с табличкой, содержащей пояснительный текст, представляется весьма интересной».

«Спящая четверка» — памятник в честь польско-советского братства по оружию — исчезла с Виленской площади в связи со строительством второй линии метро. В 2011 г. Совет города Варшавы большинством голосов от партий «Гражданская платформа» и «Союз демократических левых сил» принял решение, что монумент после реставрации, когда инвестиционное мероприятие будет завершено, вернется на свое место. Принятое решение по-прежнему остается в силе, метро будет сдано в эксплуатацию в феврале, а на Виленской площади уже установлен постамент для памятника. Однако судьба «спящей четверки» не до конца ясна.

Еще до выборов в органы самоуправления политики, представляющие «Платформу», неофициально заявляли, что они передумали и теперь уже не хотят, чтобы памятник вернулся на свое место. Однако высказывать свое мнение открыто они не решались, так как это могло бы повредить рейтингу партии на выборах. Как пояснил наш источник, данные исследований общественного мнения показали, что избиратели «Платформы» не любят атмосферы споров.

После выборов ГП продолжает хранить молчание по этому вопросу. Повторную дискуссию о «спящей четверке» вызвал комментарий Северина Блюмштайна в столичном издании «Газеты выборчей» от 20-21 декабря), в котором он предложил, чтобы памятник вернулся на Виленскую площадь в форме урока истории, с табличкой, содержащей пояснительный текстом о его создании. «Давайте напишем на ней, чего добивались в 1946 г. коммунисты. Пусть Институт национальной памяти предложит текст, а Совет Варшавы утвердит его. (…) Может быть, тогда даже партия «Право и Справедливость» будет «за» и мы построим в столице большой исторический компромисс», — написал Блюмштайн.

«Местом для исторических дискуссий должны быть музеи, а не зал заседаний городского совета, — возразил на это Ярослав Шостаковский, возглавляющий депутатский клуб «Гражданской платформы». «Сегодняшняя ситуация, когда памятника нет, всех устраивает. Наша позиция по этому вопросу не изменилась. Если мы дозреем до иных решений, то немедленно проинформируем об этом вашу газету», — добавил он, игнорируя действующее постановление.

«Я считаю, компромиссом было бы установить памятник на Кладбище-мавзолее советских солдат, — комментирует Ярослав Краевский, председатель депутатского клуба партии «Право и Справедливость». — Разумеется, необходима соответствующая табличка, информирующая о роли Красной армии и об исторических контекстах, связанных с периодом от Второй мировой войны до 1989 года».

Лидер партии «Право и Справедливость» добавляет, что обсуждение судьбы «спящей четверки» может быть проблематичным, ибо «Гражданская платформа» сначала голосовала за реставрацию памятника и возвращение его на место, а сегодня стремится затушевать эту тему и блокирует ее обсуждение на форуме Совета.

Зато для разговоров открыта ратуша. «Идею журналиста Северина Блюмштайна я нахожу интересной, — говорит ответственный за инвестиции вице-президент Яцек Войцехович (ГП). — Тема вызывает бурные эмоции, однако, учитывая то, что сказала госпожа президент Варшавы, новому Совету Варшавы следовало бы вернуться к этой проблеме и наново занять официальную позицию по этому вопросу.

Вице-президент Ярослав Юзвяк (ГП), осуществляющий надзор за общественными консультациями, утверждает: «Мы готовы к дискуссии. Место, которое мы подготовили для памятника на Виленской площади, не нравится части жильцов близлежащего дома. Мы готовы обсудить любое другое место. Может быть, лучше будет разместить памятник в Музее Праги, ведь «спящая четверка» — часть истории этого района».

gazeta WYBORCZA

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Знаменательным днем для польского кино стало 15 января. Оказались исполненными (пожалуй, даже перевыполненными) ожидания и надежды кинематографистов. «Ида» Павла Павликовского была выдвинута на «Оскар» в двух номинациях: как лучший неанглоязычный фильм и за операторскую работу (Рышард Ленчевский и Лукаш Жаль). Две польские документальные ленты: «Иоанна» Анеты Копач и «Наше проклятье» Томаша Сливинского — примут участие в конкурсе короткометражных документальных фильмов. Анна Беджицкая-Шепард номинирована за костюмы к «Малифисенте» Роберта Стромберга, где главную роль играет Анджелина Джоли.

» «Ида» — это десятая номинация на «Оскар» для польской картины в категории «неанглоязычный фильм». Ранее шансы на статуэтку имели «Нож в воде» Романа Поланского (1963), «Фараон» Ежи Кавалеровича (1966), «Потоп» Ежи Гофмана (1974), «Земля обетованная» (1976), «Барышни из Вилько» (1970) «Человек из железа» (1981) и «Катынь» (2007) Анджея Вайды, а также «В темноте» Агнешки Холланд (2011). Увы, ни один из этих фильмов «Оскара» не получил.

В нынешнем году серьезным конкурентом «Иде» станет российский «Левиафан». Кто все же получит статуэтку, мы узнаем 22 февраля во время торжественной церемонии в голливудском «Dolby Theatre».

» В январе в польских кинотеатрах начался прокат экранизации пьесы Дороты Масловской «Между нами все хорошо». Камерная, блистательная сатира на наши сражения с идентичностью после трансформации строя. Пьеса Масловской была написана по заказу варшавского театра миниатюр «ТР Варшава» и была там с успехом поставлена в 2009 году Гжегожем Яжиной, который также стал режиссером фильма. ««Между нами все хорошо», — пишет Бартош Стащинский на портале Culture.pl, — это остроумное повествование о пустых формах, создающих социальную ткань: о языке, политике и театре культурных ролей. Рассказывая о разных взглядах на польскость, Яжина насмехается над каждым из них. Он создал смелый и значительный фильм, в котором из потока гэгов и каламбуров вырастает грустное повествование о Польше XXI века».

» Похоже, однако, больше публики соберет другая премьера января — «Зерно правды» Бориса Ланкоша по мотивам детектива Зигмунта Милошевского. Фильм о прокуроре Шацком (в этой роли великолепный Роберт Венцкевич) рекомендует на страницах «Газеты выборчей» Кшиштоф Варга: «Тем, кто не читал роман, скажу лишь, что события разворачиваются в Сандомире, где происходят ужасные преступления. Что интересно, убийцу вдохновляет знаменитая своей дурной славой картина Кароля де Прево, находящаяся в местном кафедральном соборе и представляющая ритуальные убийства, осуществляемые евреями. Картина эта — эманация провинциально-приходского антисемитизма, но для безумца, совершающего в Сандомире серийные убийства, она становится интеллектуальным ресурсом». Больше всего восхитили Варгу в фильме Ланкоша диалоги: «Сценарий сценарием, съемки съемками, музыка музыкой, но какие же здесь диалоги! Какая здесь правда фразы! Какие в этих диалогах гениально появляющейся диагнозы — не только касающиеся уголовного дела, но и сущности польскости. Я вполне убежден, что это фильм с лучшими диалогами за много лет, да еще вдобавок это польские диалоги — даже трудно поверить: настолько они точные, настолько саркастичные, настолько, наконец, — а одного этого вполне достаточно! — невероятно забавные». После такой рекомендации — аудитория обеспечена.

» 13 января в Большом театре – Национальной опере в Варшаве вручались, уже 22-й раз,

«Паспорта «Политики»». В области кинематографа «Паспорт» получил Ян Комаса за фильм «Город 44», в котором трагедия варшавского восстания рассказывается современным, близким молодому зрителю языком. В области литературы отмечен Зигмунт Милошевский — за создание цикла детективных романов о прокуроре Шацком, где захватывающая интрига объединяется с проницательной картинной современной Польшей и диагнозом ключевых социальных проблем. Два музыкальных «Паспорта» получили: «Паблопаво» за варшавские песни и группа «Квадрофоник» (серьезная музыка). В визуальных искусствах отмечен Якуб Войнаровский, автор оформления польского павильона на Венецианском биеннале архитектуры. Театр: Радослав Рыхцих — за яркую режиссуру спектакля «Дзяды» в «Новом театре» в Познани (Гусляр, Конрад и Призрак предстают как персонажи из фильмов Тарантино, Линча или Кубрика).

Премия «Творец культуры» присуждена Агнешке Холланд — за сопряжение самобытного авторского взгляда на кинематограф с жесткими правилами развлекательного кино. За открытость, смелость в создании высокого искусства и бескомпромиссность высказывания непопулярных идей в публичной жизни. За то, что своим творчеством не позволяла нам забыть об истории и парадоксах Восточной Европы. Специальную премию «Паспортов «Политики»» получило объединение «Еврейский исторический институт» — за инициирование создания и значительное участие в организации Музея истории польских евреев «Полин».

» Президент Познани и ректор Университета Адама Мицкевича учредили Познанскую литературную премию. У премии два символических патрона — Адам Мицкевич и Станислав Баранчак, который родился и учился в этом городе. Предполагаются также и два лауреата. Мицевичевская премия предназначается для уже признанного творца, а премия-стипендия Станислава Баранчака — для начинающего. Премию будет присуждаться ежегодно, первый раз — в нынешнем мае, во время фестиваля «Познань поэтов».

» На рубеже XIX и XX века в Европу ворвалась мода на Японию. Преимущественно в Париж, но также и к нам, на Вислу. Об этом говорит выставка «Шедевры японского искусства в польских коллекциях», организованная по случаю празднования двадцатилетия музея «Манга» в Кракове. На ней показано почти 500 произведений. В частности, из собрания Августа II Сильного, электора саксонского и короля Польши, чья коллекция китайского и японского фарфора была одной из богатейших в Европе. 6 500 предметов (ксилография, милитарика, скульптура, ткани, изделия из лака и эмали, бронза) собрал Феликс «Манга» Ясенский (1861–1929), по происхождению помещик, знаток и критик искусства, меценат художников, публицист и музыкальный критик, — создатель самой крупной коллекции японского искусства в Польше. Именно от его псевдонима происходит название краковского Музея японского искусства и техники «Манга», созданного в 1994 году благодаря усилиям Анджея Вайды и Кристины Захватович. На строительство музея режиссер передал премию Киото, которую он получил от Фонда Инамори. Проект здания — это работа японского архитектора Арата Исозаки.

Японские сокровища из польских коллекций можно будет обозревать до 17 мая.

» По случаю 85-летия Юзефа Вильконя в Олимпийском центре в Варшаве 14 января открыта юбилейная выставка «Юзеф Вильконь — живопись, скульптура», подготовленная галерей искусства «Limited Edition». Вильконь, один из крупнейших польских художников, известен, прежде всего, как замечательный иллюстратор. Его свершения в области иллюстрации — это около двухсот книг для детей и для взрослых. Охотнее всего художник изображает зверей и природу. В начале 90-х годов он заинтересовался скульптурой. Из дерева и жести создает огромный бестиарий — «Ковчег Вильконя»: рыбы, птицы, летучие мыши и другие звери, которые постоянно путешествуют и выставляются во все новых местах в Польше и по всему миру. Выставка продлится до 1 февраля.

» В Центре польской сценографии Силезского музея в Катовице 14 января открылась выставка работ Ежи Скаржинского (1924–2004). Скаржинский — художник-постановщик, в частности, «Рукописи, найденной в Сарато-

се», «Санатория под клепсидрой», экранизации «Истории желтой туфельки». Художник создавал также комиксы, иллюстрации (к книгам Филиппа Дика, братьев Стругацких, Джо Алекса). Его рисунки хорошо знали читатели журнала «Пшекруй» и газеты «Жице литерацке». В Катовице показаны нетипичные работы — периода детства и ранней юности. Будущий художник рос в артистической семье, которая передала ему свои музыкальные, театральные и литературные увлечения. Выставку «Рисунки из школьных тетрадей, или как Юрек стал сценографом» можно посмотреть до 15 марта.

» Началось празднование 250-й годовщины польского публичного театра. По этому случаю варшавский «Театр драматичный» — когда-то гордость города — поставил «Мошенника», знаменитую пьесу венгерского писателя Дьёрдя Шпиро. Шпиро — один из крупнейших современных писателей, знаток польской культуры, автор романа «Под знаком Икс», запрещенного в Польше 80-х годов как пасквиль на наших национальных героев. Он написал также роман «Мессии» — одну из самых значительных книг, посвященных нашему романтизму. Спектакль поставил Габор Мате, художественный руководитель знаменитого Театра Йожефа Катони в Будапеште. Предполагался успех, а получилось горькое подведение итогов.

Витольд Мрозек написал в «Газете выборчей»: «Скажем прямо, «Театр драматичный», каким мы его знали, практически перестал существовать. Когда в 2012 году варшавские депутаты вместе с госпожой президентом города объединили его с «Театром на Воле» и со сценой «Передовик», создавая драматургу Тадеушу Слободзянеку театральный мультиплекс, они вынесли «Драматичному» смертный приговор. Над прекрасным актерским ансамблем учинили децимацию. Мы уже не увидим во Дворце культуры и науки Кристиана Люпу, который многие годы ставил там спектакли, столь значительные, как «Изничтожение», «На вершинах царит тишина», «Персона Мэрилин». (…) Славный юбилей «Драматичный» решил почтить премьерой «Мошенника» — пьесы о Войцехе Богуславском, отце национальной сцены, актере, драматурге и переводчике. Рискованное это решение — поставить «Мошенника» в «Драматичном». Действие разворачивается в театре. В театре, в котором дела идут скверно. Конъюнктурщик директор с властью запанибрата. На сцене беспомощные, случайные актеры, репертуар поверхностный, зрителей считают идиотами. Откуда мы это знаем?»

» Дождалось переиздания «Искусство режиссуры» Зигмунта Хюбнера (1930–1989). Книга прежде была выпущена лишь один раз, очень скромным тиражом, в 1982 году. На ней воспитывалось уже два поколения людей театра. Этот уникальный компендиум знаний о театральной режиссуре был создан выдающемся интеллектуалом, видным творцом польского театра — актером, режиссером, директором театров (в частности, театра «Повшехный» в Варшаве), многолетним преподавателем и деканом режиссерского факультета Государственной высшей театральной школы в Варшаве. Издатель книги — Фонд театра гражданской мысли.

» 15 января на книжных прилавках появилась книга «Черный Ангел. Повесть об Эве Демарчик» (издательство «Знак»). Мы прекрасно помним: необычайный голос, черное платье, сдержанность жеста. Харизматическая и таинственная артистка. Как начинала? Когда в 1962 году робкая студентка Краковской государственной высшей театральной школы вышла на сцену и запела «Ребекку» Мариана Хемара, в «Погребке под Баранами» «воцарилась тишина, как во время Вознесения». Вскоре Эва Демарчик (р. 1941) стала самой яркой звездой «Погребка». Написанные Зигмунтом Конечным «Карусель с мадоннами», «Grande Valse Brillante» и монументальные «Черные ангелы» на слова Веслава Дымного, столь отличные от тогдашних хитов эстрадной музыки, уже в 1963 году принесли артистке славу и лавры на фестивалях в Ополе и в Сопоте, а затем по всей Европы. Бруно Кокватрикс, директор парижской «Олимпии», увидел в ней вторую Эдит Пиаф и на коленях молил приехать во Францию. Она пела трудные тексты — например, Тувима, Бялошевского, Бачинского. Почти исключительно по-польски. Но, несмотря на это, ее сольные концерты — в парижской «Олимпии», нью-йоркском «Карнеги Холл», на Кубе, в Бразилии — притягивали толпы. Отмеченная множеством наград (а том числе французским Офицерским крестом Почетного Легиона), Эва Демарчик и по сей день считается самой выдающейся польской вокалисткой.

Она была великим откровением, великим свершением — и неожиданно исчезла; более десяти лет последовательно избегает публичных выступлений, не дает интервью. Сейчас мы получаем ее поразительный портрет, авторами которого стали две журналистки — Ангелика Кузьняк и Эвелина Капрач-Оболадзе.

Прощания

» 23 декабря 2014 года в Лозанне умер Ежи Семков — крупная индивидуальность мирового дирижерского искусства, пропагандист польской музыки за рубежом. Произведениями Монюшко, Курпинского, Шопена, Шимановского, Лютославского, Бэрда и Пендерецкого он дирижировал в Нью-Йорке, Кливленде, Далласе, Москве, Париже, Берлине, Венеции и Риме. Ежи Семков был в свое время художественным руководителем Варшавской оперы и первым дирижером Королевской оперы в Копенгагене. Он также исполнял функции директора и первого дирижера симфонического оркестра в Сент-Луисе (США). В конце 70-х годов принял руководство оркестром Итальянского радио и телевидения RAI в Риме, затем руководил оркестром филармонии в Рочестере (США). Ему было 86 лет.

» 24 декабря 2014 года в Варшаве умер Кшиштоф Краузе, кинорежиссер и сценарист, создатель многих знаменитых фильмов (в их числе «Уличные игры», 1996; «Долг», 1999; «Мой Никифор», 2004; «Папуша», 2013). Больше всего премий получила его картина 2006 года «Дворец Спасителя», сценарий которой основан на реальных событиях. Критики и публика единодушно признали «Дворец Спасителя» одним из лучших фильмов последних лет. Кшиштофу Краузе был 61 год, ему не удалось справиться с онкологическим заболеванием. Режиссер похоронен в Казимеже-на-Висле.

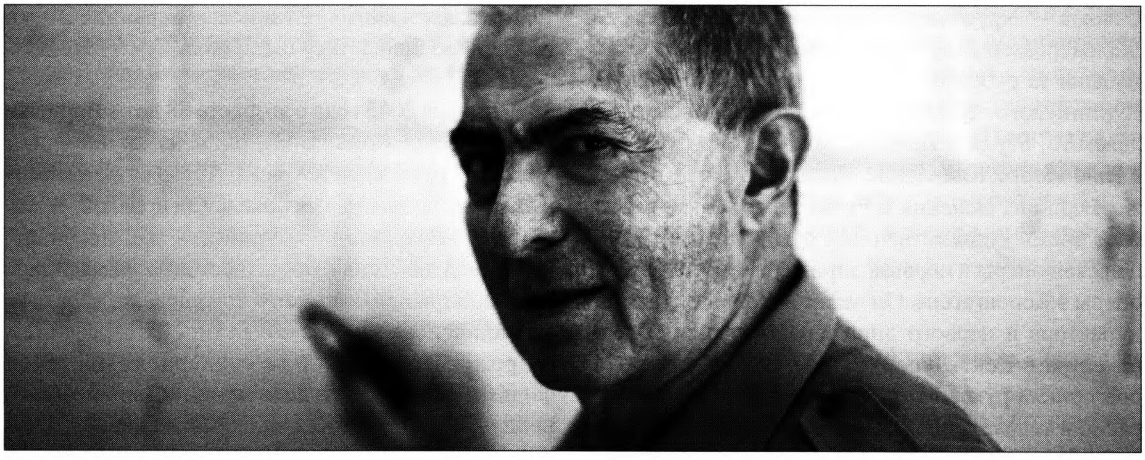
» 26 декабря 2014 года в своем доме в Ньютонвилле, пригороде Бостона, умер Станислав Баранчак — поэт, один из крупнейших представителей «Новой волны», переводчик, эссеист, литературный критик, деятель демократической оппозиции. За участие в создании и деятельности Комитета защиты рабочих он был осужден на год тюрьмы с отсрочкой приговора, исключен из университета, его произведения запретили публиковать. В 1981 г. эмигрировал в Соединенные Штаты, преподавал в Гарвардском университете на кафедре польской литературы. Его значительное творческое наследие включает литературоведческие работы, эссеистику, оригинальное поэтическое творчество, переводы. Среди последних наиболее известные известны его переводы произведений Шекспира и английских поэтов-метафизиков XVII века. В одной из некрологических публикаций написано: «В своих стихах он не только учил нас не доверять основанному на лжи новоязу ПНР, но также убеждал, что словом можно противопоставить себя власти». Станислав Баранчак много лет тяжело болел. Ему было 68 лет.

» 7 января 2015 года в возрасте 88 лет в Варшаве умер Тадеуш Конвицкий, один из крупнейших польских писателей XX века. Автор книг, на которых воспитывалось три поколения поляков, — например, «Современного сонника», «Вознесения», «Хроники любовных происшествий», «Календаря и клепсидры», «Польского комплекса», «Малого апокалипсиса». Он также был кинематографистом — режиссером, автором сценариев. Поставил фильмы «Последний день лета», «День поминовения», «Сальто», «Как далеко, как близко», «Долина Иссы», «Лава». Актер Ольгерд Лукашевич на похоронах Тадеуша Конвицкого на варшавском кладбище Воинские Повонзки сказал: «Он был для нас семейным писателем, мы часто читали его книги вслух. Это писатель, который сумел нас осудить, разглядеть нашу мизерность и присущую иногда польской оппозиции мелкотравчатость. Он пронизывал нас издевкой и милосердием. Конвиций был тем, кто, как Адам Мицкевич, вел диалог с отчизной, а одновременно показывал портрет человека ПНР — человека преследуемого, за которым следят, которого в любой момент могут посадить».

» 11 января в Кракове умерла Данута Михаловская — актриса подпольного «Рапсодического театра», а позже краковского «Старого театра», педагог Краковской государственной высшей театральной школы, многолетний друг Кароля Войтылы. Среди ее сценических достижений, среди иных, роли Татьяны в «Евгении Онегине» Пушкина, Телимены в «Пане Тадеуше» Мицкевича, Музы Востока в «Беневском» Словацкого, Магдалены в «Доме Бернады Альбы» Лорки. В 1994 году Данута Михаловская опубликовала фундаментальный труд «Об основах польской сценической речи». Ей было 92 года.

МЯГКОЕ ПОДБРЮШЬЕ НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛЬШИ

С Каролем Модзелевским беседует Павел Решка

ПАВЕЛ РЕШКА: Что такое независимость? Это понятие изменилось, раз мы все чаще делегируем принятие решений надгосударственным институтам?

КАРОЛЬ МОДЗЕЛЕВСКИЙ: Для одних изменилось, для других — нет. Например, часть последовательных либералов считает, что такому понятию, как нация, уже приходит конец.

А он приходит?

По-моему, даже не собирается. В рамках таких структур, как ЕС, часть своих суверенных решений государства передают совместным органам. Они ограничивают суверенность, не теряя независимости.

Когда-то идея была в том, чтобы Европа превратилась в единое государство.

Не знаю, дойдет ли до этого, именно из-за сопротивления национального материала. Но, даже если мы будем в одном государстве, это не означает, что в нем не будет наций.

Сами вы интересно обретали национальное самосознание. Учили польский язык, бегая вокруг стола и распевая польскую народную песню «Краковячек».

До сих пор помню: «Сабля заржавела, в битвах не звенела». Что ж, в польскость меня бросила жизнь, и польскость это мой выбор. Я — лабораторно чистый случай обретения национального самосознания через социальный контакт — в данном случае, через контакт с детьми. Я был русским в советском детдоме, а с девятилетнего возраста я становился поляком среди польских ровесников.

В межвоенное десятилетие мало кто верил, что все вот-вот закончится. Точно так же после 1989 г. мы быстро привыкли к мысли, что нам ничто не угрожает. Теперь, во время кризиса на Украине, мы вдруг задумались: «А может быть, все это дано нам не навсегда?»

Оно и дано нам не навсегда. После 1989 г., а особенно после 1991 г., то есть после распада СССР, возникло убеждение, что война в Европе, в пределах евро-американской культуры, невозможна. Но так же думали и перед Первой мировой войной, и перед Второй…

Так что, если мир не дается раз и навсегда, то и независимость не дана раз и навсегда.

От мифа «войны больше не будет» Европа быстро излечилась: в 90-е годы разразился кровавый конфликт на Балканах. Югославы горько шутили: «Европа избавляется от границ, а мы их импортируем».

Да, но Югославия и СССР — это хорошие примеры того, что нации не исчезли.

А то, что произошло в Крыму?

Формально, это, конечно, аннексия. Однако не следует забывать, что большинство населения полуострова — не только русскоязычные люди, но попросту русские. До решения Хрущева, который в 1964 г. провел включение Крыма в состав Украинской Советской Социалистической республики, эта территория не была связана с Украиной.

Александр Солженицын в книге «Россия в обвале» писал, что украинцы платят за «алчность», то есть, за то, что приняли в состав независимого государства Крым и несколько областей на востоке и юге.

Солженицын всегда был русским националистом. Может быть, мягким, но националистом.

Знаете, у россиян травма после развала СССР. Там сошлось несколько факторов. Падение строя. Экономический кризис, связанный с упадком коммунистической экономики. Распад государства. Государство было многонациональным, но экономика его была единой. Такие регионы, как Донбасс, были частью этой экономики. Кроме того, в Донбассе живет, по большей части, русскоязычное население. Украина объявила независимость, но благодаря, например, Донбассу, были уже готовые зачатки раздробленности национального государства.

Русский патриотизм или национальная идея — они как будто не изменились с XIX века. Они по-прежнему основаны на принципе захвата или защиты территорий.

Это всегда было имперское сознание. Россия — последняя колониальная империя, отягощенная тяжелой травмой после трансформации. Трансформация означала там жесткое вступление в конкуренцию со всем миром, в которой у большой, неэффективной, лишенной доступа к технологиям экономики не было шансов. Промышленная империя рухнула. Вдобавок россияне знают, что их империя распалась после того, как проиграла в холодной войне, то есть в конфронтации с Западом — прежде всего, с Америкой. Горбачевская перестройка должна была замедлить падение, но она не удалась. Модернизация была безрезультатной, либерализация оказалась смертоносной. Можно провести аналогию с Германией после Версальского договора. Там тоже были травма и кризис.

Как это выглядело у нас?

Мы — когда трансформация задавала жаiру большой части общества — могли сказать себе: «Но зато мы вернули себе свободу, Москва больше не давит на нас». Русские не могли так сказать.

Вы долго не ездили в Россию.

Это верно. С тех пор, как мне исполнилось 18, я туда не ездил. Боялся, что мне не разрешат вернуться в Польшу, скажут, что я их. Поехал в 1989 году.

Второй раз, в 1991 г., мы с братом поехали на Урал, в Набережные Челны. Там есть завод «КАМАЗов», такая Новая Гута, только в кубе. Мы остановились в совхозе Мамадыш в поисках чая. В одноэтажном бараке, где был магазин, за прилавком стояла красивая татарка. —Кофе есть? — Нет. — Чай? — Нет. — А что есть? — Компот из изюма. У нас была с собой булка и колбаса, одолжили у продавщицы нож. Через минуту она спросила с улыбкой, дадим ли мы ей что-нибудь за пользование ножом. Мы дали ей несколько шоколадок. Она спросила: «Может быть, у вас еще есть? Я куплю». Брат достал из сумки конфеты и дал ей горсть. Прибежали ее подруги, защебетали над этими сладостями, как воробьи. В какой-то момент продавщица взглянула на нас и грустно сказала: «Простите нас, пожалуйста, совсем в этой глуши одичали. Как будто мы не в Европе».

Наша независимость под угрозой?

Не думаю, что в ближайшее время нас ждет что-то плохое со стороны России. Однако в перспективе опасность существует. Мы не можем быть уверены, что наше будущее в качестве независимого государства надежно обеспечено в бесконфликтной Европе. С этим покончено.

Владимир Путин далеко зашел: он обещал защищать членов «русского мира» по всему земному шару — это намного больше, чем просто защита русских, живущих за границей.

«Русский мир», то есть те, кто способен общаться на русском языке… Скажу вам, что нам обоим это не предвещает ничего хорошего. Мы оба знаем русский язык. Путин может прийти нам на «защиту» [смех].

Глядя на то, что творится на Востоке, можно смело сказать: у нас все не так уж плохо.

Вы имеете в виду трансформацию конца 80-х и начала 90-х? Мы модернизированная страна-член ЕС, более или менее интегрированная с Евросоюзом. В этом смысле нам повезло.

Но вы считаете, что у нас не все получилось.

Я писал об этом и до сих пор так считаю. Я имел в виду сильное социальное неравенство и уничтоженные братские связи. Перестройка оставила за чертой, или за бортом, значительную часть общества. Для трансформации использовался миф «Солидарности», который сегодня разрушен.

Что осталось?

Синдром обманутого доверия, который, подобно токсину, разъедает польское государство и польскую политику. Так что не факт, что у нас все отлично и остается только радоваться.

Я не призываю излучать оптимизм, но разница есть. За границей дела пошли хуже.

Определенно, с точки зрения социального равновесия, перестройка в России вышла значительно хуже. Однако Россию трудно сравнивать с Польшей. Они знают демократию по фильмам, книгам и радиостанции «Свобода», а не из практики. Создать демократическую культуру за короткое время невозможно.

А с нашей демократией все в порядке?

Мы стояли с Кшиштофом Козловским* на телевидении перед выходом в эфир. Это было во время президентских выборов в 2000 году. Я плохо отозвался о состоянии польской демократии, а Козловский возразил: он утверждал, что с нашей демократией дело обстоит лучше, чем с довоенной; что, в конце концов, мы еще не убили президента и не свергли легальное правительство путем государственного переворота.

Он был прав. Но это не отменяет того факта, что у нас мягкое подбрюшье, и что об этом нужно говорить. Можно, конечно, молчать, делая вид, что все прекрасно. Но угрозы от этого не исчезнут. Просто мы не будем их ощущать.

А мягкое подбрюшье — это…?

Убеждение, что Польша не является нашим общим государством.

И только?

Согласно этому убеждению, государством завладевает то одна, то другая сторона политического конфликта, а правительство враждебно по отношению к обществу.

Чья это риторика?

В основном, ею пользуется «Право и Справедливость», но это не дело рук одной партии, а общественное убеждение, которым могут воспользоваться различные формации. Это эффект синдрома обманутого доверия.

«Гражданская платформа» тоже этим пользуется. Двум главным партиям выгоден резкий раскол.

«Платформе» это позволило дважды выиграть выборы.

Страх перед «сумасшедшими» из партии «Право и Справедливость»?

Речь идет не о сумасшествии. Правление этой партии было — по моему мнению — попыткой построить, по сути дела, полицейское государство.

Почему вы так считаете?

Я имею в виду полицейско-прокурорскую практику IV Речи Посполитой. Однако эти вопросы не стали темой ни телевизионного шоу, то есть следственной комиссии, ни судебного процесса, и теперь стираются из памяти молодого поколения.

Но это правда, что «Платформа» выезжала на страхе перед ПиС. И я согласен, что двум главным партиям нужен такой раскол.

Политическая игра?

Ее ведут обе стороны. Важно, что она ведется в психосоциальных реалиях, допускающих такую игру.

---

*Кшиштоф Козловский (1931-2013) — польский журналист, политический деятель, руководитель спецслужб. Здесь и далее прим. пер.

Способствующее расколу общественное настроение вытекает из неравенства?

Оно вытекает из ощущения, что «нас обманули», разумеется, на фоне неравенства, углубленного трансформацией. Неравенство воспринимается еще острее из-за того, что, при деградации одних, другие хорошо устраиваются в жизни. Думаю, общество ощущает отстраненность от принятия решений.

То есть?

Я имею в виду решения, связанные с выборами. На первых выборах, в 1989 г., посещаемость была самой большой по сравнению со всеми последующими. К урнам пошли люди, помнившие первую «Солидарность» как свой опыт, переживание свободы, создаваемой собственными руками. Во время военного положения они сдались, но в 1989 г. могли сказать: «Мы победили». Однако вскоре оказалось, что они проиграли.

И сегодня думают…

«Кто-то украл у нас победу».

Насколько высок уровень разочарования? Он увеличивается? Ведь у нас в Польше — несмотря на мировой кризис — постоянный экономический рост.

Уровень разочарования был бы значительно выше, если бы мы оказались втянутыми в мировой кризис так же, как страны, которые экономически выглядели лучше нас. Откровенно говоря, так обязательно бы случилось, будь мы в зоне евро.

Может быть, нужно время? Страна будет богатеть, а разочарование граждан ослабевать.

Будем надеяться. Пока правящая формация может хвалиться, что мы противостоим кризису. Но это не устранит того токсина недоверия, а лишь замедлит его распространение, так чтобы под крышкой не клокотало.

А что устранит токсин недоверия?

Равенство и братство.

Я не шучу.

Не сомневаюсь. Равенство и братство — звучит хорошо.

Звучит хорошо, хотя сегодня трудно достичь этих идеалов. Может быть, понемногу получится. Это путь к восстановлению социальных связей. Кризис социальных связей выражается в отсутствии доверия к собственному, независимому государству.

Может быть, нам не хватает объединяющей идеи? Чего-то, к чему стоит вместе стремиться?

Такой идеи у меня под рукой нет, как и склонности ее провозглашать. Хотя она может появиться.

Поляки — патриоты?

Патриот — понятие неоднозначное. Те, кто считает себя патриотами, обвиняют других в отсутствии патриотизма. То же самое происходит с другой стороны. Есть и такие, кто вообще предпочитает не употреблять этого слова.

Можно спросить, привязаны ли поляки к своему независимому государству. Часть из них нет.

Например?

Те, кто считает себя националистами, не привязаны к государству: они полагают, что его нужно свергнуть. Другая часть — кажется, еще более ничтожная, чем националисты — считает национальное государство пережитком и хочет двигаться к полной интеграции в рамках глобальных взаимосвязей. Они говорят, что нужно забыть о нациях, важны регионы: «аквапарк в нашем городе!». Есть и такие, кто борется за то, чтобы завладеть идеей национального сообщества и независимого государства. К последним относятся две основные партии. «Гражданская платформа» в своем отношении к государству напоминает органичников**, а у партии «Право и Справедливость» отношение к нему— романтическое, по крайней мере, так это хочется назвать.

А оно не романтическое?

Романтический здесь антураж. Во всяком случае, и те, и другие считают себя патриотами.

А общество?

Здесь, кажется, патриотами считает себя большинство.

Потому что поляки начали гордиться Польшей?

Патриот не обязан гордиться. Он должен хотеть, чтобы в Польше было как можно лучше, но замечать и недостатки. Стефан Жеромский был патриотом. Бывало, что он гордился Польшей, но, по большей части, она не составляла для него предмета гордости.

Праздник 11 ноября — это день маршей. Один марш организует президент, другой — националистические круги.

Бронислав Коморовский имеет особые причины для организации марша: он сидел за то, что в ПНР организовал празднование 11 ноября в Варшаве. А националисты маршируют по случаю Дня независимости и выкрикивают лозунги, направленные против государства. Требуют ниспровержения этой республики. Кстати, интересно, кто, помимо Романа Гертыха, является наследником традиции эндеков***? Уж, во всяком случае, не эти «националисты».

Почему нет наследников традиции Романа Дмовского?

Не знаю, но это интересно. На первый взгляд, должны же быть в Польше какие-то наследники эндеков. Но вышло иначе.

Легче признать миф Пилсудского*, чем Дмовского?***

Концепция Пилсудского — авторитарная концепция, нужно помнить это. Социалисты радостно приветствовали майский переворот, так как он был направлен против правительства, в котором преобладали эндеки. Потом, наравне с эндеками, они стали жертвами репрессий санации. Следует помнить, что эндеки и сторонники санации ненавидели друг друга.

В этом есть нечто общее с нашим временем?

Это напоминает наше время. Та ненависть разрушала мост общих ценностей. Болезнь Польши была в том, что две крупнейшие политические формации, пилсудчики и эндеки, настолько враждовали между собой, что это не позволяло признать общие правила игры в рамках парламентской демократии. На этой основе — говоря упрощенно — и произошел майский переворот.

Мы наступаем на те же грабли? Вы это хотите сказать?

Нет, я не верю в повторяемость. Существуют неизменные модели поведения, но сказать: «это то же самое» было бы заблуждением. Слишком много переменных.

Но за этим что-то есть?

Отсутствие общепризнанных правил поражает и в межвоенной, и в нынешней Польше.

Страсти, кажется, накалились после смоленской катастрофы.

Я не подвергаю сомнению эмоции, которые эта трагедия вызвала в кругах ПиС, особенно у Ярослава Качинского. В то же время, с политической точки зрения это была редкая возможность раздавить соперника. В Польше всегда были склонны верить, что Россия убивает наших президентов. В феврале 1956 г. С Болеславом Берутом прощались толпы.

Я думал, Берута не слишком любили.

Пока был жив, его не любили, но умер он в Москве. В народе существовала абсолютная уверенность, что его отравили русские. А раз так, то он, явно, был искренним патриотом и поляком, иначе бы его не отравили. Довольно стойкий синдром.

Хотя я, конечно, не приравниваю Берута к Леху Качинскому, которого я любил и ценил. О нем говорили много неправды, несправедливо подвергали сомнению его интеллект. Это был человек принципов, которые я частично разделяю, потому что Лех Качинский по духу был социалистом. Но партийная лояльность часто позваляет действовать по принципам.

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOŁECZNO-KULTURALNE

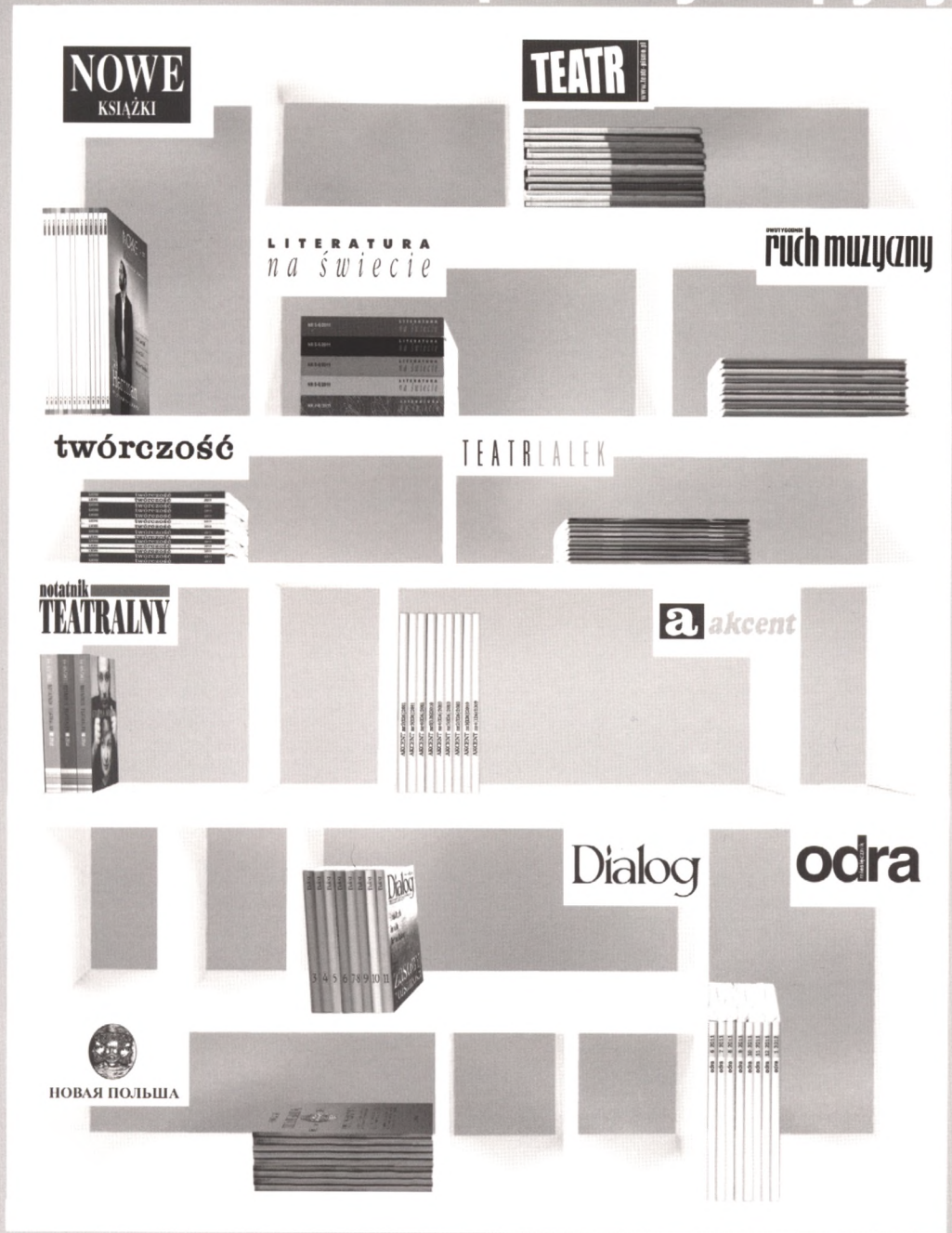
**Органичник – сторонник позитивистского лозунга «органической работы».

***Эндеки — члены Национал-демократической партии, существовавшей в 1897–1947 годах. Одним из основателей и идеологов этой партии был Роман Дмовский (1864–1939) — польский политический деятель и публицист.

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

Достаточно протянуть руку

Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589